

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

5/2024

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета»

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц.ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Домашенко**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

**Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University
Series D: Philology and Psychology”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **V.A. Domaščenko**, Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология.

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел:** +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

*Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Протокол 13 от 03.12.2024.*

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2024

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 5/2024

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Бессонова О.Л., Крамская С.А.* Обозначение конфликта в русском языке 3
- Ветрова Э.С.* Семантическая структура концепта «здоровье» в лезгинской и украинской лингвокультурах 13
- Зайцева И.П., Толкачёва К.Ю.* Своеобразие современного драматургического диалога (на материале пьесы Семёна Вяткина «Капремонт») 25
- Кравцов С.М., Чигридова Н.Ю.* Галлицизмы в итальянском языке и итальянизмы во французском: особенности адаптации 41
- Глазунова О.И.* О наречии *чуть* со значением крайне низкой степени интенсификации признака 50
- Митина Е.А.* Образ врага в английской и русской поэзии о Крымской войне 60
- Михалькова Н.В.* Семантические границы китайского иероглифического гнезда с детерминативом 虫 «насекомое» 73
- Мызникова Я.В.* Глаголы-заместители и глаголы-интенсификаторы в Среднем Поволжье как региональные явления 83
- Поддубская О.Н., Дарьина В.В.* Трудности машинного перевода культурно-специфических элементов в англоязычных новостных статьях 94
- Трофимова Е.В., Афонская Е.А.* Семантика фразеологизмов, выражающих отрицательные эмоции в англоязычной картине мира 104
- Храбскова ДМ., Томичева И.В.* *Mors certa* в сонете Пьера де Ронсара «*Je n'ai plus que les os...*» 115
- Исаева А.Э.* Конструкции с немецкими и русскими префиксальными инхоативными локативными глаголами со значением удаления: семантическая характеристика 124
- Чэнь Сяоюй* Языковая динамика русской экономической терминосистемы (на материале электронных СМИ конца XX – начала XXI века) 136

Психология

- Максименко Е.Г., Гордеева А.В., Вильдгрубе С.А., Андрюшкова Н.П., Набатова С.В., Чуканов Е.В.* «Обзор отечественных и зарубежных исследований феномена психологического благополучия» 147
- Правила для авторов 178

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 5/2024

CONTENTS

Philology

<i>Bessonova O.L., Kramskaya S.A.</i> Designation of conflict in the Russian Language	3
<i>Vetrova E.S.</i> Semantic structure of concept “health” in Lezgin and Ukrainian linguocultures	13
<i>Zaitseva I.P., Tolkacheva K. A. Yu.</i> Originality of modern dramatic dialogue (based on the play “Overhaul” by Semyon Vyatkin)	25
<i>Kravtsov S.M., Chigridova N. Yu.</i> Gallicisms in Italian and Italianisms in French: features of adaptation	41
<i>Glazunova O.I.</i> On the Russian adverb <i>chut’</i> with the meaning of extremely low degree of intensification	50
<i>Mitina E.A.</i> Image of enemy in English and Russian Crimean War poetry	60
<i>Mikhalkova N.V.</i> Semantic boundaries of the Chinese characters with the determinative 虫 “insect”	73
<i>Myznikova Y.V.</i> Substitute verbs and verbs-intensifiers in Middle Volga area as regional phenomena	83
<i>Poddubskaya O.N., Daryina V.V.</i> Machine translation difficulties of culture-specific elements in English news articles	94
<i>Trofimova E.V., Afonskaya E.A.</i> Semantics of phraseological units expressing negative emotions in the English-speaking worldview	104
<i>Khrabskova D.M., Tomicheva I.V.</i> Mors certa in sonnet «Je n’ai plus que les os...» by Pierre de Ronsard	115
<i>Isaeva A.E.</i> Constructions with German and Russian prefixal inchoative locative verbs with meaning of leaving: semantic characteristics	124
<i>Chen Xiaoyu</i> Language dynamics of Russian economic terminology system (based on electronic media of the late 20th – early 21st centuries)	136

Psychology

<i>Maksimenko E.G., Gordeeva A.V., Wildgrube S.A., Andryushkova N.P., Nabatova S.V., Chukanov E.V.</i> Review of domestic and foreign studies of phenomenon of psychological well-being	147
Guidelines for authors	178

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 811.161.1:81'37-048.93
DOI: 10.5281/zenodo.14278380

ОБОЗНАЧЕНИЕ КОНФЛИКТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

© 2024 *О.Л. Бессонова, С.А. Крамская*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID¹: 0000-0002-5171-9790

ORCID²: 0009-0009-9196-3331

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена рассмотрению особенностей семантики и функционирования номинаций конфликта в русском языке. Компоненты значения исследуемых номинаций являются источником лингвокультурологической и исторической информации и отражают отношение языкового сообщества к конфликтам. Корпус единиц исследования составили ключевые номинанты конфликта, синонимы слова *конфликт*, фразеологические единицы, обозначающие конфликт, а также контекстуальные номинации конфликта в медиадискурсе. В результате компонентного, контекстуального и лингвокультурологического анализа установлены семантические характеристики обозначений конфликта, особенности функционирования исследуемых номинаций в русскоязычном медиадискурсе, изучена взаимосвязь этих единиц с культурой носителей русского языка. Полученные результаты позволяют сделать вывод о роли конфликта в русском языковом сознании, где он является неотъемлемой частью общественных отношений и важным элементом коммуникации в различных сферах человеческой деятельности.

Ключевые слова: конфликт, наименования конфликта, семантический объем, функционирование, синоним, фразеологическая единица, медиатекст, картина мира.

Для цитирования: Бессонова О.Л. Обозначение конфликта в русском языке / О.Л. Бессонова, С.А. Крамская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 3–12. – <https://doi.org/10.5281/14278380>.

Введение. Данная работа посвящена рассмотрению особенностей семантики и функционирования наименований конфликта в русском языке. В фокусе исследования такие языковые единицы, как *конфликт*, его синонимы *стычка*, *схватка*, *столкновение*, фразеологические единицы (далее ФЕ) с компонентами, обозначающими конфликт, например, *быть на ножах*, а также наименования конфликта в медиадискурсе.

Конфликт представляет собой сложное социальное явление. Его можно охарактеризовать как явное или скрытое состояние противостояния интересов, целей и тенденций развития социальных объектов, а также прямое или косвенное столкновение,

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

базирующееся на противодействии существующему общественному порядку [4]. Как междисциплинарный феномен конфликт описан в работах А.С. Киндеркнехт [6], А.И. Стребкова [11], Э.Я. Уткина [14], Л.Н. Цой [15]. Необходимо отметить вклад целого ряда ученых в развитие теории конфликта и разные аспекты его изучения, в частности, в его определение (см., например, работы Л. Козера [7], К. Болдуинга [18], Ю.Г. Запрудского [4] и др.), классификацию (см. публикации К. Левина [9], К. Болдуинг [18], Г. Бисно [20]), в рассмотрение конфликта как феномена языка и речи (работы В.О. Мулькеевой [10], В.С. Третьяковой [12; 13], Ю.В. Щербининой [16], Г. Каспера и Э. Келлермана [21]). На современном этапе лингвистических исследований актуальным представляется понятие «конфликтного дискурса», получившее развитие в ряде работ (см., например, [5], [2], [1], [17]).

В современную эпоху «информационных войн» и непрекращающихся конфликтов разной интенсивности следует особо отметить роль СМИ. Она велика как никогда, поскольку медийный дискурс в целом и медийные тексты, в частности, описывая и оценивая наиболее актуальные события в жизни общества, отражают и раскрывают различные системы ценностей представителей лингвокультур. В медийном дискурсе ярко выражен аксиологический характер культурной оппозиции «мы/они», что проявляется в ее конфликтогенном потенциале. Аксиологическая значимость этой оппозиции обусловлена тем, что действия «нас» считаются «правильными», «мирными», «дружелюбными», в то время как действия их оппонентов – «их» – ассоциируются с чем-то «неправильным», «плохим».

Проблема конфликта является ключевой в современном медийном дискурсе и встроена в различные аспекты общественной жизни. Конфликтная тематика интегрируется в концептуальное пространство медиадискурса и языковое сознание лингвокультурного сообщества, поскольку основополагающей целью СМИ является не только информирование населения, но и формирование общественного мнения, взглядов, убеждений, принципов, стереотипов, культуры речи.

Существует множество классификаций конфликтов, каждая из которых базируется на ряде критериев и оснований: причины конфликта и его характер; характер противоречий, лежащих в его основе; политические цели; пространственно-временные масштабы, длительность конфликта; используемые средства; особенности доктрин участников; цивилизационные и культурные особенности; интересы участников; характер динамики конфликта; социально-психологические факторы конфликта [8]. В данном исследовании представляется целесообразным широкий подход к классификации типов конфликтов, среди которых мы выделяем следующие: вооруженные, политические, экономические, религиозные (подробнее см. [19]).

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что фоне проводимых в последние годы активных лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований особую значимость приобретает реконструкция на основе языковых данных представлений о явлениях, которые характеризуются социально-культурной и аксиологической ценностью для лингвокультурного сообщества. Компоненты значения исследуемых номинаций являются источником лингвокультурологической и исторической информации и отражают отношение языкового сообщества к конфликтам, что представляет особый интерес в наше время, характеризующееся высокой степенью напряженности и конфликтогенности.

Объектом исследования является обозначение конфликта в русском языке. **Предметом исследования** - семантика и функционирование обозначений конфликта в

русском языке. *Целью исследования* является установление и описание особенностей семантики и функционирования обозначений конфликта в русском языке.

Эмпирический корпус включает 177 языковых единиц со значением «конфликт». Из них 50 лексем, являющихся синонимами слова «конфликт», отобраны методом сплошной выборки из Словаря синонимов русского языка [22; 24], и 65 ФЕ, обозначающих конфликт, отобраны из Академического словаря русской фразеологии [23] и Фразеологического словаря русского языка [26]. 62 наименования конфликта зафиксированы в иллюстративных медиатекстах [27; 28], отобранных для анализа функционирования исследуемых номинаций.

1. Семантический объем понятия *конфликт*.

При отборе единиц, которые становятся в дальнейшем предметом группировки, семантического толкования, выявления их коннотативной составляющей, учитывались особенности репрезентации понятия *конфликт* с целью характеристики национальной специфики русского этноса, внутреннего и внешнего мира носителей языка. Сопоставительное изучение словарных статей из таких авторитетных толковых словарей, как Толковый словарь русского языка [29] и Большой толковый словарь русского языка [25] позволило наиболее полным образом раскрыть семантику слова *конфликт* в русском языке.

В русском языке были представлены следующие определения данного понятия:

- 1) столкновение, серьезное разногласие, спор;
- 2) *полит.* осложнение в международных отношениях;
- 3) *псих.* предельно обострённое противоречие, связанное с острыми эмоциональными переживаниями;
- 4) *эконом.* противоречие во взглядах и в отношениях, столкновение расходящихся, противоположных интересов, острый спор;
- 5) *педагог.* социальное явление, способ взаимодействия людей при столкновении их несовместимых взглядов, позиций и интересов, противоборство взаимосвязанных, но преследующих свои цели двух или более сторон;
- 6) *лит.* отраженное в художественном произведении противоречие, приводящее к столкновению характеров, характера и обстоятельств, различных сторон характеров.

В приведенных выше определениях можно выделить такие наиболее часто встречающиеся семы, как **спор, разногласие, столкновение, противоречие, противоположность, несовместимость**. Термин *конфликт* активно используется в различных сферах деятельности, таких как экономика, психология, политология и др., что делает его междисциплинарным феноменом.

2. Анализ синонимического ряда лексемы *конфликт*.

При отборе лексических единиц, составляющих номинативное поле лексемы «конфликт», учитывались в основном имена существительные, поскольку они наиболее полно характеризуют многообразие концептуальной картины мира, в частности тех ее фрагментов, которые связаны с конфликтом. Тем не менее, конечное количество лексем, образующих номинативное поле лексемы *конфликт*, сложно назвать в силу объективных причин.

Анализ языкового материала осуществлялся по данным современных русскоязычных словарей синонимов Н. Абрамова [22] и З.Е. Александровой [24], в которых наиболее полно и академично отражены синонимические связи лексемы *конфликт*. Лексема *конфликт* в русском языке, как показывает исследуемый нами материал, имеет 50 синонимов, которые составляют ее семантическую парадигму: *ссора, распря, раздор, размолвка, свара, столкновение, стычка, схватка, разлад,*

несогласие, противоборство, бой, сражение, битва, брань, драка, свалка, нелады, неполадки, перепалка, перебранка, потасовка, коллизия, конфронтация, вражда, противостояние, спор, напряжение, диспут, разногласие, противоречие, война, несоответствие, сцепка, шишка, разборка, склока, дразги, борьба, контры, бойня, руготня, грызня, баталия, противодействие, противление, оппозиция, обструкция, отпор, неувязка.

Анализ значения синонимических единиц позволил представить их в виде 5 групп на основе характера дифференциальной семы:

1) **борьба**: *конфликт, стычка, схватка, столкновение, бой, сражение, битва, драка, свалка, перепалка, потасовка, противостояние, война, сцепка, шишка, разборка, склока, бойня, борьба, баталия, отпор;*

2) **диалог**: *конфликт, ссора, размолвка, свара, несогласие, брань, перепалка, перебранка, спор, диспут, разногласие, конфронтация, разборка, дразги, контры, руготня, грызня;*

3) **вражда**: *конфликт, ссора, распря, раздор, размолвка, свара, столкновение, стычка, разлад, нелады, неполадки, вражда, противостояние, напряжение, война, конфронтация, оппозиция;*

4) **отсутствие порядка и согласия**: *конфликт, разлад, раздор, размолвка, нелады, неполадки, несогласие, столкновение, коллизия, противостояние, спор, напряжение, разногласие, противоречие, несоответствие, конфронтация, диспут, вражда, контры, дразги, противодействие, противление, оппозиция, обструкция, неувязка;*

5) **причина конфликта**: *ссора, драка, перепалка, раздор, разлад, столкновение, размолвка, стычка, свалка, перебранка, коллизия, потасовка, спор, свара, напряжение, несогласие, разногласие, противоречие, несоответствие, сцепка, шишка, разборка, склока, дразги, контры, руготня, грызня, противодействие, противление, оппозиция, обструкция, отпор, неувязка.*

Изучение синонимического ряда понятия «конфликт» в русском языке позволило определить наиболее близкие по значению синонимы: *столкновение, размолвка* (4 общие семы); *ссора, раздор, разлад, конфронтация, оппозиция, спор, дразги, несогласие* (3 совпавшие семы). Остальные синонимы имеют меньшее количество общих сем.

3. Фразеологическое поле лексемы *конфликт*.

Фразеологический уровень того или иного языка как нельзя лучше отражает стереотипы народного сознания, так как именно в нем находят свое выражение системы ценностных ориентаций, лежащие в основе различных культур. Анализ ФЕ показывает, что в них отражены многие стороны взаимодействия людей при конфликтных ситуациях. Фразеологизмы-синонимы, как и лексические синонимы, различаются по семантической близости, по-разному называя одно и то же явление объективной реальности. Фразеологическое поле лексемы *конфликт* насчитывает 65 ФЕ, связанных с понятием «конфликт», отобранных из Академического словаря русской фразеологии [23] и Фразеологического словаря русского языка [26]. Данные ФЕ делятся на три тематические группы, внутри которых можно выделить подгруппы.

1. Отрицательные эмоции и чувства человека, возникающие при конфликтах (37 ФЕ или 57%):

а) **насмешка, пренебрежение, презрение, неприязнь**: фразеологизмы данной подгруппы отражают пренебрежительное отношение к кому-либо или к чему-либо и выражают соответствующую эмоциональную оценку (*поднять на смех, попасть на зубок, скалить зубы, бросать камешки в огород, повернуться спиной, ни во что не*

ставить, в грош не ставить, нести ахинею, плюнуть в глаза, смотреть сверху вниз, с высоты своего величия, ворона в павлиньих перьях);

б) **раздражение, досада:** фразеологизмы этой подгруппы отражают эмоциональное состояние огорченного, раздраженного человека, которое вызвано его реакцией на какие-либо неприятные слова, события, явления действительности (*портить кровь, трепать нервы, играть на нервах, сводить с ума, стоять поперек горла, колоть глаза, выйти из себя, под горячую руку, гусей дразнить, чтоб ему пусто было);*

в) **негодование, возмущение, гнев:** ФЕ данной подгруппы отражают эмоциональное состояние возмущенного человека, которое вызвано его резко отрицательным отношением к каким-либо лицам, поступкам, явлениям действительности и т.д. (*вне себя, довести до белого каления, устроить сцену, кровь бросилась в голову, рвать и метать, метать громы и молнии);*

д) **предупреждение, предостережение, угроза:** ФЕ этой подгруппы служат для выражения предупреждения, предостережения, угрозы и связаны с соответствующим эмоциональным состоянием человека, которое вызвано негативным поведением или действием (*показать свои когти, не сносить головы, чтоб ноги твоей не было, показать, где раки зимуют, костей не собирать, стереть в порошок, спустить шкуру, свернуть шею, стереть с лица земли, мокрое место останется).*

2. Свойства и качества характера человека, проявляющиеся при конфликтах (13 ФЕ или 20%):

а) **непорядочность, нечистоплотность, беспринципность:** фразеологизмы данной подгруппы характеризуют человека непорядочного, морально нечистоплотного, беспринципного, умеющего устраивать свои дела за счет другого, способного сделать другому все самое плохое, человека без каких-либо моральных правил и норм (*мутить воду, чужими руками жар загребать, таскать каштаны из огня, подложить свинью, свалить с больной головы на здоровую, подлить масла в огонь, нечист на руку, нож в спину);*

б) **злость, злобность:** ФЕ этой подгруппы образно актуализируют сему «злоба» в самых различных ситуациях (*точить зубы, утопить в ложке воды, держать камень за пазухой, свести счеты, черная неблагодарность).*

3. Характеристика явлений и ситуаций, возникающих при конфликтах (15 ФЕ или 23%):

а) **разногласие, спор, ссора, вражда:** фразеологизмы данной группы отражают этапы противостояния двух сторон - от обычных разногласий до ссоры и непримиримой вражды, когда возможны самые острые формы злейшей борьбы (*накалить атмосферу, ломать копья, встретить в штыки, жить как кошка с собакой, черная кошка пробежала, яблоко раздора, быть на ножах, нож в спину);*

б) **вызов, борьба:** данные ФЕ выражают представления о борьбе в самых различных жизненных ситуациях (*не на жизнь, а на смерть, положить на обе лопатки, взять голыми руками, обломать рога, лечь костями).*

Таким образом, большую часть фразеологического поля лексемы *конфликт*, а именно 57% от общего количества отобранных единиц, составляют ФЕ, обозначающие негативные эмоции и чувства, что можно объяснить тем, что в русском языковом сознании конфликт воспринимается как негативное явление.

4. Функционирование наименований конфликта в медиадискурсе

В современной теории и практике конфликтологии распространено утверждение о том, что конфликт как феномен имеет двойственную природу и способен выполнять не только деструктивные, но и конструктивные функции [7]. Конструктивный конфликт

выступает как средство активизации социальной жизни группы или общества, поддерживает социальную активность людей, а его позитивные последствия связывают с разрешением возникших противоречий. Деструктивные конфликты разрушают сложившуюся систему отношений, ведут к негативным последствиям и не содержат в себе никаких положительных результатов. Подобный функциональный дуализм вполне применим и к анализу деятельности средств массовой информации в условиях конфликтной ситуации. Социальные конфликты – объект интенсивного медийного представления и интерпретации. Информирова и убеждая, средства массовой информации создают образ события. Следовательно, представление в СМИ конфликтной ситуации не следует оценивать однозначно негативно: зачастую обострение конфликтной ситуации позволяет выявить истинные намерения сторон, обозначить мотивы, интересы и ценности вовлеченных коммуникантов, усилить значимость проблемы, привлечь к ней внимание общественных институтов, способных оказать содействие в разрешении конфликта.

К эскалации конфликта, в частности, приводит использование журналистами конфликтогенов, под которыми понимают действия одной или нескольких сторон социального противоборства, в том числе слова, жесты, оценки, суждения, способные привести к усугублению конфликтной ситуации.

Чтобы проанализировать функционирование наименований конфликта в русском языке, нами были отобраны статьи из русского новостного интернет-портала Russia Today (RT). Поскольку, как отмечалось выше, конфликт воспринимается зачастую как негативное явление, то логичным будет начать с рассмотрения его деструктивной функции.

(1) *Цель понятна: путём демонизации России, запугав обывателя, оправдать безудержный рост военных расходов и полностью провалившуюся политику поддержки киевского режима с целью нанесения стратегического поражения России. А заодно заставить европейцев ещё энергичнее включиться в гонку вооружений на радость американскому ВПК. <...> Подобные истеричные настроения не красят руководство Чехии. Ну уж такое поколение политиков у них у власти. Это скорее их беда, а не наша. Россия не представляет угрозы для Европы – Европа представляет угрозу для России. <...> Нападение на блок НАТО не соответствует национальным интересам России, поскольку это чревато нанесением взаимного непоправимого ущерба. Все спекуляции подобного рода относятся к области пропаганды или конспирологии. Однако если в странах Балтии решат устроить геноцид русских людей или попытаются организовать морскую блокаду Калининградской области, то Россия будет вынуждена пойти на крайние меры. <...> Подобная политическая манипуляция чревата нагнетанием дополнительной напряжённости в наших и без того непростых отношениях. Этой нервной ситуацией могут воспользоваться внешние деструктивные силы, желающие разжечь войну в Европе [28].*

Таким образом, деструктивная функция, проявляющаяся на различных уровнях социальной системы, выражается в формировании отрицательного образа собеседника. В данном случае Запад «*путём демонизации России*» выставляет своего оппонента в негативном свете, в то время как Россия, в свою очередь, представляет Европу как угрозу (*Европа представляет угрозу для России*) и преподносит сложившуюся ситуацию в виде ее истерики («*Подобные истеричные настроения не красят руководство Чехии*»; «*Этой нервной ситуацией могут воспользоваться...*»).

Следующим важным средством, с помощью которого реализуется деструктивная функция конфликта, является негативное влияние на участников конфликтной

ситуации, дестабилизация или дезорганизация одной из противоборствующих сторон («с целью нанесения стратегического поражения России»; «Подобная политическая манипуляция чревата нагнетанием дополнительной напряжённости»), а также использование манипуляций, скрытых обманных тактик с целью получения собственной выгоды, и прочих видов психологического воздействия: «заставить европейцев ещё энергичнее включиться в гонку вооружений»; «политическая манипуляция»; «запугав обывателя».

Конфликт нередко связан с насилием, может спровоцировать большие человеческие жертвы и материальные потери, что также является проявлением деструктивной функции: «это чревато нанесением взаимного непоправимого ущерба»; «решат устроить геноцид русских людей»; «внешние деструктивные силы, желающие разжечь войну»).

Теперь перейдем к рассмотрению конструктивной функции конфликта и особенностям ее реализации.

(2) На оперативных переговорах между Россией и Ираном, естественно, главным вопросом является палестинское урегулирование. Лидеров двух стран объединяют общие интересы. Если конфликт будет разрастаться, есть вероятность того, что другие страны будут в него вовлечены, в том числе Иран. Поэтому мы стремимся не допустить разрастания этого противостояния. Полагаю, что турне российского президента по ключевым ближневосточным странам как раз продиктовано тем, чтобы выработать единую позицию по палестино-израильскому конфликту. <...> Мы сходимся в том, что нужно немедленно достичь прекращения огня, перемирия, потому что это позволит сохранить очень многие жизни как с одной, так и с другой стороны. Кроме того, обе страны разделяют мнение, что сейчас надо не искать виноватых, а добиться оказания гуманитарной помощи пострадавшим [27].

Для конструктивной функции конфликта характерно полное или частичное противоречие между вовлеченными сторонами. В данном случае она преобразуется в интегративную, объединительную функцию, при которой группа лиц объединяет силы для избавления от угрозы: «объединяют общие интересы», «главным вопросом является палестинское урегулирование»; «мы стремимся не допустить разрастания этого противостояния»; «Мы сходимся в том, что нужно немедленно достичь прекращения огня, перемирия»; «обе страны разделяют мнение». Данный вид конфликта также характеризуется единством мнений обеих сторон, общими интересами и целями. Более того, конструктивный конфликт имеет позитивные последствия: «это позволит сохранить очень многие жизни».

Заключение. Анализ семантического объема лексемы *конфликт* подтверждает представление о том, что данное понятие является одним из важнейших в русском языковом сознании и занимает значительное место в языковой картине мира лингвокультурного сообщества. Следует подчеркнуть, что слово *конфликт* стало особенно подробно толковаться во всех современных словарях русского языка в последние 15 лет (даже очень кратких). Данная тенденция свидетельствует о его актуальности. ФЕ занимают важное место в любом языке, ведь именно в них отражаются культурная самобытность и стереотипность сознания того или иного народа, народного сознания. В результате анализа семантики фразеологического поля *конфликта* было установлено, что большую часть составляют ФЕ, обозначающие отрицательные эмоции и чувства. Это можно объяснить тем, что конфликт считается негативным и деструктивным явлением в русском языке. Изучение функционирования

наименований конфликта в медиадискурсе свидетельствует о двойственной природе конфликта, что актуализируется его конструктивной и деструктивной функциями.

Таким образом, конфликт является неотъемлемой частью общественных отношений и важным элементом коммуникации в различных областях жизни русского лингвокультурного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоус Н.А. Функциональные особенности конфликтного дискурса / Н.А. Белоус // Знание, Понимание. Умение. – 2008. Вып. 4. – С. 152–157.
2. Городецкий Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач / Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобзева, И.Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск, 2020. – С. 64–78.
3. Дойч М. Разрешение конфликта. Конструктивные и деструктивные процессы / М. Дойч // Социально-политический журнал. – 1997. – № 1. – С. 202–217.
4. Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт (политологический анализ): автореф. дис. ... д-ра философских наук : 09.00.10 / Ю.Г. Запрудский. – Ростов-на-Дону, 1992. – 41 с.
5. Ермакова О.Н. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О.Н. Ермакова, Е.А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 36–64.
6. Киндеркнехт А.С. Эволюция понимания конфликта в современном научном знании [Электронный ресурс] / А.С. Киндеркнехт // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13. – № 4. – Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK422.pdf> (дата обращения: 17.09.2024).
7. Козер Л. Функции социального конфликта / Льюис Козер; пер. с англ. яз. О. Назаровой; под общ. ред. Л.Г. Ионина. – Москва: Идея-пресс : Дом интеллектуал. кн., 2000. – 205 с.
8. Кудояр Л.М. Межгосударственные конфликты / Л.М. Кудояр, А.П. Хоменко // Социально-гуманитарные аспекты развития современного общества: Всеукраин. науч. конф. преподавателей, аспирантов, сотрудников и студентов фак-та иностранной филологии и социальных коммуникаций: материалы. – Сумы: СумГУ, 2012. – Ч. 2. – С. 76–78.
9. Левин К. Разрешение социальных конфликтов / К. Левин. – СПб.: Речь, 2000. – 408 с.
10. Мулькеева В.О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.О. Мулькеева. – Санкт-Петербург, 2006. – 19 с.
11. Стребков А.И. Междисциплинарный характер конфликтологии / А.И. Стребков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – 2005. – Вып. 3. – С. 17–23.
12. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста [Электронный ресурс] / В.С. Третьякова // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2010. – С. 127–140. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/tretyakova-00.htm> (дата обращения: 21.11.2023).
13. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи / В.С. Третьякова // Известия Уральского гос. ун-та. – 2013. – Вып. 14. – № 27. – С. 143–152.
14. Уткин Э.Я. Конфликтология. Теория и практика / Э.Я. Уткин. – М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем», изд-во «Экмос», 2000. – 271 с.
15. Цой Л.Н. Исследования конфликтов: от парадигмы к предметной области [Электронный ресурс] / Л.Н. Цой // NovaInfo. – 2013. – № 12. – Режим доступа: <https://novainfo.ru/article/2424> (дата обращения: 17.09.2024).
16. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия и пути ее преодоления язык / Ю.В. Щербина. – М.: Флинта, 2004. – 134 с.
17. Шуваев В.В. Конфликтный дискурс и его основные характеристики / В.В. Шуваев // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. сб. статей III Международной научно-практической конференции: в 2-х ч. – Пенза: Наука и просвещение, 2022. – Часть 1. – С. 167–170.
18. Boulding K. Conflict and defense: a general theory / K. Boulding. – New York: Harper & Brothers, 1962. – 349 p.
19. Byessonova O. Binary opposition ‘us/them’ in British and American media texts about conflicts / O. Byessonova, E. Gordienko // SKASE Journal of Theoretical Linguistics [online]. – 2021. – Vol. 18. – No. 2 [cit. 2021-12-07]. Available on web page http://www.skase.sk/Volumes/JTL49/pdf_doc/06.pdf. ISSN 1336-782X, P. 91-111.
20. Bisno H. Managing Conflict. – Newbury Park, MA: Sage Publications, 1988. – 175 p.
21. Kasper G. Communication strategies: Psycholinguistic and sociolinguistic perspectives / G. Kasper, E. Kellermann. – New York: Routledge, 2014. – 410 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

22. Абрамов Н. (Переферкович Н.А.) Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5000 синонимических рядов, более 20000 синонимов / Н. Абрамов. - 8-е изд., стер. - М.: Русские словари [и др.], 2008.
23. Академический словарь русской фразеологии. - М.: ЛЕКСПУС, 2014. – 742 с.
24. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. - М.: Русский язык, 2005. – 600 с.
25. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: АСТ, 2021. – 1268 с.
26. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь русского языка / Ю.А. Ларионова. – М.: Аделант, 2014. – 512 с.
27. Латышев Алексей, Дуюн Владимир; RT, 07.12.2023: Стратегическое взаимодействие: какие вопросы обсудят лидеры России и Ирана на встрече в Москве. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/1241730-peregovory-putin-raisi> (дата обращения: 16.02.2024).
28. Латышев Алексей, Дуюн Владимир; RT, 23.01.2024: «Разжечь войну в Европе»: что стоит за заявлениями западных политиков о возможности конфликта с Россией. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/1261982-pistorius-voina-rossiya> (дата обращения: 16.02.2024).
29. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=11817> (дата обращения: 15.12.2023).

REFERENCES

1. Belous N.A. (2008). Funktsional'nye osobennosti konfliktogo diskursa [Functional features of conflict discourse] in Znanie, Ponimanie. Umenie [Knowledge, Understanding. Ability]. Vyp. 4. Pp. 152–157 (In Russian).
2. Gorodetskiy B.Yu., Kobzeva I.M., Saburova I.G. (2020). K tipologii kommunikativnykh neudach [On the typology of communicative failures] in Dialogovoe vzaimodeystvie i predstavlenie znaniy [Dialog interaction and knowledge representation]. Novosibirsk. Pp. 64–78 (In Russian).
3. Doych M. (1997). Razreshenie konflikta. Konstruktivnye i destruktivnye protsessy [Constructive and destructive processes] in Sotsial'no-politicheskiy zhurnal [Socio-political journal]. № 1. Pp. 202–217 (In Russian).
4. Zaprudskiy Yu.G. (1992). Sotsial'nyy konflikt (politologicheskiy analiz) [Social conflict (political science analysis)]: avtoref. dis. ... d-ra filosofskikh nauk : 09.00.10. Rostov-na-Donu (In Russian).
5. Ermakova O.N., Zemskaya E.A. (1993). K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) [owards the construction of a typology of communicative failures (based on the material of natural Russian dialogue)] in Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt [Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspect]. М.: Nauka. Pp. 36–64 (In Russian).
6. Kinderknekht A.S. (2022). Evolyutsiya ponimaniya konflikta v sovremennom nauchnom znanii [The evolution of understanding conflict in modern scientific knowledge] in Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya [The world of science. Sociology, philology, cultural studies]. T. 13. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK422.pdf> (In Russian).
7. Kozer L. (2000). Funktsii sotsial'nogo konflikta [Functions of social conflict]. Moskva: Ideya-press : Dom intellektual. kn. (In Russian).
8. Kudoyar L.M., Khomenko A.P. (2012). Mezhsudarstvennye konflikty [Interstate conflicts] in Sotsial'no-gumanitarnye aspekty razvitiya sovremennogo obshchestva: Vseukrain. nauch. konf. prepodavateley, aspirantov, sotrudnikov i studentov fak-ta inostrannoy filologii i sotsial'nykh kommunikatsiy: materialy [Socio-humanitarian aspects of the development of modern society: All-Ukrainian. scientific conference of teachers, postgraduates, staff and students of the Faculty of Foreign Philology and social Communications: materials]. Sumy: SumGU. Ch. 2. Pp. 76–78 (In Russian).
9. Levin K. (2000). Razreshenie sotsial'nykh konfliktov [Resolution of social conflicts]. SPb.: Rech'. (In Russian).
10. Mul'keeva V.O. (2006). Rechevye strategii konflikta i faktory, vliyayushchie na ikh vybor [Speech strategies of conflict and factors influencing their choice] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. Sankt-Peterburg. (In Russian).
11. Strebkov A.I. (2005). Mezhdistsiplinarnyy kharakter konfliktologii [Interdisciplinary character of conflictology] in Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg University]. Ser. 6. Vyp. 3. Pp. 17–23 (In Russian).
12. Tret'yakova V.S. (2010). Konflikt glazami lingvisty [Conflict through the eyes of a linguist] in Yurilingvistika-2: russkiy yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom bytii [Jurilinguistics–2: Russian

language in his natural and legal being]. Barnaul. Pp. 127–140. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/tretyakova-00.htm> (In Russian)

13. Tretyakova V.S. (2013). Konflikt kak fenomen yazyka i rechi [Conflict as a phenomenon of language and speech] in *Izvestiya Ural'skogo gos. un-ta* [Izvestia of the Ural State University]. Vyp. 14. № 27. Pp. 143–152 (In Russian).

14. Utkin E.Ya. (2000). Konfliktologiya. Teoriya i praktika [Conflictology. Theory and practice]. M.: Assotsiatsiya avtorov i izdateley «Tandem», izd-vo «Ekmos». (In Russian).

15. Tsoy L.N. (2013). Issledovaniya konfliktov: ot paradigm k predmetnoy oblasti [Conflict studies: from a paradigm to a subject area] in *Novainfo* [Novainfo]. № 12. URL: <https://novainfo.ru/article/2424> (In Russian).

16. Scherbinina Yu.V. (2004). Rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya yazyk [Speech aggression and ways to overcome it language]. M.: Flinta. (In Russian).

17. Shuvaev V.V. (2022). Konfliktnyy diskurs i ego osnovnye kharakteristiki [Conflict discourse and its main characteristics] in *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. sb. statey III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2-kh ch* [Fundamental and applied scientific research: topical issues, achievements and innovations. collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference: in 2 parts]. Penza: Nauka i prosveschenie. – Chast' 1. Pp. 167–170 (In Russian).

18. Boulding K. (1962). Conflict and defense: a general theory. New York: Harper & Brothers. (In English).

19. Byessonova O., Gordienko E. (2021). Binary opposition 'us/them' in British and American media texts about conflicts. In *SKASE Journal of Theoretical Linguistics* [online]. Vol. 18. No. 2 (In English). URL: http://www.skase.sk/Volumes/JTL49/pdf_doc/06.pdf. ISSN 1336-782X, P. 91–111 (In English).

20. Bisno H. (1988). *Managing Conflict*. Newbury Park, MA: Sage Publications (In English).

21. Kasper G. (2014). *Communication strategies: Psycholinguistic and sociolinguistic perspectives*. New York: Routledge (In English).

Поступила в редакцию 22.09.2024 г.

DESIGNATION OF CONFLICT IN THE RUSSIAN LANGUAGE

O.L. Bessonova, S.A. Kramskaya

This contribution addresses designations of conflict in the Russian language. The focus is made on semantics and functioning of this versatile phenomenon nomination. The components of the meaning of the nominations under study are a source of linguo-cultural and historical information, and reflect the attitude of the language community to conflicts. The language corpus consists of key nominations of conflict, as well as its synonyms, and phraseological units denoting conflict. The contextual designations of conflict in media discourse are incorporated in the empirical corpus, too. In the course of componential, contextual, and linguo-cultural analysis, the semantic features of conflict designations, as well as their functioning in the discourse of media have been considered. The relationship of these units with the culture of native speakers of Russian has been brought into the open. The results obtained enable to draw the conclusion about the role of conflict in the Russian linguistic consciousness, where it proves to be an integral part of social relations, and an important communicative element in various spheres of human life.

Key words: conflict, conflict designations, semantic space, synonym, phraseological unit, media text, worldview.

Бессонова Ольга Леонидовна.

Доктор филологических наук, профессор.
Донецкий государственный университет.
Заведующий кафедрой английской филологии.
ORCID: 0000-0002-5171-9790.
E-mail: o.bessonova.2023@list.ru.

Bessonova Olga Leonidovna.

Doctor of Philology, Professor.
Donetsk State University.
Head of English Philology Department.
ORCID: 0000-0002-5171-9790.
E-mail: o.bessonova.2023@list.ru.

Крамская Светлана Александровна.

Бакалавр факультета иностранных языков.
Донецкий государственный университет.
ORCID: 0009-0009-9196-3331.
E-mail: possumka@mail.ru.

Kramskaya Svetlana Alexandrovna.

Bachelor student of the Faculty of Foreign Languages.
Donetsk State University.
ORCID: 0009-0009-9196-3331.
E-mail: possumka@mail.ru.

Научная статья

УДК 81'37

DOI: 10.5281/zenodo.14275920

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «ЗДОРОВЬЕ» В ЛЕЗГИНСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ²

© 2024 Э.С. Ветрова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID: 0009-0008-6639-3691

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье осуществляется сопоставительный анализ концепта «здоровье» в лезгинской и украинской лингвокультурах, определяются сходства и различия в его содержании и особенностях вербальной репрезентации. Изучена семантическая структура данного концепта в лезгинском и украинском языках, исследована специфика объективации его ядерной, базовой и периферийной зон, установлены концептообразующие признаки, наиболее значимые для сопоставляемых лингвокультур. Отмечается, что в обеих лингвокультурах концепт «здоровье» реализуется с помощью большого количества равноуровневых языковых средств, которые отличаются широкой вариативностью и частотностью употребления в речи, что позволяет рассматривать его как базовую категорию национального сознания обоих этносов. В результате анализа автор приходит к выводу, что концепт «здоровье» относится к ценностным универсалиям, однако его семантическое наполнение и способы вербальной объективации имеют культурно обусловленный характер и отражают специфику национального мировосприятия.

Ключевые слова: концепт «здоровье», семантическая структура, денотативный компонент, образный компонент, аксиологический компонент, лезгинская лингвокультура, украинская лингвокультура.

Для цитирования: Ветрова Э.С. Семантическая структура концепта «здоровье» в лезгинской и украинской лингвокультурах / Э.С. Ветрова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 13–24. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14275920>.

1. Введение. Здоровье как главное условие выживаемости и нормальной жизнедеятельности человека всегда занимало особое место в системе ценностных ориентиров любого этноса. В национальном сознании большинства народов мира здоровье воспринимается как ценность высшего порядка, которая охватывает все измерения человеческого опыта – физическое и психическое состояние, рациональное восприятие, эмоциональные реакции, взаимоотношения в социуме и др. Здоровье является базовой ценностной универсалией, вместе с тем, образ жизни того или иного этноса, его целевые установки и средства их достижения формируют разное отношение к здоровью, наполняя данное понятие различным аксиологическим содержанием. Представления о здоровье создаются в соответствии с определенными нравственными эталонами и образцами поведения, которые имеют национально обусловленный характер и выполняют свою

² Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

регулирующую функцию только в пределах конкретных этнических групп и сообществ. Как гласит русская пословица: «Что русскому здорово, то немцу смерть» [22].

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Начало XXI в. ознаменовалось повышенным интересом ученых к феномену здоровья, всестороннее изучение которого сегодня входит в круг глобальных научных проблем. Стремительное развитие техногенной цивилизации при всех ее значительных успехах привело к серьезным негативным для всего мира последствиям. Затяжные военные конфликты, предельное обострение экологической обстановки, пандемии, дегуманизация общества повлекли за собой разрушение ценностно-идеологической базы общества и поставили под угрозу сохранение не только физического, но и духовного (психического и нравственного) здоровья человека. В силу данных обстоятельств понятие *здоровье* становится все более экзистенциально значимым, аксиологически нагруженным и все чаще вызывает интерес специалистов из различных научных областей, в том числе и лингвистов. Не вызывает сомнений тот факт, что представления о здоровье находят непосредственное отражение в языковом сознании и коммуникативном поведении этноса, в связи с чем возникает необходимость в реконструкции данного фрагмента национальной картины мира посредством анализа разноуровневых языковых единиц. В рамках утвердившейся в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы актуальным и перспективным представляется сопоставительное исследование «здоровья» как базового концепта, входящего в ядро любой национальной концептосферы, с целью выявления сходств и различий в способах его категоризации и вербальной репрезентации в различных лингвокультурах.

Следует отметить, что в современной лингвистике концепт «здоровье» неоднократно становился объектом научных изысканий как на материале отдельных языков, так и в сопоставительном аспекте [3, 10, 14, 15, 16, 18 и др.]. Вместе с тем можно констатировать, что на сегодняшний день данная проблема изучена фрагментарно и нуждается в поиске новых подходов к ее решению. Попытки сопоставительного анализа семантической структуры концепта «здоровье» на материале лезгинского и украинского языков в лингвистике не предпринимались.

Цель настоящего исследования – изучить семантическую структуру концепта «здоровье», выявить сходства и различия в его семантическом наполнении и способах языковой экспликации в лезгинской и украинской лингвокультурах.

Материалом исследования послужили объективирующие концепт «здоровье» языковые единицы (лексемы, словосочетания, пословицы и поговорки, формулы речевого этикета), отобранные путем сплошной выборки из словарей, фольклорных текстов, текстов художественной литературы на лезгинском и украинском языках.

Методы исследования. Изучение концепта «здоровье» в лезгинской и украинской лингвокультурах осуществлялось по традиционной схеме с использованием следующих лингвистических методов.

1. Установление базовых репрезентантов концепта – наиболее употребительных в каждой из лингвокультур, стилистически и оценочно нейтральных лексем, максимально полно и объемно отражающих его содержание.

2. Изучение деривационных отношений между репрезентантами концепта, установление производящей основы (словообразовательный анализ).

3. Исследование семантической мотивированности (внутренней формы) ключевого слова – концепта в сопоставляемых языках (этимологический анализ).

4. Анализ дефиниций слов – репрезентантов концепта в лексикографических источниках, установление их логико-предметного содержания (лексикографический анализ).

5. Определение полного набора сем базовых номинантов концепта в обоих языках, выявление семантических доминант, интегральных и дифференциальных сем в сопоставляемых языках (компонентный анализ), установление парадигматических связей – наличия синонимов, антонимов (лексико-семантический анализ).

6. Изучение семантической сочетаемости базовых номинантов концепта с другими языковыми единицами (дистрибутивный анализ).

7. Анализ значений языковой единицы в составе речевого образования – контекста (контекстуальный анализ).

2. Основная часть. В современной лингвистике понятие «концепт» является дискуссионным и имеет множество определений, что обусловлено его сложностью, противоречивостью и многомерностью. Согласно лексикографическим источникам, слово *концепт* имеет следующее происхождение: лат. *conceptus* ‘мысль, понятие’ > *concipere* ‘собирать, излагать, задумывать’ > *capere* ‘брать, хватать, поймать’ (> «понимать, постигать») [32]. На основании данной этимологии в философских словарях *концепт* рассматривается как акт «схватывания» смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания [9].

В лингвистике слово *концепт* вошло в активный научный оборот лишь в конце XX в. в связи с формированием когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. До этого в научной литературе этот термин практически не использовался, хотя впервые он встречается в статье С.А. Аскольдова-Алексеева «Концепт и слово», опубликованной в 1928 г. в сборнике «Русская речь» [2]. В данном исследовании под концептом автор подразумевает «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [2, с. 269]. Концепты, по образному высказыванию ученого, – «это эмбрионы мысленных операций, которые в своем раскрытии могли бы занять часы, дни, иногда месяцы, – например, концепт "падение римской империи" в понимании историка-специалиста» [2, с. 273].

Рассуждения С.А. Аскольдова продолжает Д.С. Лихачев в работе «Концептосфера русского языка» [7]. Ученый предлагает считать концепт своего рода «алгебраическим выражением», которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.). Различия между концептом и понятием автор объясняет следующим образом: «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Концепт не только подменяет собой значение слова..., он в известной мере и расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, "дофантазирования" и для эмоциональной ауры слова» [7]. Можно предположить, что исторически подобные размышления восходят к трудам средневекового французского философа, основателя концептуализма Пьера Абеляра, который утверждал, что концепт (*conceptus*) отличается от понятия (*intellectus*) способом «схватывания» (*conceptio*), постижения смысла: понятие рационально и связано со знанием (пониманием), тогда как концепт – производное возвышенного духа, разума, способного творчески «собирать» (*concipere*), т.е. воспроизводить смыслы (цит. по [8]).

В современной лингвистике изучению феномена «концепт» посвящена обширная литература – см., например, работы [1; 4; 5; 6; 12; 13 и др.], и с каждым годом интерес к нему только возрастает. Вместе с тем, несмотря на большое количество научных

разработок, данная проблема все еще далека от своего окончательного разрешения в силу сложности, многомерности и дискуссионности самого объекта исследования.

В данной статье под концептом подразумевается единица мышления, которая воспроизводит хранящуюся в индивидуальной либо коллективной памяти культурно значимую, эмоционально «переживаемую» информацию о том или ином фрагменте объективной реальности [5, с. 128]. «Концепт», как и понятие, представляет собой совокупность знаний об объекте мысли, полученную в результате познавательной деятельности человека, однако интерпретирует эту информацию с другого ракурса: если «понятие» относится к рациональным логическим операциям и отражает наиболее существенные для данного объекта признаки, то для концепта определяющую роль играет ценностный компонент, квалификативно-оценочное видение мира, которое имеет культурно обусловленный характер [5; 6].

В большинстве исследований, выполненных в рамках лингвокультурологического и когнитивного подходов, концепт рассматривается как сложное ментальное образование [4; 5; 6; 7; 12], в семантической структуре которого выделяется понятийная сторона и «все, что делает его фактом культуры» – этимология, современные ассоциации, образные характеристики, оценки и др. [12, с. 41]. С формальной точки зрения концепт характеризуется высокой «номинативной плотностью», или «плотностью вербального покрытия» (термин В.И. Карасика [4, с. 111]), – наличием в языке большого арсенала разноуровневых средств его вербализации (лексических, фразеологических, лексико-синтаксических), которые передают различные смысловые оттенки обозначаемого фрагмента национальной концептосферы, детализируя информацию о нем [4, с. 112]. «Плотность вербального покрытия» напрямую связана с местом данного концепта в системе ценностных ориентаций этноса: чем больше языковых средств используется для его обозначения, тем большей аксиологической и экзистенциальной значимостью он обладает в той или иной лингвокультуре.

В данном исследовании концепт рассматривается как сложное ментальное образование, в семантической структуре которого выделяются три компонента: 1) образный; 2) денотативный; 3) аксиологический.

Образный компонент. Любой концепт имеет образную природу. Человек воспринимает окружающий мир в виде конкретных образов, которые формируются на основании его личного чувственного опыта – первого впечатления о том или ином предмете (явлении) – например, образ дерева, дороги и т.д. Данные образы составляют наиболее значимую, наглядную и устойчивую часть концепта – его ядро.

Денотативный компонент. В процессе познавательной деятельности – накопления человеком знаний об окружающем мире первоначальное содержание концепта усложняется, абстрагируется, обрастая логическими и понятийными признаками, и образует базовый слой концепта – информационное содержание, которое представляет собой набор дифференциальных когнитивных признаков, характеризующих понятие о предмете или явлении, его денотат. По смысловому наполнению денотативный компонент близок к словарной дефиниции.

Аксиологический компонент (эмотивность, оценочность, поведенческие нормы) образуется дополнительными, частными признаками, привнесенными культурой, традициями, личным и народным опытом – периферия концепта.

В украинском языке концепт «здоровье» вербализуется посредством лексических единиц *здоров'я, здоровий* и их многочисленных дериватов: *здоров'ячко, здоровенький, здоровісінький, здоровесенький; здоровенний, здоровецький, здоровезний; здороваль, здоровань, здоровега, здоровець, здоровила, здоровило, здоровко, здоровіти, здоровішати* и др. [20; 28]. Прямой номинацией изучаемого концепта является слово *здоров'я* (образовано от лексемы *здоровий* с помощью суффикса *-j-* с семантикой

отвлеченности). В русских и украинских лексикографических источниках лексема *здоров'я* имеет следующую дефиницию: 'состояние организма, при котором нормально функционируют все его органы; то или иное самочувствие человека' [20], 'отсутствие недуга, болезни' [29]. Данная семема содержит следующий набор сем: 'состояние организма', 'функционирование всех органов', 'самочувствие', которые дают базовое представление о здоровье как о благоприятном физиологическом состоянии человека, когда все его органы работают нормально.

Более полно содержание изучаемого концепта в украинском языке отражает лексема *здоровий*, которая имеет следующие значения:

1) обладающий здоровьем, не больной: *При оглядинах Гаркуша не забракував нікого, всі були здорові, повносили* (О. Гончар);

// не получивший повреждения (целый, невредимый) – про органы и части тела: *Самі ноги занесли його на ниву, що, мов здорового зуба, виривав її в нього Семен* (М. Коцюбинський);

// не испорченный, не поврежденный (о плодах растения): *Вона на ниві працювала. Копала бульбу. Маленький цибрик накопала здорової, – а гниляків ціла гора!* (І. Франко);

// выражающий, обнаруживающий здоровье: *Паничі були високі на зріст, кремезні, широкоплечі й русяві, їх рум'яні, повні щоки були здорові якось по-сільськи* (І. Нечуй-Левицький).

2) полезный для здоровья: *Слабим більше помагає здоровий, свіжий гірський воздух, ніж води* (І. Нечуй-Левицький);

3) разг. крепкого сложения; сильный (о человеке): *І був у того чоловіка один одним син, гарний парубок і здоровий такий, що й вола б надвоє роздер* (М. Кропивницький);

// высокий ростом, иногда старше по возрасту: *Грізний, здоровий [дядько] – до сволюка головою сягає* (М. Стельмах);

// к чему – способный выполнять какую-либо работу: *У них [магнатів] було землі неміряно; були хутори, села, навіть цілі городи – не десятки, а сотні тисяч люду, з здоровими до праці руками* (П. Мирний).

4) розм. большой по размеру, объему:

// непропорционально большой (о частях тела человека или животного): *Голова здорова, кругла, наче гарбуз* (П. Мирний);

5) который занимает большое пространство: *Та й город який наш здоровий!* – сказав Івась (П. Мирний);

6) перен. правильный, умный: *Микола й Тарас і самі не помітили, як стали друзями. Це була хороша, здорова дружба* (Д. Ткач) [20; 28].

По данным этимологических словарей, лексема *здоровий* относится к общеславянскому словарному фонду и встречается во всех славянских языках, ср.: др.-русск. *съдоровъ*, ст.-слав. *съдравъ*, русск. *здоровый*, укр. *здоровий*, болг. *здрав*, сербохорв. *здравъ*, *здрава*, словен. *zdrav*, *zdrava*, чеш., слвц. *zdravý*, польск. *zdrowy*. Слово ведет свое происхождение от праславянского **sъdorvъ* (после развития полногласия *or > oro* и озвончения *s* перед *d* в *z* после падения редуцированных трансформировалось в *здоров-*), где *съ* = др.-инд. *su* 'хороший' (Бодуэн де Куртенэ, Stud. Brückn. 221 и сл.) и **dorvo-* 'дерево' (чередование гласных), т.е. буквально – 'из хорошего дерева'. ср. у Мельникова русск. *здоровенный...*: ровно из матёрого дуба вытесан (3, 335) [23; 31; 33].

Таким образом, во внутренней форме лексем *здоровий*, *здоровье* в славянских языках отчетливо прослеживаются языческие коннотации. В традиционной культуре

славян дуб – самое почитаемое, священное дерево, стоящее у истоков мироздания, символизирующее силу, крепость и мужское начало [11, с. 141]. Со временем отдельные свойства дуба приобрели символический смысл. В частности, такие его природные характеристики, как большой размер, твердая и прочная древесина, долговечность стали основой ассоциативного перехода: «природа – человек» и формирования переносных значений: ‘большой’, ‘сильный и крепкий’, ‘долговечный’, которые тесно связаны с представлениями наших предков о физическом здоровье и долголетию человека как базовых ценностных категориях и образуют ядро концепта.

О наличии образной составляющей в семантической структуре концепта «здоровье» в украинском языке свидетельствует и тот факт, что лексемы *здоров'я*, *здоровий* обладают широкими дистрибутивными возможностями и активно сочетаются с другими языковыми единицами, развивая переносные значения. Так, например, существительное *здоров'я* чаще всего сочетается с метафорическими эпитетами: *міцне, добре, слабке, підірване, мінливе, зруйноване*, а также является основой глагольных метафор: *берегти (підтримувати) здоров'я; дбати (ніклуватися) про здоров'я*, которые указывают на концептообразующую значимость для украинской лингвокультуры признака изменчивости состояния здоровья. Прилагательное *здоровий* легко согласуется с существительными, образуя атрибутивные словосочетания с целостной семантикой: *здорова людина, здоровий глузд, здорова їжа, здоровий спосіб життя, здоровий апетит, здорова атмосфера, здоровий рум'янець* [20]. Кроме того, данная лексема часто входит в состав устойчивых компаративных оборотов: *здоровий як вода (земля, верба, хрін, бик)*, которые являются неотъемлемой частью устно-поэтической народной традиции: *Будь здорова, як вода, а багата, як земля!; Будь великий, як верба, а здоровий, як вода, а багатий, як земля!; Щоб здорові були, як вода!* – пожелания добра [30].

В лезгинском языке концепт «здоровье» объективируется с помощью следующих лексем: *сагъ, сагъвал, сагълам, сагълугъ, сагълугъвал, сагъ-саламат, сагъ-саламатвал, сагъ-саламатдиз, сагъдаказ, сагъдиз* [21; 24; 25].

Именем концепта выступает лексема *сагъвал*, которая, по данным лезгинских словарей, имеет несколько значений: 1) здоровье (отсутствие болезни); 2) исправность, отсутствие повреждений, недостатков; 3) целостность: *За, я жуван (свой) сагъвал, я къуватар гъайиф татана зи амай уьмуьрни михъиз чи чІехи, бахтавар Ватандиз къуллугъ авуниз (делать) акъудда...* ‘Я, не жалея сил и здоровья, всю оставшуюся жизнь за счастливое будущее моей большой родины отдать готов’ [21]. Синонимами слова *сагъвал* являются лексемы: *сагъламвал* ‘здоровье’, *саламатвал* ‘отсутствие болезненного состояния’, *сагълугъ*: 1) жизнь; 2) здоровье, бодрость; 3) благополучие; *сагълугъвал* ‘здоровье’, ‘благополучие’ [21; 24; 25]. Как видим, в лезгинской лингвокультуре «жизнь», «здоровье», «благополучие» – родственные концепты.

В лезгинском языке существительное *сагъвал* образовано от прилагательного *сагъ* ‘здоровый’ с помощью суффикса *-вал* со значением отвлеченности, абстрактности [17]. Как свидетельствуют лексикографические источники, слово *сагъ* многозначно и имеет следующие значения: 1) не больной, с неповрежденными органами: *сагъ беденда сагъ рикІ жседа* (букв. ‘в здоровом теле бывает здоровое сердце’, русский эквивалент – ‘в здоровом теле – здоровый дух’); 2) целый, исправный, неповрежденный, без изъяна: *хер тамам сагъ хъхъана* ‘рана полностью зажила’; *сагъ мрамар* ‘цельный мрамор’ [24]; *Зи бедендик сагъ чка кумукънач* ‘На моем теле живого места не осталось’ (А. Исм. Эхиримжи къув); 3) правильный: *дуьз эгечІун* ‘здоровый подход’; 4) полезный, прибыльный [25].

Существуют разные точки зрения относительно этимологии данной лексемы. В «Словаре арабских и персидских лексических заимствований в лезгинском языке» [27] указывается на ее арабское происхождение: ‘здоровый, истинный, целый’, тогда как в

«Словаре ориентализмов лезгинского языка» А. Селимова [26] утверждается, что она усвоена из тюркских языков, ср.: азерб. *sağ* ‘живой’, ‘здоровый’, ‘целый’: *sağ olsun* ‘дай бог ему (ей) здоровья’; кум. *sav* ‘здоровый’, ‘живой’, ‘целый’, ‘целостный’; тур. *sağ* ‘здоровый’, ‘живой’, ‘невредимый’; тат. *cau* 1) ‘целый’; 2) ‘благополучный’; 3) ‘живой’, ‘здоровый’ и др. Как свидетельствуют приведенные выше примеры, в тюркских языках в значении слова *sağ* доминируют семы ‘живой’, ‘целый’, т.е. «быть здоровым» значит – выжить, уцелеть, остаться невредимым (ср. противоположное по значению: *Адак сагъ чка кумач* ‘На нём живого места не осталось’ [25]), что, на наш взгляд, является отголоском сложной этнической истории тюркских народов, отмеченной длительными миграциями и сложными контактами с другими этносами.

Таким образом, можно утверждать, что ядром концепта «здоровье» в лезгинском языке является сема ‘целый’, ‘целостный’, что подтверждают и народные пословицы: *Клараб сагърай, йаКлар хкведа* ‘Лишь бы кости были целы, а мясо нарастет’; *КІалубдай акъатайди фад кІани-кІанар жеда*; ‘Потерявший форму (т.е. здоровье) быстро разобьется на части’ [19].

Синонимом слова *сагъ* является лексема *сагълам*, которая имеет несколько значений: 1) ‘здоровый’, ‘сильный’: *сагълам жегъил* ‘парень с крепким здоровьем’; *сагъ къван хътин инсан* ‘большой, сильный – здоровяк’ (букв. ‘человек, у которого здоровье как камень’); 2) полезный: *сагълам гъава* ‘здоровый, чистый воздух’: *Сагълам хъуьруьни, белки, хъсандиз чаз уьмуьр дармандилайни, гуьгъуьл шадариз куьмек гуьва*. – ‘Здоровый смех может продлить жизнь, излечить, поднять настроение’ [21; 24; 25].

Традиционным пожеланием здоровья в лезгинском языке является высказывание *Ви кип сагърай!* – букв. ‘Пусть живет твой кип!’ (*кип* – символ здоровья, капля материнского молока, которая есть в теле каждого человека) [21]. Как видим, в лезгинской лингвокультуре, так же, как и в украинской, «здоровье» часто является объектом метафорических и метонимических переносов («здоровье – камень», «здоровье – капля молока»), что подтверждает наличие в семантике обозначающих его лексем образной составляющей.

Проведенный анализ словарных дефиниций лексем, эксплицирующих концепт «здоровье» в лезгинской и украинской лингвокультурах, их сочетаемости с другими языковыми единицами позволил определить семантическую структуру изучаемого концепта в сопоставляемых языках (см. табл.1)

Таблица 1. Семантическая структура концепта «здоровье» в лезгинском и украинском языках

№ п/п	Семы	Лезгинский язык	Украинский язык
1.	Который имеет здоровье, не больной	+	+
2.	Который является признаком здоровья	-	+
3.	Полезный для здоровья	+	+
4.	Сильный, крепкий	+	+
5.	Большой, крупный, высокий ростом	+	+
6.	Способный выполнять какую-либо работу	-	+
7.	Целый, невредимый, неповрежденный	+	+
8.	Неиспорченный	-	+
9.	Прибыльный, выгодный	+	-
10.	Широкий, занимающий большое пространство	-	+
11.	Правильный, разумный, здравый	+	+

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, в украинском языке концепт «здоровье» обладает большим количеством когнитивных признаков, о чем свидетельствует соответствующий набор сем. В лезгинском языке отсутствуют семы:

1) ‘который является признаком здоровья’; 2) ‘способный выполнять какую-либо работу’; 3) ‘неиспорченный’; 4) ‘широкий, занимающий большое пространство’. В украинском языке отсутствует сема ‘прибыльный, выгодный’.

Ценностная составляющая концепта «здоровье». Под ценностной составляющей лингвокультурного концепта в данном исследовании понимается его оценочность (наличие оценочной составляющей в значении языковой единицы, представляющей данный концепт) и актуальность (частотность апелляции к данному концепту) в той или иной лингвокультуре [12]. Ценностное отношение к здоровью в сопоставляемых лингвокультурах отражают формулы речевого этикета, фразеологизмы, поговорки, в семантике которых содержатся оценочные элементы, сигнализирующие о том, что здоровье в лезгинской и украинской лингвокультурах – ценность высшего порядка, необходимая предпосылка для полноценной жизни, удовлетворения духовных и материальных потребностей, участия в жизни общества. Концепт «здоровье» в сопоставляемых лингвокультурах характеризуется высокой «номинативной плотностью» – объективирующие его языковые средства имеют множество вариантов и используются практически во всех ситуациях повседневного общения.

Анализ паремиологического фонда обоих языков позволил установить, что в сознании обоих этносов сформировались следующие представления о здоровье:

1) здоровье – наивысшая ценность в жизни человека: лезг. *Сагъ чан виридалай чIехи девлет я* ‘Здоровье – самое главное богатство’; *Сагъламвал авачтIа, вахъ затIни авач* ‘Если нет здоровья, у тебя ничего нет’ [19]; укр. *Здоров’я – найдорожчий скарб; Здоров’я – всьому голова; Здоров’я більше варте, як багатство; Здоров’я – головне життєве благо; Здоровий злидар щасливіший від хворого багача; Ліпше здоровля, як готові гроші* [30];

2) здоровье недостижимо, его нельзя приобрести: лезг. *Ислягъвални сагъламвал жагъин тийир бахтар я* ‘Мир и здоровье – недостижимое счастье’ [19]; укр. *Здоровля не купити; Здоровля не є набутна річ; Все можна купити, тільки здоров’я ні; До старості баба на базар ходила, а здоров’я так і не купила* [30];

3) здоровье – главное условие нормальной жизнедеятельности человека: *Сагъвал хъайшла, амай затIар жеда* ‘Было бы здоровье, остальное приложится’ [19]; укр. *Без здоров’я нема щастя; Без здоров’я ніщо чоловікові не миле; Доки здоровля служить, то чоловік не тужить; Як чоловік здоров, то нема чого нарікати; Горе стихає, а здоров’я зникає – і радість минає* [30];

4) здоровье – сложный феномен, имеющий дуальный характер (физическое и духовное здоровье взаимосвязаны и влияют друг на друга): *Сагъ беденда сагъ рикI жеда* ‘В здоровом теле бывает здоровая душа’; *РикIин буьркьувал вилерин буьркьувилелайни залум я* ‘Сердечная слепота гораздо хуже слепоты глаз’; *Сирке туьнт хъайи къапуниз зарар жеда* ‘От едкого уксуса посуда страдает’ (т.е. человек, испытавший много горя, теряет здоровье); *Пехилвал давасуз тIал я* ‘Зависть – неизлечимая болезнь’ [19]; *Ви кьил сагъ хъуй!* ‘Чтоб голова была здорова!’; *Ваз сагъ чан хъурай!* ‘Чтоб душа была здорова!’ (пожелания добра) [21]; укр. *У здоровому тілі здоровий дух; Заздрість здоров’я їсть* [30];

5) здоровье можно оценить визуально: лезг. *КIалубдай акъатайди фад кIапи-кIапар жеда* ‘Потерявший форму (т.е. здоровье), быстро разобьется на части’ [19]; укр. *Глянь на вид і про здоров’я не питай* [30];

6) залог здоровья (физического – умеренность в питании, чистота; душевного – высокие моральные качества, эмоциональное равновесие, нормальные взаимоотношения в социуме и др.): *Михъивал – чандин сагъвал я* ‘Чистота – залог здоровья’; *Гзаф тIуьн жанавурдизни зиян жеда* ‘Много еды и для волка вредно’; *Недайлани хъвадайла, къадар*

чир хьухь ‘В еде и в питье знай меру’; *Гзаф тлурла, виртни агъу жеда* ‘Если много есть, и мёд ядом обернётся’; *Гъвечиди-члехиди авачир квал тлал я* ‘Болен дом, где нет младшего-старшего (т.е. где нет субординации)’; *Валарай экъечина, рекъеллайдан кыл хана* ‘С больной головы на здоровую, т.е. перекладывать вину на другого (букв. ‘выскочил из кустов и разбил голову случайному прохожему’); *Сагъ кылик шалар кутлунмир* ‘Не вмешивайся в чужие дела’ (букв. ‘здоровую голову не завязывай тряпками’) [19]; укр. *Хто гнів свій долає, міцний буває; Добра людина здоровіша злої, Жадібність здоров’ю – недруг, З хворої голови на здорову перекладати (перекласти, валити, звалювати, звалити і т. ін.); Без діла людина старішає* [30];

7) здоровье – величина динамическая, подверженная аксиологическому градуированию – качественному изменению (усилению / ослаблению относительно нормы) и переходу из одного состояния в другое. Аксиологическую оппозицию в данном случае образует антонимический комплекс «здоровье – болезнь», в котором «здоровье» – норма (совпадает с положительной оценкой), отклонение от нормы – болезнь (соотносится с негативной оценкой): лезг. *Чан сад я, тлалар – вишни сад* ‘Жизнь одна, болезней – не сосчитать’; *Гъвачли дарманди члехи азар сагъарда* ‘Маленькое лекарство лечит большую болезнь’; *Уьмуьр бере-бере, тан зере-зере фида* ‘Жизнь уходит период за периодом, а тело – частица за частицей’ [19]; укр. *Вартість здоров’я знає лиш той, хто його втратив; Здоров’я маємо – не об’яємо, а втративши – плачемо; Людина старіє, хвороба молодіє* [30].

О ценности здоровья в обеих лингвокультурах свидетельствует включенность высказываний, объективирующих данный концепт, в речевой этикет повседневного общения. В лезгинском и украинском языках компонент «здоровье» входит в состав множества этикетных формул, обслуживающих различные ситуации общения: приветствие, прощание, благодарность, соболезнование, благопожелание, тосты и др. Например, в лезгинском языке: *Заз кланзвайди тек ви сагъвал я* ‘Желаю тебе здоровья!’; *Сагърай!* 1) ‘Будь здоров! До свидания!’ (прощание); 2) ‘Спасибо!’ (благодарность); *Ам кьенатла, вун сагърай* ‘Желаю тебе здоровья, благополучия’ (соболезнование); *Сагъ хьуй!* ‘Будь здоров! Прощай!’ (прощание); *Хизан сагъ хьайди!* ‘Семья твоя пусть здорова будет!’; *Сагълугъдай!* ‘За здоровье, за благополучие!’ (тост): *Ви сагълугъдай за агъуни хъвада* ‘За твоё здоровье я выпью даже яд’ [21].

В украинском языке: *Бувай(-те) здоров (-ий, -а, -і)!* – прощание; *Дай (Вам/тобі) Бог (Боже) здоров’я!* – пожелание добра, благодарность; *Здоров(-а, -і) [був (була, були, будь, будьте і т. ін.)]* з неділею (з понеділком, у хату і т.ін.) – приветствие; *Будьмо здорові!* – тост и др. [28].

Результаты исследования позволяют сделать следующие **выводы**:

1. Концепт «здоровье» в лезгинском и украинском языках имеет большую «плотность номинативного покрытия», т.е. объективируется с помощью широкой системы разноуровневых языковых средств высокой степени вариативности и частотности, что позволяет рассматривать его как базовую ценностную категорию национального сознания обоих этносов.

2. Концепт «здоровье» в лезгинской и украинской лингвокультурах имеет сложную семантическую структуру, в состав которой входят денотативный, образный и аксиологический компоненты. Семантический объем данного концепта в сопоставляемых языках не совпадает. В украинском языке выявлено 10 семантических признаков, тогда как в лезгинском языке – 7. Понятийное содержание концепта «здоровье» в сопоставляемых языках идентично – ‘нормальное функционирование органов’, ‘отсутствие болезни’, среди переносных значений в украинском языке доминирует сема ‘сила’, тогда как в лезгинском языке – ‘целостность’, ‘отсутствие повреждений’.

3. Образная составляющая концепта сформировалась на основе устойчивых ассоциаций здоровья с различными природными явлениями: в украинской лингвокультуре – дубом, водой, землей, быком; в лезгинской лингвокультуре – камнем, молоком.

4. Аксиологическая составляющая концепта «здоровье» в обеих лингвокультурах заключается в признании физиологического и духовного здоровья обязательным условием нормальной жизнедеятельности человека, наивысшим благом, достижению которого способствуют определенные принципы поведения в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология концептов: в 2-х т. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – 347 с.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
3. Берберов Б.А. Концепт ЗДОРОВЬЕ в карачаево-балкарских поговорках и пословицах / Б.А. Берберов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. – 2020. – № 2 (94). – С. 102–110. – DOI:10.35330/1991-6639-2020-2-94-102-110.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
5. Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
6. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : научное издание / Воронежский межрегиональный институт общественных наук ; Воронежский государственный университет ; Московский общественный научный фонд. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. – С. 75–80. – EDN WGNZZ.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия АН СССР. – Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – Вып. 1. – №1. – С. 3–9.
8. Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абелияра / С.С. Неретина. – М. : Гнозис, 1994. – 216 с.
9. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / под ред. В.С. Степина. – М. : Мысль, 2001. – 4560 с.
10. Петкау А.Ю. Концепт «здоровье» как культурный феномен: на материале русского паремиологического фонда / А.Ю. Петкау // Известия Уральского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1(124). – С. 192–201.
11. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 тт. Т.2 / под общ. ред. Н.И. Толстого. Ин-т славяноведения РАН. – М. : Международные отношения, 1999. – 687 с.
12. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография / Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.
13. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
14. Тимошенко Л.О. Скалярно-антонимический комплекс концепта здоровье в русском и английском языках : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Тимошенко Людмила Олеговна. – Уфа, 2005. – 23 с.
15. Туленинова Л.В. Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах: дисс. канд. филол. наук : 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Туленинова Лариса Владимировна. – Волгоград, 2008. – 248 с.
16. Усачева А.Н. Здоровье / А.Н. Усачева // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. – С. 110–118.
17. Услар П.К. Кюринский язык / П.К. Услар. – Тбилиси, 1896. – 239 с.
18. Яроцкая А.В. Концепт "health" и его оценочная составляющая в журнальных текстах / А.В. Яроцкая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 549. – С. 210–223.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

19. Антология народной мудрости (лезгинские народные пословицы) // Лезги газет. – Режим доступа: <https://lezgigazet.ru/archives/337371> (дата обращения: 22.08.2024).

20. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – Київ; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://archive.org/details/velykyislovnyk> (дата обращения: 20.08.2024).
21. Гуьлмегьамедов А.Г. Лезги чІалан словарь : пуд томдикай ибарат / А.Г. Гуьлмегьамедов ; Учреждение Российской акад. наук, Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского науч. центра. – Махачкала : Наука-Дагестан, 2012.
22. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. – М. : Эксмо, 2004. – 382 с.
23. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / П.Я. Черных. – 3-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1999. Т. 1. – 624 с.
24. Лезгинско-русский словарь / сост. Б.Б. Талибов, М.М. Гаджиев ; под ред. Р.И. Гайдарова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 603 с.
25. Русско-лезгинский словарь / сост. М.М. Гаджиев, Б.Б. Талибов ; под ред. Р.И. Гайдарова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 604 с.
26. Селимов А. Словарь ориентализмов лезгинского языка / А. Селимов. – Махачкала: ДГПУ, 2001. – 544 с.
27. Словарь арабских и персидских лексических заимствований в лезгинском языке / сост. : С.М. Забитов, И.И. Эфендиев. – Махачкала, 2001. – 173 с.
28. Словник української мови : в 11 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І.К. Білодіда. – К. : Наукова думка. – Т.3. – 1972. – 744 с.
29. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/> (дата обращения : 22.08.2024).
30. Українські приказки, прислів'я і таке інше: збірники О.В. Марковича та інших / Уклад М. Номис / Упоряд., приміт. та вступна ст.: М.М. Пазяк ; голов. ред. М.С. Тимошик. – К.: Либідь, 1993. – 768 с.
31. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://lexicography.online/etymology/vasmer/з/здоровый> (дата обращения: 26.08.2024).
32. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. Т. 2. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1975. – 300 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://archive.org/details/ESRJa/ESRJa6/ mode/2up>
33. Етимологічний словник української мови у 7-и тт. Том 2. – К. : Наукова думка, 1986. – 600 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/etslukrmov2> (дата обращения: 26.08.2024).

REFERENCES

1. Antologiya kontseptov (2005): 2 vol. V.I. Karasik & I.A. Sternin (Eds). Volgograd: Paradigma, Vol. 1, 347 p. (In Russian).
2. Askol'dov S.A. (1997). Kontsept i slovo [Concept and word]. In V.P. Neroznaka (ed), Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya [Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology]. Moscow : Academia, pp. 267–279 (In Russian).
3. Berberov B.A. (2020) Kontsept zdorov'e v karachaevo-balkarskikh pogovorkakh i poslovitsakh [Concept "Health" in karachay-balkar sayings and proverbs.]. In Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], N 2 (94), pp. 102–110. (In Russian).
4. Karasik V.I. (2002). Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [The linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd : Peremena. 477 p. (In Russian).
5. Karasik V.I. (2009) Yazykovye klyuchi [Language keys]. Moscow : Gnozis, 406 p. (In Russian).
6. Karasik V.I. & Slyshkin G.G. (2001) Lingvokul'turnyi kontsept kak edinitsa issledovaniya [Linguocultural concept as a unit of research]. In Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki : nauchnoe izdanie [Methodological problems of cognitive linguistics : scientific publication]. Voronezhskii mezhtseional'nyi institut obshchestvennykh nauk ; Voronezhskii gosudarstvennyi universitet ; Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond. Voronezh : Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, pp. 75–80 (In Russian).
7. Likhachev D.S. (1993) Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian]. In Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka [Izvestia of the USSR Academy of Sciences.], Vol. 52., N. 1, pp. 3–9. (In Russian).
8. Neretina S.S. (1994) Slovo i tekst v srednevekovoi kulture. Kontseptualizm Abelyara [Word and text in medieval culture. Abelard's Conceptualism]. Moscow: Gnozis, 216 p. (In Russian).
9. Novaya filosofskaya entsiklopediya [The New Philosophical Encyclopedia]: Vol 4 (2001). In V. S. Stepina (ed). Moscow : Mysl', 4560 p.

10. Petkau A.Yu. (2014) Kontsept «zdorov'e» kak kul'turnyi fenomen: na materiale russkogo paremiologicheskogo fonda [The concept 'health' as a cultural phenomenon: on the material of the Russian paremiological fund]. In Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Proceedings of the Ural Federal University. Humanities], N 1(124), pp. 192–201 (In Russian).
11. Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' (1999). Vol. 2. [Slavic Antiquities Ethnolinguistic Dictionary]. In N. I. Tolstoi (ed). In-t slavyanovedeniya RAN. – Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 687 p. (In Russian).
12. Slyshkin G.G. (2004) Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: monografiya [Linguocultural concepts and meta-concepts:]. Volgograd : Peremena, 340 p. (In Russian).
13. Stepanov Yu.S. (1997) Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya [Constants: Dictionary of Russian Culture. Research experience]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 824 p. (In Russian).
14. Timoshenko L.O. (2005) Skalyarno-antonimicheskii kompleks kontsepta zdorov'e v russkom i angliiskom yazykakh [Scalar-antonymic complex of the concept of health in Russian and English languages] (PhD thesis), Ufa, 23 p. (In Russian).
15. Tulenina L.V. (2008) Kontsepty «zdorov'e» i «bolez'n» v angliiskoi i russkoi lingvokul'turakh [Concepts 'health' and 'disease' in English and Russian linguocultures] (PhD thesis). Volgograd, 248 p. (In Russian).
16. Usacheva A.N. (2005) Zdorov'e [Helth]. In V.I. Karasik & I.A. Sternina (eds.). Antologiya kontseptov [Anthology of concepts]. Volgograd : Paradigma, Vol. 1, pp. 110–118 (In Russian).
17. Uslar P.K. (1896) Kyurinskii yazyk [Kyurin]. Tbilisi, 239 p. (In Russian).
18. Yarotskaya A.V. (2009) Kontsept "health" i ego otsenoch'naya sostavlyayushchaya v zhurnal'nykh tekstakh [The concept 'health' and its evaluative component in magazine texts]. In Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of the Moscow State Linguistic University], N 549, pp. 210–223.

Поступила в редакцию 25.09.2024 г.

SEMANTIC STRUCTURE OF CONCEPT "HEALTH" IN LEZGIN AND UKRAINIAN LINGUOCULTURES

E.S. Vetrova

The article deals with a comparative analysis of the concept "health" in the Lezgin and Ukrainian linguocultures. Common and distinctive features in its content and peculiarities of verbal representation have been identified. The concept semantic structure in Lezgin and Ukrainian is studied. The representation specificity of its nuclear, basic, and peripheral zones is investigated, with the most significant concept-forming features in the compared linguocultures being established. It should be pointed out that in both linguocultures the concept "health" is expressed by numerous multi-level linguistic means, which are characterized by variability and frequency of use in speech. This fact enables to consider the concept under analysis to be a basic category of both ethnic groups national consciousness. The conclusion can be made that the concept "health" refers to value universals with its semantic content and ways of verbal expressing being culturally marked and reflecting the national worldview specificity.

Key words: concept "health", semantic structure, denotative component, figurative component, axiological component, Lezgin linguoculture, Ukrainian linguoculture.

Ветрова Эльвира Сабировна.

Доктор филологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет, Российская Федерация, г. Донецк.
Профессор кафедры теории и практики перевода.

ORCID 0009-0008-6639-3691.
E-mail: v.elvira75@yandex.ru.

Vetrova Elvira Sabirovna.

Doctor of Philology, Associate Professor.
Donetsk State University, Russian Federation,
Donetsk.
Professor at Theory and Practice of Translation
Department.

ORCID 0009-0008-6639-3691.
E-mail: v.elvira75@yandex.ru.

Научная статья

УДК 821.161-2

DOI: 10.5281/zenodo.14277931

СВОЕОБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОГО ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ДИАЛОГА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ СЕМЁНА ВЯТКИНА «КАПРЕМОНТ»)

© 2024 *И.П. Зайцева¹, К.Ю. Толкачёва²*

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

ORCID¹: 0000-0002-4659-0929

ORCID²: 0009-0003-8326-6022

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье на материале пьесы одного из современных драматургов – Семёна Вяткина – демонстрируются характерные особенности драматургической речи настоящего периода. Исследовательское внимание сосредоточено на ведущей композиционно-речевой зоне произведения драматургии – речевых проявлениях действующих лиц, которые для адресата являются основным источником сведений не только о языковой личности персонажа, но и о его личности в принципе. Наиболее значимыми для воплощения авторской концепции представляются те участки драматургического диалога, которые имеют форму полилога (при этом необходимо учитывать, что возможности для выражения собственной позиции у драматурга весьма ограничены). Анализ именно этих фрагментов позволяет, с точки зрения авторов статьи, наиболее полно выявить набор интенций того или иного действующего лица, включая и его скрытые намерения, и тем самым сформировать представление о его коммуникативной стратегии в целом. Реплики персонажей в полилоге априори приобретают разнонаправленность, что, с одной стороны, создаёт возможности для полифоничного представления адресату действующих лиц; с другой – актуализует коммуникативные качества используемых последними речевого материала: слов, выражений высказываний в целом.

Ключевые слова: Семён Вяткин, пьеса, драматургический диалог, полилог, монолог, интенции, коммуникативная стратегия.

Для цитирования: Зайцева И.П. Своеобразие современного драматургического диалога (на материале пьесы Семёна Вяткина «Капремонт») / И.П. Зайцева, К.Ю. Толкачёва // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 25–40. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14277931>.

Введение. Диалог как одна из основных форм речи оказался в центре особого внимания языковедов достаточно давно – более столетия назад, когда в лингвистическом знании, наряду с исследованием истории и устройства языка – аспектов, приоритетных для XIX-го века, – наметился поворот к изучению его функционирования. В начале прошлого столетия появился ряд работ, однозначно воспринимаемых сегодня как филологическая классика по исследованию феномена диалога, – как, например, часто упоминаемая, хотя и не посвящённая собственно диалогу работа Л.В. Щербы «Восточнолужицкое наречие» (1915), где исследователь утверждает, что (цитата приводится с соблюдением оригинальной орфографии) «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь въ діалогѣ. Въ діалогѣ куются новые слова, формы и обороты; къ діалогу прежде всего приложимо все то, что говорится о дѣйствиі психологическихъ и

физиологических факторовъ, измѣняющихъ языкъ» [9, с. 4]; обширное исследование Л.П. Якубинского «О диалогической речи» (1923) [10] и др.

На протяжении минувшего столетия теория диалога логичным образом развивалась, будучи дополняемой результатами исследования нового материала: как письменных текстов различной функционально-стилистической принадлежности, так и – что позволило существенно уточнить и скорректировать ряд аспектов теоретического осмысления изучаемого феномена – *звучащей* речи, произносимой информантами в различных ситуациях общения. При этом в отдельные периоды, под влиянием некоторых факторов, интерес к диалогу значительно возрастал – как, например, в 80-е годы, когда с утверждением **прагматики** (и, соответственно, появлением **лингвистической прагматики**) «был разработан понятийный аппарат, который позволяет осуществить проникновение в структуру диалога, которое раньше было невозможно» [7, с. 30]. Прочитанная статья Е.В. Падучевой опубликована в тематическом номере научного журнала «Известия АН СССР. Серия литературы и языка» (1982), посвящённом обсуждению проблемы «Речевая стратегия и диалог», само появление которого подтверждает, что оформление лингвистической прагматики в отдельное направление языкознания способствовало расширению спектра аспектов рассмотрения диалога.

На новейшем этапе лингвистического и в целом гуманитарного знания диалог остаётся феноменом, находящимся в центре внимания представителей как филологических наук, так и многих междисциплинарных направлений: *функциональной лингвистики, колоквиалистики* (теории разговорной речи), *коммуникативной лингвистики* и *коммуникативной стилистики текста, теории речевых актов, межкультурной коммуникации* и т.п. Современная драматургическая речь в этих условиях видится весьма «выгодным» исследовательским материалом, что обусловлено несколькими причинами, основные из которых целесообразно кратко охарактеризовать.

Во-первых, несмотря на различные новшества (в жанровой квалификации, образах выводимых героев, безусловно – в речевом оформлении персонажной и авторской речи и т.п.), которые – как и художественную литературу нашего времени в принципе – отличают современные драматургические произведения, в пьесах как репрезентантах этого рода литературы ведущей композиционно-речевой зоной остаётся *драматургический диалог*, зафиксировавший *речь персонажей*. Поскольку же в большинстве современных пьес художественно осмысливаются ситуации из обыденной жизни, нередко – подчёркнуто бытовые (что не мешают авторам поднимать в своих произведениях многие из ключевых для современного социума проблем, в том числе и морально-нравственной, философской и т.п. значимости), то – во-вторых – в большинстве случаев речь персонажей имеет форму *диалога* или же *полилога*, которые по ряду значимых коммуникативно-стилистических параметров противопоставлены *монологу* (ср. в связи с этим известное высказывание Л.В. Щербы (цитата приводится с соблюдением оригинальной орфографии): «... монологъ является въ значительной мѣрѣ искусственной языковой формой» [9, с. 4]). Следствием обозначенной особенности является частое обращение современных драматургов к приёму *стилизации* речи изображаемых ими персонажей под *разговорную* речь (в её как *разговорно-литературной*, так и *разговорно-просторечной* разновидностях – в зависимости от типа языковой личности персонажа, его роли в выражении авторской концепции и иных особенностей пьесы). Таким образом, в-третьих, изучение своеобразия художественного драматургического диалога позволяет уточнить и ряд аспектов исследования диалога в принципе, в том числе и функционирующего в сфере сугубо практического общения.

Материал и методы исследования. Материалом для рассмотрения в настоящей публикации выбрана пьеса «Капремонт» Семёна Вяткина (2019) [12] – как одного из представителей молодого поколения российских драматургов, в творчестве которого присутствует довольно много черт, типичных для драматургии современного периода. Семён Вяткин – один из учеников Николая Коляды, автора пьес, театрального режиссёра, актёра, создателя и художественного руководителя «Коляда-театра» в Екатеринбурге, ещё на рубеже XX–XXI веков завоевавшего признание как адресатов – читателей-зрителей, так и режиссёров: его пьесы в течение нескольких десятилетий активно ставятся на сценах и столичных, и областных театров (критики нередко называют Н. Коляду «самым репертуарным» драматургом, «прочно утвердившимся на столичной сцене в начале 90-х годов» (Нина Малыгина). В драматургическом творчестве С. Вяткина нашли отражение и многие черты авторского почерка Николая Коляды, характерные для современных пьес в целом.

К настоящему моменту в творческом багаже С. Вяткина девять пьес и три драматургических произведения, жанр которых определён автором как *инсценировки*; некоторые из них опубликованы: в литературном журнале «Кольцо А» Союза писателей Москвы, членом которого является драматург, и литературно-художественном и публицистическом журнале «Урал», ежемесячно выходящем в Екатеринбурге; он также является членом Союза театральных деятелей. С пьесой «Капремонт», выбранной в данном случае как объект анализа, автор стал финалистом Всероссийского проекта «Цех драматургов», что, как представляется, среди прочего свидетельствует и о её достаточно качественном художественном уровне.

При проведении исследования использовались *общенаучные* методы: наблюдения, сопоставления и обобщения, а также *специальные филологические* методы: композиционного анализа, контекстуального и семантико-стилистического анализа, метод интерпретации словарных дефиниций.

Основная часть. Ряд типичных для современной драматургии особенностей рассматриваемой пьесы становится очевидным уже при первоначальном знакомстве с ней. Название «Капремонт» при первичном его восприятии отсылает к изображению в пьесе бытовой ситуации, знакомой каждому человеку (именно *при первичном*, поскольку смысл названия словесно-художественного произведения как одной из «сильных» для восприятия позиций сколько-нибудь полно, адекватно авторскому замыслу можно осознать лишь *после* прочтения, как правило – в результате ретроспективного его осмысления). Номинация *капремонт* является разговорным вариантом устойчивого выражения *капитальный ремонт* – ср.: «♦ *Капитальный ремонт* – полный ремонт, касающийся основных частей (здания, станка и т.п.)» [11, с. 633]; «КАПРЕМОНТ ... Разг. Капитальный ремонт» [11, с. 641]. Жанрово произведение обозначено как *пьеса в одном действии*; число действующих лиц невелико, их всего *четверо* – эти свойства присущи многим из современных драматургических произведений. При представлении персонажей (в одном из так называемых «рамочных» компонентов драматургического текста: списке действующих лиц) автор ограничивается только перечнем их имён, не снабженными какими-либо характеристиками (указанием возраста, профессии, родственных связей и т.п.): **Владимир, Галина, Шур Шуровна, Сантехник.**

Приведённые характеристики пьесы свидетельствуют, что драматург практически не использует возможности ряда рамочных элементов (жанрово-стилистического *подзаголовка* и *списка*, представляющего действующих лиц) для выражения авторской позиции, что ожидаемо повышает в этом плане степень нагрузки на драматургический

диалог и – возможно – на ремарочный пласт пьесы. Впрочем, некоторую информацию о личностях персонажей внимательный адресат может извлечь и в этом случае: двое из действующих лиц поименованы полными официальными онимами (*общеупотребительные* варианты личных имён) – **Владимир, Галина**; один из персонажей представлен не по имени, а по профессии (**Сантехник**), что может свидетельствовать либо о его периферийной роли в пьесе, либо ещё о чём-то; а один персонаж поименован *стилистически маркированным* вариантом имени, имеющего модель *имя + отчество*: **Шур Шуровна**. Это *разговорно-просторечный* вариант имениварианта имени, которое в полном официальном виде (*общеупотребительная форма имени*) звучит как **Александра Александровна**, подтверждение чему находим в ономастических словарях: «Словаре русских личных имён» Н.А. Петровского («**Александр** ... *Отч.*: Александрович, Александровна»; «**Александра** ... Производные: ... Шура; Шуруня; ...» [14, с. 44]) и «Современном словаре личных имён» А.В. Суперанской («**Александр** ... рус. сокр. Шура» [18, с. 28]). Таким образом, по отношению к одному из выводимых в пьесе действующих лиц – Шур Шуровне – автор проявляет определённую субъективность, что вряд ли может быть случайным: вероятно, это своего рода сигнал адресату обратить особое внимание на речевые проявления именно этого персонажа.

Вообще следует заметить, что обращение к различным вариантам личных имён персонажей для рассматриваемой пьесы (а этот приём в той или иной степени применим автором **ко всем** действующим лицам произведения) становится весьма значащим компонентом драматургического сюжета, являясь, с одной стороны, способом *самохарактеристики*; с другой – характеризуя *позиции персонажей по отношению друг к другу*. Наконец, включение в изображаемые в пьесе события различных онимных вариантов – вплоть до очевидной языковой игры с последними – косвенно передаёт и *авторскую точку зрения* на изображаемые события, для чего у драматурга, как уже отмечалось, минимум возможностей в отличие от создателей словесно-художественных произведений, которые репрезентируют иные роды литературы. Результаты некоторых наблюдений о значимости авторского использования в отмеченных функциях различных вариантов личных имён персонажей пьесы будут представлены позже.

Шур Шуровна действительно появляется в произведении с самого начала пьесы, о чём свидетельствует и начальная обстановка ремарка: «*Однокомнатная квартира на втором этаже старого дома. Кухня. ... За столом сидит ВЛАДИМИР, у плиты стоит ГАЛИНА, в дверях стоит ШУР ШУРОВНА*» (здесь и далее текст пьесы цитируется по источнику, указанному в списке литературы: [12]). Именно она инициирует общение, в котором формально участвуют трое (т.е. коммуникативное взаимодействие в этом случае оформлено как *полилог*), начиная его с *ни к кому не обращённой* и по сути – *ничего не значащей* фразы:

«ШУР ШУРОВНА. Нет, ну это надо же. Надо же думать, что понимать.

ГАЛИНА. Владимир, ты что – дверь не закрыл?

ШУР ШУРОВНА. Известное дело, надо. А то, что получается?

ВЛАДИМИР. И вам здравствуйте, Александра Александровна.

ШУР ШУРОВНА. Да что ты Александра, да Александровна? Мы же почти родня. Вот сколько вы тут уже живёте?

ВЛАДИМИР. В июне год будет.

ШУР ШУРОВНА. Одиннадцатого числа, известное дело, будет. Говорю же, родова почти. Шур Шуровна я. Меня тут все так зовут. Я же тут всю жизнь оттрехала. Мы тут первые жильцы. Были.

ГАЛИНА. Вам что-то надо?

ШУР ШУРОВНА. О, Машенька, привет. В потёмках-то и не увидеть тебя.

ГАЛИНА. Меня Галина зовут.

ШУР ШУРОВНА. И давно? От ты Серёжка, от ты самец, а, известное дело. Ты же с Машкой был?

ВЛАДИМИР. Какая Машка? Я Владимир.

Пауза.

ШУР ШУРОВНА. Это третий этаж?

ВЛАДИМИР и ГАЛИНА. Второй!

Пауза.

ШУР ШУРОВНА. Это я что получается? Промахнулась?

ВЛАДИМИР. Получается.

ГАЛИНА. А как вы зашли?

ШУР ШУРОВНА. Так. На четвёртом у нас Питюхины живут. Они мне за подъезд ещё в этом месяце не отдали. Ну, вот, от них, тогда, к Серёжке с Машенькой и забегу.

ГАЛИНА. Владимир, ты дверь не закрыл, получается?

ШУР ШУРОВНА. Ещё два этажа трэхать. Так о чём это я? А-а!.. Ну, так вот. Второй этаж значит. Ну, правильно. Надо мной прямо. Ну-ну. И что вы? Что вы тут?

ВЛАДИМИР. Так это, мы...

ГАЛИНА. Живём мы тут. Вам что-то надо от нас?

ШУР ШУРОВНА. Известное дело. Что это у нас тут? (*проходит к плите, заглядывает в кастрюлю.*) Ничего, что я так, по-домашнему? Ужинать, значит, собираетесь?

ГАЛИНА. Значит.

ШУР ШУРОВНА. Приятно кушать. Я тут с рождения, всю жизнь тут оттрехала. Мне тут, известное дело, всё родное.

ВЛАДИМИР. Может, уже присядете?

ГАЛИНА. Владимир.

ШУР ШУРОВНА. А вот за это спасибо, уважили бабку. Весь день на ногах, а мне ещё на четвёртый трэхать. Отчего не присесть? Мы же почти родня, правильно? Чего ножкой шаркать?» [12].

Приведённый фрагмент драматургического диалога демонстрирует присутствующие в речи Шур Шуровны очевидные признаки *разговорно-просторечного* регистра общения, которые проявляются, с одной стороны, в вербальном наполнении принадлежащих ей реплик и соответствующей организации словесного материала в них; с другой стороны – в явно низкой культуре ведения разговора.

В репликах этого персонажа обнаруживается множество речевых элементов, лежащих за пределами не только кодифицированного литературного языка, но и литературно-разговорной разновидности последнего: это *просторечные*, *диалектные*, а то и безусловно *бранные* слова и выражения. Это такие лексические единицы, как: *родова* – *диалектизм*, функционирующий в ряде сибирских говоров (хабаровских, прибайкальских, иркутских и т.п.; «**Родова́** ... *собир.* 1. Родня, родственники. ... Иркут., Прибайкалье. *Вся родова хорошая, а этот будто и не наш, не родня.* Краснояр., Том. *Родова съезжается* ... Новосибир. *Она ореховска родова, там родилась.* ...» [16, с. 143]); ряд слов, употреблённых в *сниженных* (*разговорных* либо *просторечных*) значениях: *самец* («САМЕЦ ...

2. Чрезмерно чувственный, похотливый мужчина (разг. пренебр.)» [19, с. 851]), *промахнулась* («ПРОМАХНУТЬСЯ ... 2. перен. Ошибиться, оплошать (разг.)» [19, с. 757]), *уважили* (бабку) («УВАЖИТЬ ... 2. кого (что). Оказать кому-н. уважение, выполнив его желание (прост.). *Уважить старика*» [19, с. 1014]) и т.п. Особенно часто Шур Шуровна использует диалектный глагол *трёхать* (в одном из значений являющийся глаголом движения: «Трёхать ... 2. Неперех. Медленно идти, тащиться. *А вон и деда трёхат. Ты пока до базара трёхашь, полдня пройдёт*» [17, с. 77]), который в её речи не только расширяет значение, свойственное ему в диалектном языке (например, употребляется в значении 'провести' (жизнь), но и образует несколько дериватов – в частности, в её речи несколько раз встречается глагол, представляющий видовую пару (совершенного вида) для приведённого раньше: *оттрёхать*. Это подтверждает как процитированный текстовый фрагмент: *Я же тут всю жизнь оттрёхала; Ещё два этажа трёхать; Я тут с рождения, всю жизнь тут оттрёхала; Весь день на ногах, а мне ещё на четвёртый трёхать*; – так и последующее развитие драматургического диалога: *Я тут всю жизнь оттрёхала, от звонка до звонка* – и т.п.

Ещё одна особенность речевого портрета Шур Шуровны – обилие в её высказываниях «слов и словосочетаний, не несущих в конкретном тексте смысловой нагрузки, а поэтому засоряющих речь» [6, с. 593] – так называемых *слов-паразитов*, что является одним из признаков *фамильярно-разговорной* речевой культуры (одной из сфер общения, лежащих за пределами литературного языка). Наиболее частотный из таких элементов – выражение *известное дело*, постоянное присутствующее в речи этого персонажа, причём на всём протяжении драматургического диалога: *Ну, это ваше дело, известное дело; Да раньше строили на века, известное дело; Питюхины на четвёртом, известное дело; Известное дело, с пятого по подвал с тряпкой в зубах; С Лёньчиком я договорилась, известное дело* и т.п.

Помимо этого, высказывания Шур Шуровны демонстрируют низкий уровень культуры её коммуникативно-речевого поведения в принципе, которое, в частности, отличается явной *бесцеремонностью*: например, она не считает необходимым заранее сообщать о своих визитах или хотя бы стучаться в квартиры не очень знакомых ей людей (арендаторов); нередко открывает эти квартиры ключами, которые оставлены ей хозяевами квартир как «старшей по подъезду», как она себя позиционирует (ШУР ШУРОВНА. *Я, как старшая по подъезду, обязана всех оповестить*) и т.п. При этом, находясь без приглашения в арендуемых квартирах, она ведёт себя абсолютно по-хозяйски, пренебрегая всеми приличиями – ср., например: ГАЛИНА. *Живём мы тут. Вам что-то надо от нас?* – ШУР ШУРОВНА. *Известное дело. Что это у нас тут? (проходит к плите, заглядывает в кастрюлю.) Ничего, что я так, по-домашнему? Ужинать, значит, собираетесь?* (выделено нами. – И.З., К.Т.). При этом «старшая по подъезду» даже не даёт себе труда запомнить по именам тех людей, в квартиры которых она считает для себя нормальным входить без спроса – ср., в частности: ШУР ШУРОВНА. *О, Машенька, привет. В потёмках-то и не увидать тебя.* – ГАЛИНА. *Меня Галина зовут.* – ШУР ШУРОВНА. *И давно? От ты Серёжка, от ты самец, а, известное дело. Ты же с Машкой был?* – ВЛАДИМИР. *Какая Машка? Я Владимир* (выделено нами. – И.З., К.Т.).

Некоторые из особенностей, подтверждающих вывод о низком уровне коммуникативно-речевого поведения Шур Шуровны, более отчётливо выявляются на тех участках драматургического диалога, где высказывания персонажей оформлены как *полилог*; для рассматриваемой пьесы – это общение *трёх* либо *четырёх* коммуникантов.

Полилог как форма организации речи в значительной степени сходен с диалогом, на что обращают внимание многие исследователи – например: «**ПОЛИЛОГ** – обмен репликами между тремя и более говорящими, *форма непринуждённой разговорной речи*. Термин возник наряду с термином «диалог» и *в определённых случаях совпадает с ним по значению*. Как и для диалога, для полилога характерна смысловая и композиционная связанность реплик. Но эта связанность, по верному замечанию Т.Г. Винокур, имеет «большую амплитуду колебаний», т.е. более сложна и свободна, чем в диалоге, поскольку *в полилоге различна степень вовлечения собеседников в разговор (от инициации общения до немого соучастия)*.

Полилог встречается в разных сферах общения, *широко используется в художественной речи, особенно в драматургии и кино*» (курсив наш. – И.З., К.Т.) [13, с. 454].

Т.Г. Винокур, на которую ссылается автор приведённого определения полилога, очень тонко и точно замечает, что признак равной речевой активности участников коммуникации, который рядом исследователей считается наиболее характерным признаком полилога (см., например: [20]), является лишь «инвариантом полилогической формы», поскольку конкретные формы полилога в разных коммуникативных сферах репрезентируют множество «промежуточных форм, в которых реактивная роль собеседников градуируется – от позиции адресата до позиции слушателя / наблюдателя – и может, оставаясь невербализованной, влиять на развитие полилога ответным неречевым действием» [2, с. 351]. Обусловлено это в первую очередь тем, что «ситуативная связанность, спонтанность, нелинейность получают в содержательно-смысловой структуре полилоге максимальное отражение» [Там же; см. также: 1].

Представляется, что именно драматургический дискурс позволяет выявить все отмеченные качества полилога наиболее многопланово и отчётливо, что предопределяется в первую очередь конструктивными параметрами драматургии как литературного рода, о чём одному из авторов уже приходилось размышлять в ряде работ – см., в частности: [3; 4; 5].

Перечисленные выше особенности коммуникативно-речевого поведения Шур Шуровны в значительной степени характеризуют его, образно говоря, внешний слой; анализ же общения этого персонажа в условиях полилога, каждая из реплик которого должна тем или иным образом затрагивать каждого из участников общения, позволяет точнее определить *интенции* коммуникантов, из которых складываются *тактики* и *стратегии*, реализуемые ими в коммуникативно-речевом взаимодействии. *Интенции*, или *коммуникативные намерения* (в данном случае эти понятия понимаются как синонимичные) обозначает «конкретную цель высказывания говорящего, т.е. спрашивает он, или утверждает, или призывает, осуждает или одобряет, советует или требует и т.д. **Коммуникативное намерение является регулятором речевого поведения партнёров**. Кроме того, отражая потребности, мотивы и мысли, коммуникативные намерения делают эксплицитными причины, обуславливающие общение» (выделено нами. – И.З., К.Т.) [8, с. 82].

Манера ведения разговора с каждым из участников общения позволяет выявить некоторые аспекты истинных интенций Шур Шуровны, в том числе и те, которые, возможно, она сама не осознаёт в полной мере. В приведённом выше фрагменте полилога, начинающего пьесу, её никому не адресованные реплики представляют, скорее, озвученную внутреннюю речь этого персонажа: ШУР ШУРОВНА. *Нет, ну это надо же. Надо же думать, что понимать; ШУР ШУРОВНА. Известное дело, надо. А то, что получается?* Это же явление можно наблюдать и в дальнейшем развитии

драматургического действия: например, на прямой вопрос **Галины** *А как вы зашли?* – она «отвечает» весьма своеобразно: ШУР ШУРОВНА. *Так. На четвёртом у нас Питюхины живут. Они мне за подъезд ещё в этом месяце не отдали. Ну, вот, от них, тогда, к Серёжке с Машенькой и забегу.*

«Заметив» всё же других участников общения (при том, что она находится у них в квартире), Шур Шуровна ориентируется преимущественно на Владимира, почти не принимая во внимание присутствующую при этом Галину, несмотря на то, что последняя обращается к ней с прямыми вопросами (ГАЛИНА. *Вам что-то надо?*; ГАЛИНА. *А как вы зашли?* и т.п.). Именно с Владимиром, который ведёт с ней беседу исключительно вежливо, Шур Шуровна пытается установить доверительно-дружеские отношения:

«ШУР ШУРОВНА. *Да что ты Александра, да Александровна? Мы же почти родня. Вот сколько вы тут уже живёте?*

ВЛАДИМИР. *В июне год будет.*

ШУР ШУРОВНА. *Одиннадцатого числа, известное дело, будет. Говорю же, родова почти. Шур Шуровна я. Меня тут все так зовут»* (выделено нами. – И.З., К.Т.).

Впрочем, в иной ситуации, придя ругаться с арендаторами квартиры по поводу ею же устроенной канализационной протечки, она мгновенно меняет свою точку зрения и относится к Владимиру совсем иначе (примечательно, что передать кардинальное изменение отношения к собеседнику существенно помогает использование различных вариантов личных имён, о чём говорилось выше):

«ВЛАДИМИР. *Да что случилось, Шур Шуровна?*

ШУР ШУРОВНА. *Кому Шур Шуровна, а кому и Александра Александровна я. Вы мне не родова. Без году неделя живут и туда же, в родову набиваются. Вы мне за всё ответите. Так и знайте, я на вас в тюрьму подам.*

ГАЛИНА. *Белые в городе, Владимир. Что будешь делать? Войска ждут приказа.*

ВЛАДИМИР. *Погоди ты. Что случилось?*

ШУР ШУРОВНА. *Ой-ой, прихеривается он. Будто не знает. Известное дело, что. Затопили старую бабку нечистотами своими и довольные сидят, ужинают.*

ВЛАДИМИР. *Ну уж нет, Александра Александровна, дражайшая Шур Шуровна. Это вы сами, простите, по мокрому делу. Мы вас предупреджали – стояк у нас один»* (выделено нами. – И.З., К.Т.) [12].

Мгновенные перемены в ходе разговора тональности по отношению к собеседнику, постоянное забывание Шур Шуровной того, что было сказано ею же несколько дней (а иногда – часов или даже минут) назад, постоянные включения в беседу на, казалось бы, совершенно определённую тему высказываний, не имеющих к этой теме никакого отношения, и иные явления подобного характера свидетельствуют, с нашей точки зрения о явном *дефиците общения* у этого персонажа. Шур Шуровна, видимо, довольно давно живёт одна (в беседах она упоминает о своём покойном муже – Сан Саныче), и общение с жильцами подъезда, часто явно навязываемое ею последним, вероятно, представляет практически единственную коммуникативно-речевую сферу, где старшая по подъезду может себя реализовать в каком-то общении, что, собственно, и становится для неё *приоритетными* интенциями.

Динамика отношений семейной пары, **Галины** и **Владимира**, арендующих квартиру в подъезде, старшей по которому и является Шур Шуровна, представляет не менее значимую часть драматургического сюжета.

Поначалу мы наблюдаем обоих этих персонажей в общении с Шур Шуровной – в *полилоге*, где позиции коммуникантов существенно разнятся, о чём уже упоминалось ранее. При этом весьма интересной для рассмотрения видится и позиция Галины, на

которую Шур Шуровна обращает куда меньшее внимание, чем на её мужа, Владимира. Принадлежащие Галине реплики с определённой очерёдностью адресуются либо Владимиру, либо Шур Шуровне с вполне чёткими коммуникативными установками. Так, Шур Шуровну она стремится поскорее выпроводить из квартиры (ГАЛИНА. *Объявление видели, читать умеем. У вас всё?*; ГАЛИНА. *Я говорю, мы вас услышали*; ГАЛИНА. *Вам, кажется, на третий нужно было?* и т.п.). В то же время Галина постоянно обращается к мужу, именуя его исключительно полным – официальным – вариантом онима (**Владимир**), косвенным образом, но весьма сурово упрекая его как за якобы незапертую в их квартиру дверь, так и за попытки продолжить общение с непрошеной визитёршей – на протяжении начального фрагмента она произносит, адресуясь к мужу: ГАЛИНА. *Владимир, ты что – дверь не закрыл?*; ГАЛИНА. *Владимир, ты дверь не закрыл, получается?*; ГАЛИНА. *Владимир* (после предложения мужа Шур Шуровне присесть). В конце полилога Галина буквально прессингует мужа, который продолжает достаточно вежливо реагировать на произносимое незваной гостьей, с целью заставить его прекратить поддерживать разговор, в результате чего её попытки выпроводить «гостью» завершаются успешно:

«ВЛАДИМИР (тоже садится обратно). *Дело в том, что нам с Галочкой очень нравится эта квартира...*

ГАЛИНА. *Владимир.*

ВЛАДИМИР. *Настолько нравится эта квартира, что мы решили с Галочкой эту квартиру...*

ГАЛИНА. *Владимир.*

ВЛАДИМИР. *Ну, в общем мы с Галочкой решили и поговорили с Леонид Петровичем...*

ГАЛИНА. *Владимир!*

ВЛАДИМИР. *Галочка.*

ГАЛИНА. *Ужин стынет.*

Пауза.

...

ГАЛИНА. *Владимир, попрощайся с гостьей.*

ВЛАДИМИР (встаёт). *До свидания.*

...

Галина и Шур Шуровна уходят» (выделено нами. – И.З., К.Т.) [12].

Галина, впрочем, и проводив (точнее – выпроводив) незваную гостью, не считает поставленную цель достигнутой для себя; намереваясь предпринять всё, чтобы ситуация, подобная случившейся, не повторилась, она продолжает отчитывать мужа:

«Входит Галина.

ГАЛИНА. *Владимир.*

ВЛАДИМИР. *Галочка.*

ГАЛИНА. *Владимир.*

ВЛАДИМИР. *Галочка.*

ГАЛИНА. *Владимир.*

ВЛАДИМИР. *Галя, Галочка, Галчонок... Когда ты меня называешь полным именем, мне кажется, что я в чём-то провинился.*

ГАЛИНА. *Владимир Сергеевич, вы когда научитесь закрывать за собой дверь?*

ВЛАДИМИР. *Галя...*

ГАЛИНА. *Вы когда научитесь, Владимир Сергеевич, держать рот на замке?*

ВЛАДИМИР. *Галочка...*

ГАЛИНА. *Вы когда научитесь не говорить поперёк? Не бесить меня, вы когда научитесь, Владимир Сергеевич?*

ВЛАДИМИР. *Галчонок. Да закрывал я дверь, честное слово, закрывал.*

...

ГАЛИНА. *Ты дурак, Третьяков? Ты не понимаешь?*

ВЛАДИМИР. *Господи, вот уже и по фамилии...»* (выделено нами. – И.З., К.Т.) [12].

В передаче эмоционального состояния Галины, ожидаемо сопровождающего в данном случае реализацию её интенций, весьма заметную роль играет включение в высказывания различных вариантов именования мужа: *Владимир* (произносится несколько раз с различной – градационно нарастающей – интонацией); *Владимир Сергеевич* (в сочетании с ВЫ-обращением; произносится трижды); *Третьяков*. Использование этой *контекстуальной системы личных имён* существенно способствует передаче **всей** палитры чувств, испытываемых Галиной при наблюдении за поведением мужа в коммуникативном взаимодействии со старшей по подъезду (эти чувства исключительно негативного плана: досада, разочарование, раздражение и т.п.). Она абсолютно не принимает манеру поведения Владимира с Шур Шуровной и стремится настроить его на совсем иной регистр общения (единственно правильный с её точки зрения): более чёткий решительный, настойчивый и т.п., в результате чего удалось бы отстоять именно их, а не чьи-то ещё интересы.

Использование различных вариантов личных имён как маркеров чувств, испытываемых по отношению к коммуникативному партнёру, а также сопровождающих реализуемых в процессе общения интенции, характерно и для коммуникативно-речевого поведения ещё одного персонажа – Владимира (в данном случае это относится к его жене Галине). В приведённых ранее фрагментах драматургического диалога Владимир в этом плане воспринимается как своего рода антипод Галине, поскольку обращается к ней, прибегая к вариантам личного имени исключительно позитивного свойства. Это такие варианты онима, производные от полного официального имени *Галина*, как *Галя*, *Галочка*, *Галчонок*, которые Владимир произносит, как правило, с любовью и нежностью – ср., например: «ВЛАДИМИР. *Ну, что ты, что ты. Галя, Галочка, Галчонок... Всё хорошо. А помнишь, как я к тебе тогда приехал? Помнишь? Мы так же стояли, обнявшись, и молчали. Так долго-долго молчали. Нам не нужно было никого. И слов не нужно было»* (выделено нами. – И.З., К.Т.) [12].

Однако в ходе развития драматургического это отношение не остаётся неизменным, чему, как представляется, в немалой степени способствуют реакции Галины на действия мужа, находящие выражение прежде всего в её высказываниях. Так, один из участков диалога супругов в *пятой* (из *семи*) картине пьесы, состоявшегося после очередного выпроваживания Шур Шуровны, выглядит следующим образом:

«ГАЛИНА. *Вот ты взрослый человек, Владимир?*

ВЛАДИМИР. *Ну, вот, опять я в чём-то виноват.*

ГАЛИНА. *В чём-то? Владимир, в чём-то? Вот что тебе непонятно во фразе – никому не говори о покупке квартиры?*

ВЛАДИМИР. *Галя, Галочка, Галчонок...*

ГАЛИНА. *Когда ты меня называешь Галочкой, во мне что-то умирает, Владимир. Это как назвать меня крестиком, понимаешь?*

ВЛАДИМИР. *Почему крестиком?*

ГАЛИНА. *Или любым другим знаком, которые ставят в квадратике на выборах. Любой знак это не я. Я не любой знак.*

ВЛАДИМИР. *Галчонок...*

ГАЛИНА. *А это птенец. Лысый, липкий птенец. Ты меня ещё галкой назови.*

ВЛАДИМИР. *Галя, что ты сердисься? Ты мне сказала что-то сделать, я и сделал»* (выделено нами. – И.З., К.Т.) [12].

В финале третьей картины этот диалог (в который включён и полилогический фрагмент с участием Шур Шуровны) завершается репликами супругов, свидетельствующими, как представляется, о некоторых качественных изменениях в сознании Владимира по отношению к жене (во всяком случае, он впервые обращается к супруге, используя полный (официальный) вариант имени – *Галина*):

«ГАЛИНА. *Что? Закончился? Закончился, спрашиваю, мужик? Город сдан без боя, Владимир. Без единого выстрела.*

ВЛАДИМИР. *Галя.*

ГАЛИНА. *Владимир.*

ВЛАДИМИР. *Галя.*

ГАЛИНА. *Владимир*

ВЛАДИМИР. *Галя.*

ГАЛИНА. *Владимир.*

ВЛАДИМИР. *Галина»* (выделено нами. – И.З., К.Т.) [12].

Далее в ходе развития драматургического сюжета Владимир уже не только практически во всех случаях обращается к жене, используя полный (официальный) вариант её имени (Галина), но и имеет смелость *возражать* ей, вполне логично обосновывая при этом свои претензии. Так, в полилоге в начале четвёртой картины, протекающем в присутствии не только вездесущей Шур Шуровны, но и ещё одного персонажа – Сантехника, Владимир выражает своё отношение к происходящему следующим образом (первая реплика в этом случае имеет двойную адресацию: первые её три фразы обращены Сантехнику, последняя – жене):

«ВЛАДИМИР. *Вы дубликат что ли сделали? Дубликат, да? Это, чёрт бы вас побрал, в конце концов, незаконно, простите. Галина, вызывай милицию.*

ГАЛИНА (продолжает пить чай). *Ничего сделать не может.*

ШУР ШУРОВНА. *Ну, что ты тут Лазаря поёшь? Дубликат. Открыто было, открыто.*

ВЛАДИМИР. *Галина, что она такое говорит? Ты же последняя заходила. Когда из магазина пришла, ты закрывала.*

ГАЛИНА. *И что?*

ВЛАДИМИР. *"И что?" Как это "и что?" Ты три дня меня пилила, будто бы я не закрывал дверь. Хотя это, мягко говоря, не так. И мы это, кажется, выяснили. А теперь "и что?"»* (выделено нами. – И.З., К.Т.) [12].

Ещё более откровенно и жёстко (практически – в финале четвёртой картины) Владимир оценивает сформировавшийся в семье «климат», оставшись после произошедшего наедине с Галиной, которая не перестаёт его «пилить», выдвигая всё новые претензии:

«ГАЛИНА. *Почему мы здесь остались? Почему я здесь осталась? Ну, зачем ты тогда приехал? Ко мне зачем приехал? Пять лет. Пять лет с тобой вошкаюсь. Замуж зачем позвал? Вот жил у себя там в городе. И жил бы себе спокойно. Как всё грязно, мерзко. Как ручка в трамвае. Вся жизнь, как трамвайная ручка, грязная засаленная. И квартира эта. Ненавижу эту квартиру. Этот подъезд. Эту Шур Шуровну. А ты хочешь всё это купить. Мы живём в аду, Владимир. А ты хочешь купить этот ад, обустроить этот ад, повесить занавесочки.*

ВЛАДИМИР. *А ты хочешь в Турцию.*

ГАЛИНА. *А я хочу в Турцию.*

ВЛАДИМИР. *В аду Турции нет.*

ГАЛИНА. *Ад это ты. Ты мой ад.*

ВЛАДИМИР. *А для меня это ты ад. Пять лет она со мной вошкается. А я с тобой не вошкаюсь? Мы друг друга стоим. Муж и жена одна сатана, знаешь ли.*

ГАЛИНА. *Вот у тебя всё такое – одни общие фразы, заезженные, замызганные, стёртые. "Муж и жена одна сатана". Вот сколько людей во рту держало эти слова? А ты всё себе в рот тащишь. И меня этим кормишь.*

ВЛАДИМИР. *Нет, ты не ад. Ты зазеркалье, где левое это правое, а чёрное – это белое. Я не знаю – с какой стороны к тебе подойти, подъехать. Тебе всё не так. И потом – какие ещё занавесочки? Когда это я занавесочки вешал?» (выделено нами. – И.З., К.Т.) [12].*

В процитированном диалогическом фрагменте Владимир, отвечая на претензии жены, впервые, образно говоря, платит ей аналогичной монетой, вплоть до использования в своей речи тех же слов, что звучат в упреках Галины (в том числе и явно сниженного характера, что этому персонажу обычно не свойственно): *А для меня это ты ад. Пять лет она со мной вошкается. А я с тобой не вошкаюсь?* (глагол *вошкается* – элемент диалектного языка обозначает 'возиться с кем- или чем-либо; хлопотать' [15, с. 167]).

Однако ключевым моментом раскрытия внутреннего мира Владимира, его личностной сущности является *монолог* этого персонажа, которым начинается пятая картина пьесы. Это произносимая в одиночестве *развёрнутая монологизированная реплика* (монолог уединённого типа) – единственная во всём произведении, что, с нашей точки зрения, подчёркивает её особую значимость в раскрытии сути образа персонажа, которому высказывание принадлежит:

«У окна стоит Владимир.

ВЛАДИМИР. *Зазеркалье. Это всё какое-то зазеркалье. Давай уйдём отсюда, Галя. Галя, Галочка, Галчонок... Нет. Не так. Галочка, милая моя, хорошая, давай уедем отсюда, куда захочешь. Зачем я тебе позволил уйти? Зачем сказал, чтобы шла? Почему не мог промолчать? Давай помолчим, Галочка... И правда на галочку, на закорючку, на крестик на какой-то похоже. Крест, крестик ты мой. Пять лет тебя несу. Я и дальше нести готов. Слышишь? Своя ноша не тянет. Галочка... Всё не то. Как я тебя называл все эти пять лет? Галчонок? Нет. Действительно птенец какой-то. Лысый, уродливый птенец. Галка? Опять не то. А как мне тебя называть? Галина? Как-то слишком официально. Как будто не прощения попросить хочу, а официально расстаться. Прощения... Почему я должен просить прощения? За что?.. Нет-нет-нет. Соберись... Галя... Господи, что за имя? Как не назови, всё не так. Ты у меня вся такая. Тебе всё не так. Неудобная. И имя у тебя неудобное. А я же хотел быть тебе удобным. Я хотел, как тебе лучше... Снова не то, не то всё» (выделено нами. – И.З., К.Т.) [12].*

Именно из этого монолога становится окончательно ясно, что Владимир – отнюдь не такой, каким предстаёт в характеристиках жены: простоватый, поддающийся любому влиянию, не могущий постоять за себя и т.п. В произнесённом монологе он, напротив, предстаёт как человек с довольно глубоким отношением ко всему происходящему, размышляющим и рефлексирующим по разным поводам, прежде всего о том, какие отношения у него сложились с близким человеком – женой, которую он, несомненно, любит. Мысленно обращаясь к Галине и одновременно задавая

вопросы самому себе (в монологе в избытке присутствуют вопросительные по цели высказывания синтаксические конструкции – преимущественно это *риторические* вопросы, которых в монологе 11), Владимир пытается понять, почему эти отношения превратились в столь тягостные для них обоих – ведь он старался принимать Галину такой, какая она есть, хотел быть ей «удобным»; более того – он не видит в случившемся только своей вины (*Почему я должен просить прощения? За что?..*).

В этих размышлениях используемая система вариантов личного имени жены Владимира, безусловно, играет весьма значимую роль – с их помощью произносимому не только придаётся явный *оценочный* характер (*А как мне тебя называть? Галина? Как-то слишком официально. Как будто не прощения попросить хочу, а официально расстаться*), но и *образная конкретизация* (*Давай помолчим, Галочка... И правда на галочку, на закорючку, на крестик на какой-то похоже. Крест, крестик ты мой. Пять лет тебя несусь*), что способствует реализации в словесно-художественном произведении *эстетической* функции, в первую очередь отличающей художественный диалог (в данном случае – *драматургический*) от диалога в сфере практического общения.

В финальной – *седьмой* – картине пьесы между супругами происходит примирение, устанавливается своего рода «худой мир», для передачи чего используются драматургом вербальные средства также включают различные варианты личных имён персонажей, которые в этой ситуации обоими коммуникантами воспринимаются вполне доброжелательно, а не негативно, вплоть до враждебности – как ранее:

«Владимир просыпается на полу кухни. За окном утро. Над Владимиром стоит Галина.

ВЛАДИМИР. *Это ты? Галина... То есть Галочка... Прости, опять всё не то... Галя... ты вернулась?*

ГАЛИНА. *Я говорю, что у нас с электричеством?*

ВЛАДИМИР. *Я думал, я боялся, ты ушла...*

ГАЛИНА. *Я звонила – у нас звонок не работает. Дверь толкнула – ты вообще перестал закрывать?*

...

ВЛАДИМИР. *Я так боялся, что ты не придёшь. Давай уедем. Давай уйдём отсюда, Галенька.*

ГАЛИНА. *Давай просто помолчим, Владимир... Вовик.*

ВЛАДИМИР. *Я так люблю, когда ты меня называешь Вовиком.*

Владимир обнимает Галину. Долгое молчание. ...» (выделено нами. – И.З., К.Т.) [12].

Примечательно, что после размышлений о своей манере поведения с окружающими, которые, судя по всему, привели Владимира к определённому переосмыслению его жизненных правил, он и с Шур Шуровной, традиционно появившейся без приглашения, ведёт себя иначе, чем раньше, становясь в общении с ней на позицию Галины:

«ВЛАДИМИР. *Что вам опять от нас надо? Оставьте нас в покое.*

ШУР ШУРОВНА. *Я как старшая по подъезду, обязана всех оповестить.*

ВЛАДИМИР. *Я даже слышать не хочу о чём»* [12].

Заключение. Проанализированные фрагменты драматургического диалога пьесы С. Вяткина «Капремонт», где можно наблюдать большинство из существующих разновидностей оформления коммуникативно-речевого взаимодействия персонажей в драматургическом произведении (далее они перечисляются в соответствии со степенью представленности в пьесе): *полилог, собственно диалог, монолог* (будучи монологом

уединённого типа, единственная в пьесе принадлежащая Владимиру монологизированная реплика содержит и некоторые явные признаки речи *внутренней*).

Как было продемонстрировано, выявлению интенций персонажей в наибольшей степени способствует участие действующих лиц в *полилоге* – это обусловливается прежде всего *разнонаправленностью* произносимых коммуникантами реплик, «на перекрёстках» которой коммуникативные намерения проявляются более отчётливо. В то же время *собственно диалогическое* общение действующих лиц позволяет детальнее и, соответственно, глубже осмыслить психологические особенности персонажей, находящие выражение в их речевых поступках и других действиях, сопровождающих коммуникацию. Однако наиболее панорамно внутренний мир персонажей раскрывается в их *монологических* высказываниях – довольно редких для современных пьес, построенных на бытовых сюжетах (что полностью подтверждается и рассматриваемым произведением С. Вяткина), однако при этом всегда наделяемых автором особой значимостью.

Анализируемому пьесу отличает ещё одна особенность, которая, с нашей точки зрения, свидетельствует о довольно высоком уровне авторского мастерства. Драматургу при создании произведения достаточно не просто продемонстрировать индивидуально-стилистические особенности своего почерка, которые проявлялись бы при воплощении в пьесе образов всех персонажей (или их большинства) – как правило, черты манеры автора (если они действительно присутствуют в пьесе) находят отражение в речевых портретах одного-двух действующих лиц. Рассматриваемая же пьеса в данном случае является исключением – в ней при воплощении образов всех персонажей автор в различных вариантах (самохарактеристика, рефлексирование действующего лица по поводу обращённого к нему варианта (вариантов) имени и т. п.) использует приём введения в персонажную речь системы вариантов личных имён. Этот, последовательно применяемый драматургом, приём в значительной степени способствует актуализации ряда качеств, которые отличают общение практического характера от коммуникативно-речевого взаимодействия, воссоздаваемого в словесно-художественной структуре, где приоритетной является *эстетическая* функция: сопровождение содержащегося в высказываниях смысла *оценочными* и *образными* элементами; участие в формировании *подтекстовой* информации и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Винокур Т.Г. О языке современной драматургии / Т.Г. Винокур // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. – М.: Наука, 1977. – С. 130–197.
2. Винокур Т.Г. Полилог / Т.Г. Винокур // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – С. 351–352.
3. Зайцева И.П. Подходы к осмыслению художественного текста на новейшем этапе лингвистического знания / И.П. Зайцева // Русский язык без границ: новые возможности развития диалога культур: Сборник статей / Под ред. И.Ю. Абрамовой. – Нижний Новгород; М.: Издательство ИП Маркин А.О., 2022. – С. 124–132.
4. Зайцева И.П. Современный драматургический дискурс: осмысление в рамках коммуникативно-когнитивной парадигмы / И.П. Зайцева // Русский язык в поликультурном мире: VII Международный симпозиум (8–12 июня 2023 г.) / Отв. ред. Т.В. Аржанцева, Л.А. Орехова: Сб. науч. статей. В 2-х т. – Т. II. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2023. – С. 253–261.
5. Зайцева И.П. Художественный драматургический диалог в контексте коммуникативно-когнитивной парадигмы лингвистического знания // Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика: сборник статей Международной научно-практической конференции. Москва, 14–15 апреля 2022. М.: РУДН, 2022. С. 92–98.
6. Осетрова Е.В. Слова-паразиты / Е.В. Осетрова, А.В. Щербаков // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сквородникова. Члены редколлегии: Г.А. Копнина, Л.В. Куликова, О.В. Фельде,

Б.Я. Шарифуллин, М.А. Южанникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Электрон. дан. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 593–594.

7. Падучева Е.В. Прагматические аспекты диалога / Е.В. Падучева // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. – Т. 41. – № 4. – М., 1982. – С. 305–313.

8. Тумина Л.Е. Коммуникативное намерение / Л.Е. Тумина // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. – М.: Флинта: Наука, 1998. – С. 82–84.

9. Щерба Л.В. Приложение / Л.В. Щерба // Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие– Т. I (с приложением текстов). – Петроград: тип. А.Э. Коллинс, 1915. – 25 с. I–XXII+194+54 стр.

10. Якубинский Л.П. О диалогической речи / Л.П. Якубинский // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – С. 17–58.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. – Т. 7. И–Каюр. – М.–СПб.: Наука, 2007. – 729 с.

12. Вяткин С. Капремонт / С. Вяткин // «Кольцо А»: Союз писателей Москвы. – 2020. – № 141. – <https://www.soyuzpisateley.ru/publication.php?id=1404>

13. Дускаева Л.Р. Полилог / Л.Р. Дускаева // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сковородникова. Члены редколлегии: Г.А. Копнина, Л.В. Куликова, О.В. Фельде, Б.Я. Шарифуллин, М.А. Южанникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Электрон. дан. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 454.

14. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён. Около 2600 имён / Н.А. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 384 с.

15. Словарь русских народных говоров. Вып. 5. Военство–Выростковый / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л.: Наука, 1970. – 343 с.

16. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 35. Реветь–Рящик. – СПб.: Наука, 2001. – 360 с.

17. Словарь русских народных говоров. Вып. 45. Транбовать–Тыча / Гл. ред. Ф.П. Филин. – СПб.: Наука, 2012. – 343 с.

18. Суперанская А.В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 384 с.

19. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.

20. Тумина Л.Е. Полилог / Л.Е. Тумина // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. – М.: Флинта: Наука, 1998. – С. 157–158.

REFERENCES

1. Vinokur, T.G. (1977). O yazike sovremennoi dramaturgii [About the language of modern dramaturgy]. Yazykovie protsessi sovremennoi russkoi khudozhestvennoi literaturi. Proza [Language processes of modern Russian fiction. Prose] (pp. 130–197). Moscow, Nauka Publ. (In Russian).

2. Vinokur, T.G. (2003). Polilog [Polylogue]. Karaulov Yu.N. (Ed.). Russkiy yazyk. Entsiklopediya [Russian language. Encyclopedia] (pp. 351–352). Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya Scientific Publ. (In Russian).

3. Zaitseva, I.P. (2022). Podhody k osmysleniyu hudozhestvennogo teksta na novejshe etape lingvisticheskogo znaniya [Approaches to understanding a literary text at the newest stage of linguistic knowledge]. Russkiy yazyk bez granic: novye vozmozhnosti razvitiya dialoga kul'tur: Sbornik statej [Russian language without borders: new opportunities for developing dialogue between cultures: Collection of articles] (pp. 124–133). N. Novgorod; Moscow, Izdatel'stvo IP Markin A.O. (In Russian).

4. Zaitseva, I.P. (2023). Sovremennyi dramaturgicheskij diskurs: osmyslenie v ramkakh kommunikativno-kognitivnoj paradigmy [Modern dramaturgical discourse: comprehension within the framework of the communicative-cognitive paradigm]. Russkiy yazyk v polikul'turnom mire: VII Mezhdunarodnyj simpozium [Russian language in a multicultural world: VII International Symposium]. Vol. II (pp. 253–261). Simferopol', Izdatel'skiy dom KFU. (In Russian).

5. Zaitseva, I.P. (2022). Khudozhestvennyj dramaturgicheskij dialog v kontekste kommunikativno-kognitivnoj paradigmy lingvisticheskogo znaniya [Artistic dramatic dialogue in the context of the

communicative-cognitive paradigm of linguistic knowledge]. *Yazyk kak iskusstvo: funktsional'naya semantika i poehtika* [Language as an art: functional semantics and poetics: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference] (pp. 92–98). Moscow, RUDN Publ. (In Russian).

6. Osetrova, E.V., Sherbakov, A.V. (2014). *Slova-parazity* [Filler words]. *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovyye kompetentsii): slovar-spravochnik*. [Effective verbal communication (basic competencies): reference dictionary], Skovorodnikov A.P. (Ed.) (pp. 593–594). Krasnoyarsk: Sib. Feder. University Publ. (In Russian).

7. Paducheva, E.V. (1982). *Pragmaticheskie aspekty dialoga* [Pragmatic aspects of dialogue]. *News of the USSR Academy of Sciences. Literary and Language Series. Vol. 41, 4, 305–313*. (In Russian).

8. Tumina, L.E. (1998). *Kommunikativnoe namerenie* [Communicative intention]. In T.A. Ladyzhenskaya & A.K. Mihalskaya (Eds.), *Pedagogicheskoe rechevedenie: Slovar-spravochnik* [Pedagogical Speech Science: A Dictionary and Reference Book] (pp. 82–84). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian).

9. Sherba, L.V. (1915). *Prilozhenie* [Appendix]. *Vostochnoluzhickoe narechie (s prilozheniem tekstov)*. [East Lusatian Dialect (with appendix of texts)]. Vol. I. (pp. 194–271). Petrograd: A.E. Kollins' printing house. (In Russian).

10. Yakubinskij, L.P. (1986). *O dialogicheskoy rechi* [About dialogic speech]. *Yazyk i ego funkcionirovanie* [Language and its functioning] (pp. 17–58). Moscow: Nauka. (In Russian).

Поступила в редакцию 24.09.2024 г.

ORIGINALITY OF MODERN DRAMATIC DIALOGUE (BASED ON THE PLAY “OVERHAUL” BY SEMYON VYATKIN)

I.P. Zaitseva, K.Yu. Tolkacheva

The article addresses features of modern dramatic speech. The study is based on the play “Overhaul” by one of the modern playwrights Semyon Vyatkin. The research focuses on the leading compositional and speech zone of the dramatic work, i.e. on the characters’ speech manifestations, which appear to be the main source of information for the addressee about the character’s linguistic personality in particular, and about his personality in general. The most significant for the author’s concept embodiment are those parts of the dramatic dialogue that have the form of a polylogue. It should be pointed out that the playwright’s opportunities for expressing his own position are very limited. The analysis of these fragments enables to identify the set of intentions of a particular character, including the hidden ones, and in this way to shape a general view of his communicative strategy. The characters’ lines in the polylogue a priori acquire multidirectionality, which, on the one hand, creates opportunities for a polyphonic presentation of the characters to the addressee. On the other hand, it brings into the open the communicative features of the speech material used by the characters, i.e. words, expressions, statements in general.

Key words: Semyon Vyatkin, play, dramatic dialogue, polylogue, monologue, intentions, communicative strategy.

Зайцева Ирина Павловна.

Доктор филологических наук, профессор.
Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова.

Заведующий кафедрой мировых языков.

ORCID 0000-0002-4659-0929.

E-mail: irinazaj91@mail.ru

Толкачёва Кристина Юрьевна.

Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова».

Аспирант.

ORCID 0009-0003-8326-6022.

E-mail: kristinaqwea@yandex.ru

Zaitseva Irina Pavlovna.

Doctor of Philology, Professor.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov.

Head of World Languages Department.

ORCID 0000-0002-4659-0929.

E-mail: irinazaj91@mail.ru

Tolkacheva Kristina Yurievna.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov.

Postgraduate student.

ORCID 0009-0003-8326-6022.

E-mail: kristinaqwea@yandex.ru

Научная статья

УДК 811.13

DOI: 10.5281/zenodo.14278092

ГАЛЛИЦИЗМЫ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ И ИТАЛЬЯНИЗМЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ: ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ

© 2024 С.М. Кравцов, Н.Ю. Чигридова

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

ORCID¹: 0000-0002-6804-1197

ORCID²: 0009-0005-6457-8981

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе исследуется проблема межъязыковых заимствований на материале французских лексических единиц, перешедших в итальянский язык (галлицизм), и итальянских лексических единиц, перешедших во французский язык (итальянизмы). С помощью описательного, компаративного методов исследования, а также метода количественных подсчетов определены наиболее многочисленные лексико-семантические группы галлицизмов в итальянском языке и итальянизмов во французском. Установлены различные типы заимствования, такие как заимствование иноязычной лексической единицы без изменения её звучания и графического выражения; заимствование иноязычной лексической единицы с фонетической адаптацией и без изменения графического выражения; заимствование иноязычной лексической единицы с фонетической и графической адаптацией; заимствование иноязычной лексической единицы с грамматической адаптацией; калькирование. Посредством дефиниционного анализа выявлены синонимические отношения между заимствованиями и исходными словами, а также факты их сосуществования. Установлены различия в адаптации галлицизмов в итальянском языке и итальянизмов во французском.

Ключевые слова: галлицизмы, итальянизмы, заимствование, адаптация, фонетическая адаптация, графическая адаптация, грамматическая адаптация, ассимиляция, заимствующий язык, лексико-семантическая группа, калькирование.

Для цитирования: Кравцов С.М. Галлицизмы в итальянском языке и итальянизмы во французском: особенности адаптации / С.М. Кравцов, Н.Ю. Чигридова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 41–49. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14278092>.

Введение. В современную эпоху, характеризующуюся развитием международных контактов и межкультурной коммуникации, проникновение лингвистических единиц из одного языка в другой становится всё более интенсивным, что обуславливает неизбежность исследования проблемы заимствования. Многие из единиц адаптируются носителями принимающего языка, причем способы и степень их ассимиляции различаются. Исследование процесса адаптации языковых единиц, прежде всего лексических, важно как для понимания их этимологии и семантики носителями заимствующего языка, так и для развития теоретической и прикладной лингвистики, что определяет его актуальность. Изучение механизма ассимиляции заимствованных единиц на межъязыковом уровне, в частности на материале французского и итальянского языков, имеет значение для развития не только сравнительно-сопоставительной лингвистики, но и романского языкознания.

В современной лингвистической литературе исследованию заимствований посвящено немало работ. В них фокусируется внимание на современных исследованиях иноязычной заимствованной лексики [5; 10], языковых заимствованиях в онтологическом аспекте [11], вариантности заимствований в аспекте кодификации литературной нормы [4], лексических заимствованиях и их адаптации в русском языке [3], заимствованиях в профессиональных сферах [1], межъязыковых заимствованиях наименований лиц по профессии [2], заимствованиях из итальянского языка в русском языке [7; 8], лексических заимствованиях во французском языке [6], значении итальянских заимствований во французском языке [9]. Как видно, в настоящее время не существует работ, посвящённых изучению заимствований на межъязыковом уровне из французского языка в итальянском и из итальянского языка во французском, что обуславливает новизну данного исследования.

Цель статьи заключается в анализе галлицизмов в итальянском языке и итальянизмов во французском с точки зрения особенностей их взаимной адаптации. Задачи статьи состоят в том, чтобы 1) выявить и классифицировать наиболее репрезентативные лексико-семантические группы галлицизмов в итальянском языке и итальянизмов во французском, соотносящиеся с идеографическими сферами социальной жизни; 2) определить типологию заимствования галлицизмов итальянским языком и итальянизмов французским через призму особенностей их взаимной адаптации; 3) установить различия в адаптации галлицизмов в итальянском языке и итальянизмов во французском.

Материалы и методы исследования. В качестве фактического языкового материала методом сплошной выборки были отобраны из словарей итальянского языка [12; 17], словарей французского языка [14; 16], этимологического словаря итальянского языка [13] и этимологического словаря французского языка [15] галлицизмы в итальянском языке (1000 единиц) и итальянизмы во французском (950 единиц). Они исследованы с помощью описательного, компаративного методов, метода количественных подсчётов и метода дефиниционного анализа.

Основная часть. Данное исследование основывается на интерпретации заимствования, приведённой в таких авторитетных изданиях, как «Лингвистический энциклопедический словарь» под редакцией В.Н. Ярцевой и словарь французского языка «Le Robert micro». В соответствии с дефиницией в первом из них заимствование является элементом чужого языка (словом, морфемой, синтаксической конструкцией и т.д.), перенесённым из одного языка в другой по причине языковых контактов, а также самим процессом перехода элементов из одного языка в другой [7, с. 158].

Во втором из этих изданий даётся следующая трактовка заимствования: «Processus par lequel une langue accueille un élément d'une autre langue, l'élément (mot, tour) ainsi incorporé» [16, с. 491] («Процесс, посредством которого один язык принимает элемент другого языка, элемент (слово, оборот) таким образом принимается») (Здесь и далее перевод наш). Как видно, обе дефиниции, несмотря на различие языков, на которых они приведены, очень близки.

Многочисленность заимствованных итальянским языком галлицизмов и французским языком итальянизмов обуславливается наличием не только общей государственной границы у Франции и Италии, но и тесных межкультурных контактов, торговых и экономических связей, а также продолжительностью военного противостояния между ними в период итальянских войн (1494–1559), в эпоху Наполеона и эпоху оккупации Италии (1796–1814). Эти войны способствовали упрочению франко-итальянских контактов, непосредственному ознакомлению с итальянской культурой и, таким образом, послужили толчком для французского

Ренессанса. Тем не менее в течение последних десятилетий количество заимствований из одного языка в другой постепенно сокращается по причине увеличения в них числа англицизмов, которым галлицизмы и итальянизмы постепенно уступают место, что является следствием доминирующей роли США в мире.

Французский язык внёс один из самых значительных вкладов в пополнение лексического состава итальянского языка. Многочисленными лексико-семантическими группами галлицизмов в итальянском языке являются такие, как

1) «**Гастрономия**»: *purè* (от *purée* – пюре), *maionese* (от *mayonnaise* – майонез), *besciamella* (от *béchamel* – бешамель), *cognac* (от *cognac* – коньяк), *omelette* (от *omelette* – омлет, яичница), *ragù* (от *ragoût* – рагу) и т.д. (всего 117 единиц);

2) «**Мода**»: *moda* (от *mode* – мода), *boutique* (от *boutique* – бутик), *prêt-à-porter* (от *prêt-à-porter* – готовое платье), *gala* (от *gala* – празднество, торжество), *sabot* (от *sabot* – сабо) и т.д. (всего 106 единиц);

3) «**Одежда**»: *mantò* (от «*manteau*» – манто, широкое дамское пальто), *foulard* (от «*foulard*» – косынка), *scialle* (от «*châle*» – шаль), *cravatta* (от «*cravate*» – галстук), *fuso* (от «*fuseau*» – спортивные брюки со штрипками) и т.д. (всего 102 единицы);

4) «**Военное дело**»: *baionetta* (от *baïonnette* – штык), *barricata* (от *barricade* – баррикада), *gendarme* (от *gendarme* – жандарм), *carabiniere* (от *carabinier* – карабинер), *artileria* (от *artillerie* – артиллерия) и т.д. (всего 95 единиц);

5) «**Политика**»: *votazione* (от *votation* – голосование), *dimissioni* (от *démision* – отставка), *burocrazia* (от *bureaucratie* – бюрократия), *abdicazione* (от *abdication* – отречение от престола) и т.д. (всего 92 единицы);

6) «**Домашнее хозяйство**»: *immobili* (от *immobilier* – недвижимое имущество), *comò* (от *commode* – комод), *sofà* (от *sofa* – софа, диван) и т.д. (всего 88 единиц).

Как видно благодаря количественным подсчётам, самой многочисленной лексико-семантической группой галлицизмов в итальянском языке является «Гастрономия», что объясняется популярностью и распространённостью французской кухни во всём мире, прежде всего в граничащей с Францией Италии.

В свою очередь итальянский язык также существенно обогатил словарный состав французского языка. К наиболее репрезентативным лексико-семантическим группам итальянизмов во французском языке относятся такие, как:

1) «**Искусство**»:

«**Искусство музыкальное**»: *concert* (от *concerto* – концерт), *bémol* (от *bemolle* – бемоль), *soprano* (от *soprano* – сопрано, самый высокий по звучанию женский голос), *contralto* (от *contralto* – контральто, самый низкий по звучанию женский голос), *contrebasse* (от *contrabbasso* – контрабас) и т.д. (всего 55 единиц);

«**Искусство театральное**»: *burlesque* (от *burlesco* – бурлеск, шуточный жанр), *opéra* (от *opera* – опера), *ballet* (от *balletto* – балет), *ballerine* (от *ballerina* – балерина) и т.д. (всего 49 единиц);

«**Искусство изобразительное**»: *pastel* (от *pastello* – пастель), *aquarelle* (от *acquarello* – акварель), *caricature* (от *caricatura* – карикатура), *gouache* (от *guazzo* – гуашь) и т.д. (всего 42 единицы);

«**Искусство архитектурное**»: *belvédère* (от *belvedere* – бельведер), *balcon* (от *balcone* – балкон), *façade* (от *facciata* – фасад), *modillon* (от *modiglione* – выступающий орнамент под карнизом здания) и т.д. (всего 34 единицы);

2) «**Гастрономия**»: *spaghetti* (от *spaghetti* – спагетти), *brocoli* (от *broccolo* – брокколи), *vermicelle* (от *vermicelli* – вермишель), *pizza* (от *pizza* – пицца), *riz* (от *riso* – рис), *citrouille* (от *citruolo* – тыква) и т.д. (всего 150 единиц);

3) «Военное дело»: *soldat* (от *soldato* – солдат), *bataillon* (от *battaglione* – батальон), *alarme* (от *all'arme* – тревога), *bombe* (от *bomba* – бомба), *esponton* (от *sprantone* – копьё с короткой рукояткой, которую носили офицеры пехоты в XVI–XVII веках) и т.д. (всего 141 единица);

4) «Мода»: *escarpin* (от *scarpino* – открытая туфля-лодочка), *perruque* (от *parrucca* – парик), *brocatelle* (от *broccatello* – шелковая узорчатая ткань), *ombrelle* (от *umbrello* – дамский зонтик) и т.д. (всего 129 единиц).

Результат количественных подсчётов свидетельствует о том, что лексико-семантическая группа «Искусство» является наиболее репрезентативной группой итальянизмов во французском языке, объём которой позволяет разделить её на несколько подгрупп: «Искусство музыкальное», «Искусство театральное», «Искусство изобразительное» и «Искусство архитектурное». Её доминирование во французском языке обуславливается вступлением Италии в эпоху Высокого Возрождения раньше Франции, что способствовало влиянию итальянской культуры и итальянского искусства на культуру и искусство Франции.

Заемствованные галлицизмы и итальянизмы в различной степени ассимилируются в принимающем языке. Типы их адаптации, тем не менее, разнообразны, что позволяет говорить о типологии их заимствования.

1. Заимствование иноязычной лексической единицы без изменения её звучания и графического выражения.

Данный тип заимствования предполагает полное принятие иноязычной лексической единицы без какой-либо адаптации, то есть в исконном фонетическом и графическом выражении, что происходит довольно редко. Таким образом итальянским языком заимствуются лишь некоторые галлицизмы, сохраняющие целиком своё первоначальное не только графическое, но и звуковое выражение, предполагающее фиксацию ударения на последнем слоге, присущую французской речи. Сохранение ударения в галлицизмах на последнем слоге в итальянском языке объясняется отсутствием обязательной фиксации ударения на определённом слоге в итальянских словах. К данным галлицизмам, заимствованным итальянским языком, относятся *bon ton* (хороший тон), *boudoir* (будуар), *consommé* (консоме, крепкий бульон), *élite* (элита), *parvenu* (парвеню, выскочка), *pardon* (прости, простите), *soirée* (вечер, вечеринка), *tête-à-tête* (наедине, с глазу на глаз), *toilette* (туалет) и другие. Исходная форма рода таких галлицизмов также сохраняется в итальянском языке.

2. Заимствование иноязычной лексической единицы с фонетической адаптацией и без изменения её графического выражения.

Этот тип заимствования не предполагает высокую степень адаптации иноязычной лексической единицы в принимающем языке, поскольку её исконное графическое выражение не трансформируется. Рассматриваемому типу заимствования соответствуют некоторые итальянизмы, закрепившиеся во французском языке с исходным графическим выражением, но с изменённым произнесением, свойственным французской речи, то есть с ударением на последнем слоге. По причине фиксации ударения на последнем слоге французский язык, в отличие от итальянского, фонетически не адаптирует итальянизмы. Среди итальянизмов, принятых французским языком и соотносящихся с данным типом заимствования, можно выделить такие, как *opera* (опера), *soprano* (сопрано), *piano* (пиано), *risotto* (ризотто), *spaghetti* (спагетти), *macaroni* (макаронны), *pizza* (пицца) и другие. В перечисленных итальянизмах полужирным шрифтом выделены ударные буквы в языке-источнике.

3. Заимствование иноязычной лексической единицы с фонетической и графической адаптацией

Большинство галлицизмов и итальянизмов после их перехода соответственно в итальянский и французский язык адаптируются с помощью носителей заимствующего языка к его фонетическому и лексическому строю, что позволяет им закрепиться в нём, став элементами его системы. Их адаптация способствует изменению в той или иной степени их звучания и написания в принимающем языке.

Приведём примеры фонетической и графической адаптации галлицизмов в итальянском языке: *baionetta* (от франц. *baïonnette*), *moda* (от франц. *mode*), *cravatta* (от франц. *cravate*), *immobili* (от франц. *immobilier*), *comò* (от франц. *commode*), *barricata* (от франц. *barricade*), *carabiniere* (от франц. *carabinier*), *artigleria* (от франц. *artillerie*), *burocrazia* (от франц. *bureaucratie*), *abdicazione* (от франц. *abdication*) и т.д.

Рассмотрим фонетическую и графическую адаптацию итальянизмов во французском языке:

- замену аффрикат, являющихся звуками, не свойственными французскому языку: *artisan* (от итал. *artigiano* ‘ремесленник, кустарь’), *généralissime* (от итал. *generalissimo* ‘генералиссимус’), *populace* (от итал. *popolaccio* ‘простонародье, чернь’), *carrosse* (от итал. *carrozza* ‘каре́та’), *nonce* (от итал. *nunzio* ‘нунций, папский посол’) и т.д.;

- редукцию конечных гласных **a, e, o**: *sentinelle* (от итал. *sentinella*), *macaron* (от итал. *maccherone*), *medicastre* (от итал. *medicastro*) и т.д.;

- назализацию гласных перед согласными **m, n**: *campanile* (от итал. *campanie*), *poltron* (от итал. *poltrone*), *à l'improviste* (от итал. *improvviso*) и т.д.;

- стяжение дифтонгов: *balustrade* (от итал. *balaustrata* ‘балюстрада, перила’), *muserolle* (от итал. *museruola* ‘элемент конской сбруи, окружающий нижнюю часть головы лошади и мешающий лошади открывать рот’) и т.д.;

- нейтрализацию геминаты: *casemate* (от итал. *casamatta*), *cavale* (от итал. *cavalla*), *stuc* (от итал. *stucco*) и т.д.;

- появление гласного **e** перед начальной группой **st, sp**: *estafilade* (от итал. *staffilata*), *esponon* (от итал. *spuntone*) и т.д.

- смещение ударения на последний слог в результате редукции конечных гласных: *bambin* (от итал. *bambino* ‘ребёнок, малыш’), *parer* (от итал. *parare* ‘отразить удар, парировать’), *tarentule* (от итал. *tarantola* ‘тарантул’) и т.д.

4. Заимствование иноязычной лексической единицы с грамматической адаптацией.

Фонетическая адаптация галлицизмов и итальянизмов предопределила в некоторой степени их грамматическую адаптацию. Так, например, некоторые итальянские лексемы мужского рода, оканчивающиеся на суффиксы **ello, accio**, во французском языке переходят в группу лексем женского рода, так как они коррелируют с французскими словами на **elle, ace, ache**. Рассмотрим примеры: *umbrello* (итал. яз., м. р.) > *ombrelle* (франц. яз., ж. р.), *brocatello* (итал. яз., м. р.) > *brocattelle* (франц. яз., ж. р.), *popolaccio* (итал. яз., м. р.) > *populace* (франц. яз., ж. р.), *pistacchio* (итал. яз., м. р.) > *pistache* (франц. яз., ж. р.).

Среди галлицизмов в итальянском языке также встречаются лексические единицы, форма рода которых изменилась по причине их адаптации к грамматической системе заимствующего языка. Например, галлицизмы *comò, purè* имеют в итальянском языке форму мужского рода, в то время как исконные лексемы *commode, purée* во французском языке обладают формой женского рода.

При грамматической адаптации итальянизмов во французском языке наблюдаются случаи флективной адаптации, когда слова, заимствуемые во множественном числе, либо утрачивают его форму, обретая форму единственного

числа в соответствии с правилами принимающего языка, либо сохраняют её наряду с формой единственного числа как второй нормативной. Таковы, например, *vermicelli* (итал. яз., мн. ч.) > *vermicelle* (франц. яз., ед. ч.), *maccheroni* (итал. яз., мн. ч.) > *macaroni* (франц. яз., мн. ч. и ед. ч.). Среди заимствованных итальянским языком галлицизмов не выявлены лексемы с изменившейся формой числа.

В результате фонетической, графической или грамматической адаптации к системе заимствующего языка принятие элементов чужого языка может быть полным, что проявляется в деривационных отношениях между лексическими единицами, т.е. в возможности образования новых слов посредством заимствованных морфем, уподобившихся морфемам принимающего языка. Так, например, лексема *romanesque* (романический) образована во французском языке путём добавления адаптированного к этому языку итальянского суффикса *-esco*, изменившегося после заимствования в *-esque*. Лексема *bravissimo* (брависсимо!) появилась во французском языке вследствие соединения итальянского по происхождению слова *bravo* (браво, молодец!) и итальянского суффикса *-issimo*.

5. Калькирование.

Галлицизмы и итальянизмы могут заимствоваться не только напрямую, посредством перехода из одного языка в другой, но и посредством калькирования, то есть путём копирования их морфологической структуры, их буквального перевода на принимающий язык. Таким образом во французском языке появилась лексическая единица *chou-fleur* (цветная капуста), являющаяся калькой с итальянского *cavolfior*. В итальянском языке к калькам с французского относятся такие лексические единицы, как *crescita zero* (нулевой рост) от *croissance zéro*, *terzo mondo* (третий мир) от *tiers monde*, *qualità della vita* (качество жизни) от *qualité de la vie*.

Благодаря фонетической, графической и грамматической адаптации в результате заимствования у галлицизмов и итальянизмов могут устанавливаться в заимствующем языке синонимические связи с исконными лексемами, что свидетельствует о их семантической адаптации в принимающем языке. Так, в итальянском языке некоторые галлицизмы сосуществуют со своими итальянскими синонимами: *garage* (франц. яз.) и *rimessa* (итал. яз.) в значении 'гараж', *hôtel* (франц. яз.) и *albergo* (итал. яз.) в значении 'гостиница', *menu* (франц. яз.) и *carta o lista* (итал. яз.) в значении 'меню', *omelette* (франц. яз.) и *frittata* (итал. яз.) в значении 'яичница' и т.д.

Во французском языке синонимические отношения между итальянизмами и исконными лексемами встречаются гораздо реже. К ним можно отнести итальянизм *cavale* и его исконный синоним *jument* в значении 'кобылица, кобыла'. Однако лексема итальянского происхождения употребляется в поэтической речи, а исконная французская лексема – в повседневной речи.

Процесс сосуществования заимствованных и исконных синонимов может завершиться вытеснением генетических синонимов принимающего языка, что позволяет говорить о полной семантической адаптации в нём иноязычных лексических единиц. Так, с распространением итальянской моды на ношение усов итальянизм *moustache* (усы) вытеснил во французском языке исконный синоним *grenon*. В военной терминологии старое исконное французское слово *escoute* (караул, часовой) было вытеснено современным синонимичным итальянизмом *sentinelle*. В морской терминологии итальянизм *boussola* (компас) благодаря своей однозначности вытеснил исконный синоним *aiguille de mer* (морская стрелка), обладающий объёмным значением.

При утверждении иноязычного слова в лексической системе заимствующего языка иногда наблюдается изменение его значения. Так, например, адаптированный к

системе французского языка итальянизм *isolé* (исконная форма в итальянском языке – *isolato*) был заимствован как термин архитектуры, означавший отдельно стоящее здание или группу зданий. Однако в XVII веке его план содержания изменился в сторону расширения по причине метафорического переноса и он приобрёл значение ‘одинокый, уединённый, единичный человек или предмет’, вследствие чего данная лексема вышла из терминосистемы.

Рассмотрим ещё пример итальянского заимствования во французском языке, значение которого изменилось. Первоначальное значение итальянизма *barbon* (исходная форма в итальянском языке – *barbone*) – ‘большая борода’. В XVI веке он стал служить прозвищем трёх главных депутатов парламента, которые носили длинную бороду. В результате метонимического переноса итальянизм *barbon* сначала принял значение ‘бородач’, а позднее – значение ‘старик’.

К подобным примерам можно также отнести итальянскую лексему *corridore*, заимствованную французским языком с орфографией *corridor* как термин фортификации, имевший значение ‘круговая галерея позади фортификации’. Однако в XVII веке это слово приняло значение ‘коридор, крытый проход, соединяющий многие комнаты одного этажа’. Впоследствии семантическая структура лексемы *corridor* стала объёмней благодаря приобретению ею значения ‘территория, расположенная между двумя государствами и служащая проходом из одного государства в другое’.

Заключение. Результаты исследования проблемы межъязыковых заимствований на материале французских лексических единиц, перешедших в итальянский язык (галлицизмов), и итальянских лексических единиц, перешедших во французский язык (итальянизмов), позволяют сделать следующие выводы:

1) галлицизмы в итальянском языке и итальянизмы во французском представляют собой достаточно объёмный и эволюционирующий пласт лексики;

2) галлицизмы и итальянизмы разделяются на лексико-семантические группы, наиболее репрезентативной из которых в итальянском языке, согласно представленным количественным подсчётам, является группа галлицизмов «Гастрономия», а во французском – группа итальянизмов «Искусство»;

3) типы заимствования галлицизмов итальянским языком и итальянизмов французским разнообразны, и с учётом вида адаптации лексических единиц к принимающему языку существует типология заимствований, включающая заимствование без изменения звучания и графического выражения, заимствование с фонетической адаптацией и без изменения графического выражения, заимствование с фонетической и графической адаптацией, заимствование с грамматической адаптацией и калькирование как тип заимствования, не связанный с прямым переходом лексической единицы из одного языка в другой;

4) заимствования могут не только сосуществовать с исконными синонимами, но и вытеснять их в принимающем языке, а также эволюционировать семантически, расширяя значение;

5) в процессе адаптации галлицизмов к системе итальянского языка и адаптации итальянизмов к системе французского языка имеются различия, состоящие в том, что итальянский язык больше, чем французский, заимствует лексем, синонимичных исконным лексемам, в свою очередь французский язык в силу фиксации в нём ударения на последнем слоге слов не адаптирует фонетически заимствования в отличие от итальянского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Епимахова А.Ю. Когнитивно-коммуникативный подход к заимствованию в профессиональных сферах языка / А.Ю. Епимахова // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2011. – № 24 (239). – С. 137–139.
2. Епимахова А.Ю. Межъязыковое заимствование наименований лиц по профессии в когнитивно-коммуникативном аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 Теория языка / А.Ю. Епимахова. – Челябинск. – 2010. – 23 с.
3. Загоровская О.В. Особенности процессов заимствования и адаптации иноязычной лексики в русском языке XXI века / О.В. Загоровская // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4. – С. 176–182. – DOI 10.47438/2309-7078_2021_4_176
4. Загоровская О.В. Формальная вариантность нового иноязычного слова в аспекте кодификации литературной нормы / О.В. Загоровская, Т.Н. Середина // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4 (281). С. 145–148.
5. Кирилина А. Основные модели описания языковых изменений в условиях глобализации / А. Кирилина, Е. Гриценко // Власть. – 2011. – № 5. – С. 56–59.
6. Коннова О.В. К вопросу о лингвистических заимствованиях во французском языке / О.В. Коннова // Гуманитарные исследования. – 2018. – № 2 (66). – С. 46–51.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. Лукина Е.С. Лексика итальянского происхождения в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 Русский язык / Е.С. Лукина. – Москва. – 2012. – 22 с.
9. Лукина Е.С. Неадаптированная лексика итальянского происхождения в русском языке / Е.С. Лукина // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М.: Изд. МГОУ. – 2011. – № 6. – С. 74–76.
10. Нестеров А.П. Проблема значения лексических заимствований и их прототипов: На материале итальянских заимствований XV в. во французском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 Теория языка / А.П. Нестеров. – Челябинск. – 2002. – 239 с.
11. Проценко Е.А. Современные исследования иноязычной заимствованной лексики (обзор диссертационных исследований XXI в.) / Е.А. Проценко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 213–217.
12. Савицкий В.М. Языковое заимствование: онтологический аспект / В.М. Савицкий // Мир лингвистики и коммуникации: электр. науч. журнал. – 2013. – Т. 1. № 30. – С. 1–9.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Battaglia S. Grande dizionario della lingua italiana: Vol. 1–17. – Torino: UTET, 1961–1994.
14. Dizionario etimologico / Diego Meldi ecc. – Trento: Aggiornata, 2005. – 1245 p.
15. Le Petit Larousse illustré. Ed. Larousse, Paris, 2005.
16. Le Robert ÉTYMOLOGIE du français, Paris, 2009.
17. Le Robert micro / rédaction dirigée par Alain Rey. Nouvelle édition 2018.
18. Roberto Tartaglione. Le prime 3000 parole italiane con esercizi. Alma Edizioni, 2018.

REFERENCES

1. Epimakhova A.Yu. (2011). Kognitivnoi-kommunikativniy podkhod k zaimstvovaniyu v professionalnykh sferakh yazyka [A cognitive-communicative approach to borrowing in professional areas of language] in Vestnik Chelabinskogo gos. universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 24 (239), 137–139 (In Russian).
2. Epimakhova A.Yu. (2010). Mezyazykovoye nazvaniy lits po professii v kognitivno-kommunikativnom aspect [Interlanguage borrowing of names of persons by profession in the cognitive and communicative aspect]: avtoreferat. dis. kand. filol. nauk. Chelabinsk, 23 p. (In Russian).
3. Zagorovskaya O.V. (2021). Osobennosti protsessov zaimstvovaniya i adaptatsii inoyazichnoi leexiki v russkom yazike XXI veka [Features of the processes of borrowing and adaptation of foreign language vocabulary in the Russian language of the XXI century] in Izvestia Voronejskogo gos. pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University], 4, 176–182. (In Russian).
4. Zagorovskaya O.V. (2018). Formalnaya variantnost' novogo inoyazichnogo slova v aspekte kodifikatsii literaturnoi normi [Formalnaya variantnost' novogo inoyazichnogo slova v aspekte kodifikatsii literaturnoi normi] in Izvestia Voronejskogo gos. pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University], 4, 145–148 (In Russian).
5. Kirilina A. (2011). Osnovniye modeli opisaniya yazykovikh izmeneniy v usloviyakh globalizatsii [The main models for describing language changes in the context of globalization] in Vlast' [Power], 5, 56–59 (In Russian).

6. Konnova O.V. (2018). K voprosu o lingvisticheskikh zaimstvovaniyakh vo frantsuzskom yazike [On the issue of linguistic borrowings in French] in Gumanitarniye issledovaniya [Humanitarian studies], 2 (66), 46–51. (In Russian).
7. Yartseva V.N. (1990) Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 685 p. (In Russian).
8. Lukina E.S. (2012). Lexika italienskogo proiskhojdeniya v russkom yazike [Vocabulary of Italian origin in Russian]: avtoreferat, dis. kand. filol. nauk. Moscow, 22 p. (In Russian).
9. Lukina E.S. (2011). Neadaptirovannaya lexika italienskogo proiskhojdeniya v russkom yazike [Unadapted vocabulary of Italian origin in Russian] in Vestnik MGU. Seriya «Russkaya filologiya» [Bulletin of the Moscow State University. The series "Russian Philology"], 6, 74–76 (In Russian).
10. Nesrerov A.P. (2002). Problema znacheniya lexicheskikh zaimstvovaniy i ikh prototipov [The problem of the meaning of lexical borrowings and their prototypes]: dis. kand. filol. Nauk, Chelabinsk, 239 p. (In Russian).
11. Protsenko E.A. (2012). Sovremenniye issledovaniya inoyazicnoi zaimstvovannoi lexiki [Modern studies of foreign language borrowed vocabulary] in Vestnik Voronejskogo gos. Universiteta. Seriya «Lingvistika I mejkulturnaya kommunikatsiya» [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2, 213–217. (In Russian).
12. Savitskiy V.M. (2013). Yaxikovoye zaimstvovaniye: ontologicheskij aspekt [Linguistic borrowing: an ontological aspect] in Mir lingvistiki I kommunikatsii [The world of linguistics and communication], 30, 1–9. (In Russian).

Поступила в редакцию 22.09.2024 г.

GALLICISMS IN ITALIAN AND ITALIANISMS IN FRENCH: FEATURES OF ADAPTATION

S.M. Kravtsov, N.Yu. Chigridova

The work examines the problem of interlanguage borrowings based on the material of French lexical units that have passed into the Italian language (gallicisms) and Italian lexical units that have passed into the French language (Italianisms). Using descriptive, comparative research methods, as well as the method of quantitative calculations, the most numerous lexical and semantic groups of gallicisms in Italian and Italianisms in French have been identified. Various types of borrowing have been established, such as borrowing a foreign-language lexical unit without changing its sound and graphic expression; borrowing a foreign-language lexical unit with phonetic adaptation and without changing its graphic expression; borrowing a foreign-language lexical unit with phonetic and graphic adaptation; borrowing a foreign-language lexical unit with grammatical adaptation; calculus. By means of a definitional analysis, synonymous relations between loanwords and source words, as well as the facts of their coexistence, are revealed. Differences in the adaptation of gallicisms in Italian and Italianisms in French have been established.

Key words: gallicisms, Italianisms, borrowing, adaptation, phonetic adaptation, graphic adaptation, grammatical adaptation, assimilation, borrowing language, lexico-semantic group, calculus.

Кравцов Сергей Михайлович.

Доктор филологических наук, профессор.
Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону.
Заведующий кафедрой романской филологии.
ORCID 0000-0002-6804-1197.
E-mail: serg.cravtzov2017@yandex.ru.

Чигридова Наталья Юрьевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону.
Доцент кафедры романской филологии.
ORCID 0009-0005-6457-8981.
E-mail: chigridi@mail.ru.

Kravtsov Sergey Mikhailovich.

Doctor of Philology, Professor.
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation.
Head of Romance Philology Department.
ORCID 0000-0002-6804-1197.
Email: serg.cravtzov2017@yandex.ru.

Chigridova Natalia Yurievna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation.
Associate Professor of Romance Philology Department.
ORCID 0009-0005-6457-8981.
E-mail: chigridi@mail.ru.

Научная статья
УДК 811.161.1'36
DOI: 10.5281/zenodo.14278403

О НАРЕЧИИ *ЧУТЬ* СО ЗНАЧЕНИЕМ КРАЙНЕ НИЗКОЙ СТЕПЕНИ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРИЗНАКА

© 2024 О.И. Глазунова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
ORCID: 0000-0003-2369-2065

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются особенности сочетания наречия степени *чуть* со значением крайне низкой степени интенсификации признака с признаковыми лексемами: с качественными прилагательными, причастиями, деепричастиями, наречиями, значения которых субъект воспринимает на физическом уровне – визуально, тактильно, на слух и т.д.; с качественными прилагательными и наречиями, обладающими нейтральным значением, включая контекстуальные; с качественными прилагательными, причастиями, наречиями, негативное значение которых, с точки зрения субъекта оценки, не влияет на нейтральное их восприятие. Разница между валентными характеристиками наречия *чуть* и валентными характеристиками других наречий со значением низкой степени интенсификации признака обусловлена их семантикой, этимологией, а также многими другими факторами, присутствующими в сознании носителей языка. Материалом для исследования послужили наречия, отобранные из лексикографических и текстовых источников. Актуальность работы определяется тем, что наречия низкой степени интенсификации признака представляют собой мало разработанную область в русской грамматике. В ходе исследования был использован комплекс теоретических и эмпирических методов, адекватных предмету изучения и задачам, поставленным в работе: лингвистический анализ, лексико-семантический анализ, контекстный анализ.

Ключевые слова: русская грамматика, наречия степени, низкая степень интенсификации признака, валентность наречий степени.

Для цитирования: Глазунова О.И. О наречии *чуть* со значением крайне низкой степени интенсификации признака / О.И. Глазунова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 50–59. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14278403>.

Введение. В настоящее время в языкознании нет единой точки зрения относительно того, в какую группу входят наречия, выражающие интенсивность проявления признака. А.А. Шахматов, В.В. Виноградов приравнивают их к количественно-именным [11] и неопределенно-количественным [2] наречиям, С.М. Колесникова, Д.В. Сичинава называют их наречиями меры и степени [5, с. 14–18; 9], Л. Иорданская, И. Мельчук, Е. Кржижкова рассматривают их как адвербиальные квантифицирующие показатели [12, с. 112; 6, с. 127], В.Г. Субич – как «кванторные слова» [10, с. 184–185], О.В. Кузьмина, Ю.Е. Ломоносова, Т.Е. Соболева – как «наречия интенсифицирующего / деинтенсифицирующего значения» [7, с. 47].

В «Русской грамматике – 80» выделяется следующая группа наречий степени: *очень, страшно, удивительно, исключительно, слишком, много, гораздо, прямо, абсолютно, совершенно, чересчур, крайне, необычно, весьма, совсем, настолько, вдвое,*

впятеро; едва, едва-едва, еле, еле-еле, чуть-чуть, немного, несколько, капельку (разг.), *крошечку* (разг.) [8, с. 702].

Другие исследователи включают в эту группу наречия *почти, значительно, достаточно, чрезвычайно, безмерно* и др. Например, В.В. Виноградов в группу наречий со значением степени качества вместе с наречиями *очень, почти, еле, едва, чуть* включил наречия *сколько, столько, так, как* [2, с. 305].

Подобное отношение к данной группе наречий имеет объективные причины. В русском языке многие наречия представляют собой производные лексем от разных частей речи. Происхождение наречий обуславливает наличие в них дополнительных семантических значений, которые осложняют их классификацию. В данной работе мы будем исходить из того, что входящие в данную группу наречия должны быть связаны с выражением степени (меры) проявления соотносящегося с ними признака.

Как нематематическое понятие степень указывает на сравнительное количество, сравнительный размер, сравнительное качество чего-то, т.е. имеет непосредственное отношение к выражению поддающихся измерению отличительных свойств выраженного основной лексемой признака.

Таким образом, наречия степени служат для того, чтобы обозначать релевантный ситуации уровень проявления признака, для которого в языке нет специальной лексической единицы. При этом в качестве нулевого значения, от которого ведется отсчет, будет выступать сама признаковая лексема.

При употреблении наречий степени признаковое значение может обозначаться: 1) как незначительное (*еле, едва, чуть, немного, несколько*), 2) в крайне высокой степени приближения (*почти*), 3) в полной мере или даже в превышающей нейтральный уровень степени проявления признака (*очень, много, совершенно, абсолютно, совсем*)³. Таким образом, наречия степени служат в языке своеобразными мерными маркерами, позволяющими описывать окружающую действительность с максимальной степенью достоверности.

Наречие степени *чуть*, которое входит в первую группу и указывает на крайне незначительную степень проявления признака, связано с выражением количества, и в этой функции оно соотносится в русском языке с наречиями *немного, несколько*. Особенность употребления наречия *чуть* состоит в его принадлежности к разговорному русскому языку.

Основная часть.

1. Наречие *чуть* vs наречия *немного, несколько*. Разговорный характер наречия *чуть* обуславливает его преимущественное сочетание с качественными прилагательными, причастиями, деепричастиями, наречиями, значения которых субъект воспринимает на физическом уровне – визуально, тактильно, на слух и т.д.: *чуть нагловатый, чуть заметный, чуть нависая, чуть шершавый, чуть изогнутый* и т.д. Соответственно, лексем с абстрактным значением с наречием *чуть* не сочетаются: **чуть важный, *чуть обычный, *чуть случайный, *чуть правдивый, *чуть ложный*.

Сочетаемость особенности наречия *чуть* предопределены его этимологией: *чуть* «первонач. тождественно инфин. *чуть*, др.-русс. *чүти* ‘чувствовать, чують, ощущать’» [14, с. 387–388]. С наречием *чуть* в русском языке соотносится и междометие *чу*, которое «обозначает призыв обратить чье-л. внимание на какой-л. звук, прислушаться к чему-л.» [13, с. 1484], а также глагол *чують*.

³ О наречиях степени со значением высокой степени интенсификации признака см.: [3].

Выражение крайне низкой степени проявления признака приводит к тому, что наречие *чуть* используется с качественными прилагательными, причастиями, наречиями, негативное значение которых, с точки зрения субъекта оценки, не влияет на нейтральное их восприятие: *чуть кривой* (ничего страшного), *чуть тяжелый* (ничего страшного), *чуть уставший* (ничего страшного), *чуть высоко* (ничего страшного). В этом дополнительном значении наречие *чуть* соотносится с наречиями *немного*, *несколько*: *чуть (немного, несколько) кривой*, *чуть (немного, несколько) тяжелый*, *чуть (немного, несколько) уставший*, *чуть (немного, несколько) высоко*.

Сходство между наречием *чуть* и наречиями *немного*, *несколько* проявляется и в отношении форм сравнительной степени. При сочетании наречий *чуть*, *немного*, *несколько* с формами сравнительной степени значение условной нормативности выраженного лексемой признака стирается, на первое место выходит сопоставительный его характер: *чуть (немного, несколько) больше (дальше, старше, лучше, быстрее, тоньше, более выгодный, более заметный)*.

Соответствие физическому уровню восприятия обуславливает возможность употребления наречия *чуть* с качественными прилагательными и наречиями, обладающими нейтральным значением, включая контекстуальные: *чуть теплый*, *чуть сладкий*, *чуть серый*, *чуть живой*, *чуть голубоватый*, *чуть влажный*, *чуть раскосые глаза*, *чуть припухлые губы*, *чуть насмешливый* взгляд и др. Если сочетающийся с наречием степени признак обладает физически ощутимой динамикой проявления, *чуть* можно заменить наречием *едва*: *чуть/едва теплый*, *чуть/едва живой*, *чуть/едва уловимый*, *чуть/едва различимый*. С лексемами, обладающими позитивным значением, наречие *чуть*, как и наречия *едва*, *немного*, *несколько*, не сочетается: **чуть/*едва/*немного/*несколько красивый (замечательный, приятный, славный, вкусный, здоровый и т.д.)*

Данная тенденция свидетельствует о том, что на интуитивном уровне носители русского языка стремятся приуменьшить негативные значения, используя для этого наречия со значением крайне низкой степени интенсификации признака. Следует отметить, что с признаковыми лексемами положительной семантики, как правило, употребляются наречия степени, указывающие на очень высокую степень приближения к признаку: *почти красивый, почти вежливый, очень справедливый, совершенно удобный, совсем новый*.

2. Семантика, этимология и особенности сочетаемости наречия.

Обусловленное этимологией значение наречия *чуть* определяет и его употребление с глагольными лексемами. Наречие *чуть* сочетается с глаголами, выражающими действие и состояние, которые обладают физическими формами воплощения: несовершенный вид – *чуть потрескивал (серебрился, помешивал, кивал, картавил, шевелил, болел и др.)*; совершенный вид – *чуть отстал (вспотел, припугнул, поморщился, постарел, подурнел, вздрогнул и др.)*

Соответственно, наречие *чуть* не употребляется с глаголами, указывающими на внутреннее (чувственное, психическое) состояние: **чуть любил/полюбил*, **чуть восторгался*, **чуть страдал/пострадал*, **чуть боялся/испугался*, **чуть ненавидел/возненавидел* и др., с глаголами со значением ментального состояния: **чуть знал/узнал*, **чуть верил*, **чуть интересовался/заинтересовался*, **чуть думал/подумал* и др., и с глаголами мыслительной деятельности: **чуть вспоминал/вспомнил*, **чуть понимал/понял*, **чуть изучал/изучил*, **чуть выбирал/выбрал* и др. Если внутреннее состояние объекта описания сопровождается физическими формами воплощения, использование наречия *чуть* является допустимым: *чуть оживился, чуть погоревал*.

В современной лингвистике практически нет работ, посвященных валентным характеристикам наречия *чуть*. В этой связи стоит отметить статью В.Ю. Апресян «Семантика и ее рефлексy у наречий усилия и малой степени», опубликованную в «Вопросах языкознания» в 1997 году.

По мнению В.Ю. Апресян, «наречие *чуть* <...> по своей семантике статично. Оно не может указывать на действия и сочетается только с названиями статичных ситуаций и непредельных, не предполагающих изменения процессов» [1, с. 18]. Данная формулировка не совсем точна: наречие *чуть* может квалифицировать действия в том случае, если эти действия предполагают развитие. Так, с глаголами *надорвать*, *убавить*, *исправить* наречие *чуть* сочетается: *чуть надорвал страницу*, *чуть убавил звук*, *чуть исправил написанное*, потому что выражаемые ими действия подразумевают возможность проявления в большей или меньшей степени; а с глаголами *выдрать*, *выключить*, *удалить* не сочетается в силу предельности их значений.

Еще один тезис, высказанный в работе В.Ю. Апресян, нуждается в уточнении. «Наречие *чуть* <...>, – пишет Апресян, – исключает результат, ср. невозможность (5) *Он *чуть выжил*» [1, с. 19], но может быть использовано при указании на начальную фазу проявления признака: *Чуть стемнело* [1, с. 21].

Действительно, наречие *чуть*, как и наречия *немного*, *несколько*, не используется с глаголами совершенного вида *умер*, *скончался*, *выжил*, *пришел*, *погас*, *проиграл*, *выиграл*, *закончился*, *выздоровел*, *победил*, *дошел*, *нагулялся* и др., указывающими на результат, который является окончательным, т.е. не предполагает развития или возобновления действия. Происходит это в силу того, что выражаемые ими действия не могут проявляться с большей или меньшей интенсивностью. Предельность значения выражаемых признаков приводит к тому, что данные глаголы не образуют словосочетаний с наречиями степени с количественным значением, однако некоторые из них могут образовывать словосочетания с наречиями *едва*, *еле*, указывающими на качественный аспект осуществления действия: *едва/еле дошел (выздоровел, выжил, выиграл)*.

От глаголов, выражающих результат, который является окончательным, т.е. не предполагает развития или возобновления действия, следует отличать глаголы совершенного вида со значением результативного способа действия: *чуть вымок (набедокурил, отогрел, достиг, испугал)*, и однократного способа действия: *чуть толкнул (дунул, сболтнул, сжульничал* и др.), значение которых может проявляться с разной степенью интенсивности. Сюда же относятся глаголы ограничительного: *чуть постоял (поиграл, подождал)*, повторительного: *чуть переделал (перекроил, воссоздал, реорганизовал)*, уменьшительно-смягчительного: *чуть напел (подзабыл, пообсох, притушил, привстал, подзабыл, всплакнул)*, прерывисто-смягчительного: *чуть побаливал (подергивался, поддувал, постукивал, покачивал)* и некоторых других способов действия.

Лексико-грамматические разряды глаголов, обозначающих различные временные, количественные и результативные характеристики действия, во многом определяются наличием в их структуре аффиксов. Например, приставки *под-*, *по-*, *вос-/воз-*, *пере-*, *ре-*, *с-*, *на-*, *вы-*, *при-*, которые приносят в значение глаголов дополнительные характеристики, обуславливают и возможность их сочетания с наречием *чуть*.

Стоит отметить, что это затрагивает не только глаголы, значение которых подразумевает физические формы воплощения, но и глаголы внутреннего, чувственного и ментального, состояния, а также глаголы мыслительной активности. Например, с глаголами *грустить*, *мудрить*, *ждать*, *забыть*, *бояться*, *учить* наречие

чуть не употребляется, а с производными от них лексемами такое сочетание возможно: *чуть погрустил, чуть перемудрил, чуть переждал, чуть подзабыл, чуть побаивался, чуть подучил*, с импликацией значения ограниченного во времени или в количественном проявлении признака.

Так, с глаголом *отойти* ('удалиться на какое-то расстояние от кого-то, чего-то') наречие *чуть* сочетается: *чуть отошел от прилавка*, а вот с глаголом *дойти* ('прибыть на место назначения') не сочетается. В первом случае действие предполагает развитие (удаляться можно на разные расстояния), в втором случае – нет. Аналогично, с глаголом *зацвести* наречие *чуть* употребляется (Ср: *Собирать мяту надо в июле и в августе, брать надо те растения, которые уже имеют бутоны, или те, которые чуть зацвели* (промежуточный результат)); а с глаголом *отцвести* нет, потому что выраженное этим глаголом действие является окончательным, т.е. не предполагает развития.

Таким образом, наречие степени *чуть*, указывающее на крайне незначительную степень проявления признака, употребляется преимущественно с глаголами совершенного и несовершенного вида, которые выражают действия, воспринимаемые субъектом на физическом уровне, – и в том случае, если эти действия предполагают развитие. Как и наречия *немного, несколько*, наречие *чуть* сочетается с качественными прилагательными, обладающими в сознании носителей языка негативным или нейтральным значением: *чуть кривой* (ср.: **чуть прямой*), *чуть пресный* (ср.: **чуть вкусный*), а также со сравнительной степенью прилагательных и наречий разной оценочной семантики: *чуть раньше, чуть позже, чуть сильнее, чуть слабее, чуть более пологий – чуть более крутой*.

3. Конструкции с отрицательной частицей *не*. Как отметила В.Ю. Апресян, из наречий *с трудом, насилу, еле, едва, чуть* «только *чуть* и *едва* сочетаются с отрицанием, образуя фраземы *чуть не* и *едва не*»: *чуть/едва не упал, чуть/едва не умерла* [1, с. 23–24]. И это вполне естественно. В отличие от наречий образа действия с качественным значением, *чуть* и *едва* указывают на количество. Присоединение к ним отрицательной частицы меняет их смысл на противоположный, обозначая высокую степень приближения к признаку.

Если рассматривать группу наречий малой степени в целом, то стоит отметить, что, кроме наречий *чуть* и *едва*, сочетания с отрицательной частицей образуют наречия *немного, несколько*: *немного/несколько не угадал, немного/несколько не дотянул, немного/несколько не получилось, немного/несколько не в себе, немного/несколько не к лицу, немного/несколько не по-мужски, немного/несколько не до того*. И это принципиально важно для понимания логики развития языка, потому что значение лексем, которые способны вступать в связь с данными сочетаниями, будет различаться.

Сочетания *немного не, несколько не* употребляются с лексемами, выражающими желательный признак: *немного не дотянул* (хотел/должен был дотянуть), *несколько не к лицу* (хотелось бы, чтобы было к лицу). Сочетания *чуть не, едва не* в сочетании с глаголами указывают на нежелательное действие, которое должно было произойти, но не произошло в силу счастливой случайности или удачно сложившихся обстоятельств: *Чуть/Едва не забыл!*; *Я чуть/едва не ахнула*; *Он чуть/едва не лишился рассудка*.

Если наречия *чуть, едва* указывают на незначительную степень проявления признака, то присоединение к ним отрицательной частицы *не* меняет это значение на противоположное. *Чуть не, едва не* используются в том случае, когда вероятность осуществления выраженного глаголом негативного признака или связанной с ним ситуации очень высока. В этом отношении словосочетания с *чуть не/едва не* коррелирует по значению с наречием *почти*: *чуть/едва не падал/не упал с ног от*

усталости = почти *падал/почти упал с ног от усталости*; *чуть/едва не лишился рассудка* = почти *лишился рассудка*; *чуть не главный* = почти *главный*.

Немного не, несколько не, наоборот, указывают на то, что вероятность отклонения от выраженного глаголом или другой признаковой лексемой позитивного признака была незначительной: *немного не стоял на ногах* = почти *стоял на ногах*; *немного/несколько не угадал* = почти *угадал*; *несколько не в себе* = почти *нормальный*. В составе словосочетаний *немного не, несколько не*, как правило, могут заменять друг друга, хотя, стоит отметить, что вариант с *немного* больше характерен для разговорной речи.

В разговорном языке возможно даже сочетание *немного не* с субстантивной лексемой, с которой *несколько не* не сочетается: «Я часто встречался с кем-то и слышал: "Сейчас твой баттл пересматривал, так ржал!" А я нет, не пересматриваю. Это *немного не я*. Какой-то зажатый, странный чувак – не я!» (А. Никитин).

В отношении сочетаний *чуть не* и *едва не* дела обстоят иначе. Если в сочетаниях с глагольной лексикой *чуть не* и *едва не* могут заменять друг друга, то с остальными лексемами употребляется преимущественно *чуть не*. Кроме глаголов и прилагательных, *чуть не* образует сочетания с субстантивной лексикой и наречиями, образованными от существительных: *чуть не враг народа*; *получил чуть не миллион*; *сократился чуть не на треть*; *чуть не воочию*; *чуть не на показ*.

Сочетания *чуть не* и *едва не* способны присоединять к себе частицу *было*: *чуть было не, едва было не*. Такого рода конструкции используются только в отношении глагольной лексики: *Мы долго разговаривали и чуть было не опоздали на поезд*; *Я чуть было не поддался охватившему меня гневу*; *Она чуть было не расплакалась*; *Он едва было не забыл о моей просьбе*, указывая на высокую степень приближения к выраженному глаголом признаку, который в данной ситуации все же не был реализован.

Частица *было* в сочетании с глаголами (*начал было, вздумал было, хотел было, поднялся было, появился было*) указывает на то, что действие, выраженное глаголом, началось или предполагалось, но по какой-то причине было остановлено или прервано, так и не завершившись. В составе сочетаний *чуть было не* и *едва было не* частица *было* примыкает к наречию в качестве энклитического слова, присутствие которого имплицитно способствует восприятию ситуации уже не как единичной, а как обычной или весьма вероятной. В конструкциях с формой совершенного вида глагола (*чуть было не заплакала, чуть было не упал*) *было* относит единичное действие к разряду возможных, имеющих место в действительности.

В отличие от сочетаний наречий *немного, несколько* с частицей *не*, которые способны присоединять к себе признаковые лексемы с качественными показателями: *немного (несколько) не по себе, немного (несколько) не в порядке, немного (несколько) неясно, немного (несколько) сыро*, наречия *чуть* и *едва* в сочетании с отрицательной частицей передают не количественные значения интенсификации признака, а фазовые (качественные) показатели в развитии действия. В силу этого в приведенных выше примерах с наречиями *немного* и *несколько* они использоваться не могут. Ср.: **чуть не по себе, *едва не в порядке, *чуть неясно, *едва сыро*.

В состав устойчивых сочетаний *чуть не, едва не* может входить частица *ли*, усиливающая присущие им модальные значения удивления, сомнения, неуверенности: *чуть ли не падал, чуть ли не единственный, чуть ли не бесполезный, чуть ли не карбонарий, чуть ли не накануне переворота; едва ли не всем, едва ли не самый активный, едва ли не на каждом шагу*.

В отличие от *чуть*, наречие *едва* само по себе образует с частицей *ли* устойчивое сочетание со значением сильного сомнения в достоверности высказываемого. Это

обуславливает тот факт, что при сочетании *едва ли не* с глаголами значение высокой степени интенсификации признака замещается значением высокой степени сомнения в его реализации. В большинстве случаев такого рода замена подчеркивается включением субъекта в состав сочетания: *едва ли он не знал об этом* (он должен был знать), *едва ли она не опасалась последствий* (судя по всему, она опасалась), *едва ли они не догадывались о последствиях* (они, по всей видимости, догадывались).

Громоздкость конструкции *едва ли не* + глагол делает ее употребление затруднительным, выдвигая на первый план синонимичные варианты: инфинитивные конструкции со значением долженствования, глагольные конструкции с устойчивым сочетанием *вряд ли*, конструкции с вводными выражениями, указывающими на высокую степень достоверности выдвинутого предположения.

4. Наречие *чуть-чуть* со значением усиления. Наречие *чуть-чуть*, образованное с помощью сложения, выражает усиленный вариант значения, присущего наречию *чуть*. Повторение одного и того же слова в составе нового наречия приводит к увеличению его значения почти вдвое. В результате можно говорить о том, что наречие *чуть-чуть* указывает на еще более низкую интенсивность соотносящегося с ним признака: *чуть-чуть опоздал, чуть-чуть дрожал, чуть-чуть отсырел, чуть-чуть надоел, чуть-чуть другой, чуть-чуть сложный, чуть-чуть стыдно, чуть-чуть неловко*.

Как и наречие *чуть*, наречие *чуть-чуть* употребляется преимущественно с лексемами негативной или нейтральной семантики. Хотя, в отличие от наречия *чуть*, оно способно образовывать словосочетания с глаголами, указывающими на внутреннее (чувственное, психическое) состояние: *чуть-чуть любил, чуть-чуть пострадал, чуть-чуть испугался, чуть-чуть обиделся, чуть-чуть ненавидел*, с которыми *чуть* не сочетается. Ср.: *Пусть те, кто нас хоть чуть-чуть любил, Возвращаются, ведь это случается* (Александр Розенбаум); *Полученный результат его удивил и даже чуть-чуть обидел*; *Может быть, нас хоккеем чуть-чуть разочаровал* (Виталий Мутко); *Я думаю, где-то мы недоработали, где-то чуть-чуть не заслужили* (из СМИ).

Наречие *чуть-чуть* часто сочетается с частицами *даже, хоть, все же, ведь*, тоже обладающими усилительным значением. Таким образом, можно говорить о предельно высоком эмоциональном статусе его в речи: говорящий использует наречие *чуть-чуть* с частицами в том случае, если хочет выразить особое отношение к значению усиленной с его помощью крайне низкой степени интенсификации признака.

При совмещении наречия *чуть-чуть* с усилительными частицами можно говорить и о волюнтаривной функции, которую отправитель речи стремиться реализовать, добиваясь от реципиента понимания или сопереживания относительно того, что он слышит. Ср.: *Ты потерпи, осталось ведь чуть-чуть* (Роман Литвинов); *Нужно ли все брать от жизни или все же чуть-чуть надо оставить?*

Слова, образованные с помощью полной редупликации, широко используются в разговорной речи для выражения «большого объема, продолжительности или интенсивности признака» [4], который заложен в лексеме. И объем, и продолжительность, и интенсивность имеют отношение к лексическому значению слова. Однако в данном случае можно говорить и о том, что редупликация приводит к тому, что образованное с помощью повтора наречие начинает обладать более самостоятельным синтаксическим значением.

Например, при ответе на вопрос нельзя употребить наречие *чуть* в автономной позиции. Сравните: – *Тебе налить чаю?* – **Чуть*. В то время как использование наречия *чуть-чуть* в разговорной речи в качестве самостоятельного ответа на вопрос

вполне допустимо: – *Тебе налить чаю?* – *Чуть-чуть*; – *Ты сожалеешь об этом?* – *Чуть-чуть*; – *Она опоздала вчера?* – *Чуть-чуть*; – *Это для тебя сложно?* – *Чуть-чуть*.

В позиции предложения-ответа наречие *чуть-чуть* способно коррелировать с наречием *немного*: – *Тебе налить чаю?* – *Немного*; – *Ты сожалеешь об этом?* – *Немного*; – *Это для тебя сложно?* – *Немного*. Как и наречие *немного*, *чуть-чуть* сочетается с прилагательными, с которыми наречие *чуть*, как правило, не используется: *чуть-чуть грязный*, *чуть-чуть голодный*, *чуть-чуть старый*, *чуть-чуть трусливый*, *чуть-чуть громкий*, *чуть-чуть узкий*, *чуть-чуть широкий*. В составе предложения наречие *чуть-чуть*, как и наречие *немного*, может употребляться самостоятельно, без признаковой лексемы: ***Чуть-чуть не считается***; ***Еще немного, еще чуть-чуть***, ***Последний бой – он трудный самый*** (Михаил Ножкин).

Таким образом, по своим функциональным возможностям наречие *чуть-чуть* существенно отличается от мотивирующего его наречия.

Выводы. Наречие *чуть* в силу своей семантики обладает целым рядом особенностей, проявляющихся в возможности его сочетания с признаковыми лексемами. Именно валентные характеристики выделяют *чуть* из ряда других наречий со значением низкой и крайне низкой степени интенсификации признака.

Принадлежность к разговорной речи обуславливает преимущественное сочетание наречия *чуть* с качественными прилагательными, причастиями, деепричастиями, наречиями, значения которых субъект воспринимает на физическом уровне – визуально, тактильно, на слух и т.д. Другой особенностью наречия *чуть* является возможность его сочетания с качественными прилагательными, причастиями, наречиями, негативное значение которых субъект оценки стремится нивелировать.

По сравнению с *немного*, *несколько*, которые тоже сочетаются с данной группой лексем, наречие *чуть* свидетельствует о большей степени заинтересованности со стороны субъекта речи в том, чтобы скрыть заложенный в признаковых лексемах негативный оттенок. При этом с лексемами, обладающими позитивным значением, наречие *чуть*, как и наречия *едва*, *немного*, *несколько*, не сочетается.

Направленность на выражение физических параметров способствует тому, что *чуть* употребляется с качественными прилагательными и наречиями, обладающими нейтральным значением, включая контекстуальные. Если значение сочетающейся с наречием степени признаковой лексемы подразумевает физически ощутимую динамику проявления, *чуть* можно заменить наречием *едва*: *чуть/едва теплый*.

Наречие *чуть* сочетается с глаголами совершенного и несовершенного вида в том случае, если они выражают действия и состояния, которые имеют физические формы воплощения; и не употребляется с глаголами, выражающими внутреннее (чувственное, психическое) состояние.

В сочетании с частицей *не* наречие *чуть*, как и наречие *едва*, меняет ракурс восприятия ситуации с отрицательного на положительный, указывая на то, что заложенное в глагольной лексеме негативное значение не нашло проявления. В такого рода конструкциях *чуть* коррелирует с наречием *почти*: *чуть не упал = почти упал*.

Образованное с помощью полной редупликации наречие *чуть-чуть* обладает большими, по сравнению с наречием *чуть*, функциональными возможностями – не только семантическими, основанными на уменьшении интенсификации проявления признака, но и синтаксическими. В отличие от *чуть*, *чуть-чуть* может использоваться при кратком ответе на вопросы, а также в позиции, которая не предполагает наличия признаковой лексемы. В этом качестве *чуть-чуть* может коррелировать с наречием степени *немного*.

Усилительное значение наречия *чуть-чуть* в контексте предложений часто подчеркивается использованием вместе с ним частиц *даже, хоть, все же, ведь*, обладающих тем же усилительным значением, что свидетельствует об особом эмоциональном статусе его в речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян В.Ю. Семантика и ее рефлексy у наречий усилия и малой степени / В.Ю. Апресян // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 16 – 34.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов / Под ред. Г. А. Золотовой. Изд. 4. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
3. Глазунова О.И. Наречия со значением высокой, очень высокой и предельной степени интенсификации признака / О.И. Глазунова // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2024. – № 2 (40). – С. 73–93.
4. Гэ Г. Сопоставительный анализ выражений с семантическим повтором в русском и китайском языках / Г. Гэ // Российский лингвистический бюллетень [Электронный ресурс]. – 2024. – № 1 (49). – Режим доступа: <https://rulb.org/media/articles/10405.pdf> (дата обращения 01.10.2924)
5. Колесникова С.М. Синтагматические особенности наречий меры и степени и их градуальная функция в современном русском языке // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2012. – Вып. 3. – С. 14–19.
6. Кржижкова Е. Количественная детерминация прилагательных в русском языке / Е. Кржижкова // Синтаксис и норма. – М.: Наука, 1974. – С. 122–144.
7. Кузьмина О.В. Функционально-семантический подход к описанию средств выражения интенсивности в современном немецком языке / О.В. Кузьмина, Ю.Е. Ломоносова, Т.Е. Соболева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2024. – Вып. 3 (233). – С. 47–55.
8. Русская грамматика. В 2-х тт / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
9. Сичинава Д.В. Наречия [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://rusgram.ru/pdf/sichinava-2018-adverbs.pdf> (дата обращения 01.10.2924)
10. Субич В. Г. Кванторы и кванторные слова как средства выражения семантики (на примере английского, русского и японского языков) // Казанская наука. – 2012. – №2. – С. 184–187.
11. Шахматов А.А. Из трудов А.А.Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). – М.: Учпедгиз, 1952. – 271 с.
12. Iordanskaja L. The meaning and occurrence of Russian *nemnogo* ‘a little’ / L. Iordanskaja, I. Mel’čuk // Сокровенные смыслы. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 112–127.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А.Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 4. – М.: Астрель-АСТ, 2004. – 860 с.

REFERENCES

1. Apresyan V.Yu. (1997) Semantika i ee refleksy u narechij usiliya i maloj stepeni [Semantics and its reflexes in adverbs of high and low degree] in Voprosy yazykoznanija [Questions of linguistics], 5, pp. 16–34. (In Russian)
2. Vinogradov V.V. (2001) Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical teaching about the word)] (720 p.). 4th ed. Moscow: Russkij yazyk. (In Russian)
3. Glazunova O.I. (2024) Narechiya so znacheniem vysokoj, ochen' vysokoj i predel'noj stepeni intensifikacii priznaka [Adverbs with the meaning of a high, very high and extreme degree of feature intensification] in Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language], 2 (40), 73–93. (In Russian)
4. Ge` G. Sopostavitel'ny`j analiz vy`razhenij s semanticheskim povtorom v russkom i kitajskom yazy`kax [Comparative analysis of expressions with semantic repetition in Russian and Chinese] in Rossijskij lingvisticheskij byulleten` [Russian Linguistic Bulletin], 2024, № 1(49). URL: <https://rulb.org/media/articles/10405.pdf> (In Russian)
5. Kolesnikova S.M. (2012) Sintagmaticheskie osobennosti narechij mery i stepeni i ih gradual'naya funkciya v sovremennom russkom yazyke [Syntagmatic features of adverbs of measure and degree and their

gradual function in modern Russian] // Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya» [Bulletin of the Moscow State Regional University. The series "Russian Philology"], Vol. 3, pp. 14–19. (In Russian)

6. Krzhizhkova E. (1974) Kolichestvennaya determinaciya prilagatel'nyh v russkom yazyke [Quantitative determination of adjectives in the Russian language] in Sintaksis i norma [Syntax and Norm], pp. 122–144. Moscow: Nauka. (In Russian)

7. Kuz'mina O.V., Lomonosova Yu.E., Soboleva T.E. (2024) Funkcional'no-semanticheskij podhod k opisaniyu sredstv vyrazheniya intensivnosti v sovremennom nemeckom yazyke [A functional-semantic approach to the description of the means of expressing intensity in modern German] in Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 3 (233), pp. 47–55. (In Russian)

8. Russkaya grammatika [Russian Grammar] (1980). In 2 vol. by N.Yu. Shvedova. Vol. 1. (783 p.). Moscow: Nauka. (In Russian)

9. Sichinava D.V. (2011) Narechiya [Adverbs]. URL: <http://rusgram.ru/pdf/sichinava-2018-adverbs.pdf> (In Russian)

10. Subich V.G. (2012) Kvantory i kvantornye slova kak sredstva vyrazheniya semantiki (na primere anglijskogo, russkogo i yaponskogo yazykov) [Quantifiers and quantifier words as means of expressing semantics (using the example of English, Russian and Japanese)] // Kazanskaya nauka [Kazan Science], № 2, pp. 184–187. (In Russian)

11. Shahmatov A.A. (1952) Iz trudov A.A. SHahmatova po sovremennomu russkomu yazyku (Uchenie o chastyah rechi) [From the works of A.A. Shakhmatov on the modern Russian language (The Doctrine of parts of speech)] (271 p.). Moscow: Uchpedgiz. (In Russian)

12. Iordanskaja L., Mel'čuk I. (2004) The meaning and occurrence of Russian *nemnogo* 'a little' in Sokrovennye smysly. Tekst. Kul'tura: Sb. statej v chest' N.D. Arutyunovoj [The innermost meanings. Text. Culture: Collection of articles in honor of N.D. Arutyunova] (pp. 112 – 127). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In English).

Поступила в редакцию 15.09.2024 г.

ON THE RUSSIAN ADVERB *CHUT'* WITH THE MEANING OF EXTREMELY LOW DEGREE OF INTENSIFICATION

O. I. Glazunova

The article discusses combinability peculiarities of the adverb *CHUT'* in the meaning of an extremely low degree of intensification. The focus is made on its combinability with qualitative adjectives, participles, adverbs, the meanings of which are perceived at the physical level, i.e. visually, tactilely, audibly, etc.; as well as with qualitative adjectives and adverbs with a neutral meaning, including the contextual ones; and with qualitative adjectives, participles, adverbs, the negative meaning of which, from the point of view of the subject of evaluation, does not affect their neutral perception. The difference between the valency characteristics of the adverb *CHUT'* and the valency characteristics of other adverbs with the same meaning is accounted for by their semantics, etymology, as well as by many other factors in the native speakers' minds. The adverbs, subjected to the analysis were selected from lexicographic and textual sources. The relevance of the study is determined by the fact that adverbs of a low degree of feature intensification represent a poorly developed area in Russian grammar. In the course of the research, a set of theoretical and empirical methods have been applied in the work, among them are linguistic analysis, lexico-semantic analysis, contextual analysis.

Keywords: Russian grammar, adverbs of degree, low degree of intensification, valency of adverbs of degree.

Глазунова Ольга Игоревна.

Кандидат филологических наук.

Санкт-Петербургский государственный университет.

Доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания.

ORCID 0000-0003-2369-2065.

E-mail: o.i.glazunova@mail.ru.

Glazunova Olga Igorevna.

Candidate of Philology.

St. Petersburg State University.

Associate Professor at Department of Russian as a Foreign Language and Methods of its Teaching.

ORCID 0000-0003-2369-2065.

E-mail: o.i.glazunova@mail.ru.

Научная статья
УДК 821.161.1+821.111
DOI: 10.5281/zenodo.14278609

ОБРАЗ ВРАГА В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ О КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

© 2024 *Е.А. Митина*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Добролюбова»

ORCID: 0009-0005-4175-4145.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена изучению образа врага в русских и английских поэтических текстах, посвященных событиям Крымской войны, в сопоставительном аспекте. В качестве материала исследования избрана военно-патриотическая массовая поэзия, опубликованная в период Крымской кампании (стихотворения Э. Джонса, М. Таппера, Г. Стоукса, А. Мика, Дж. Масси и др. с английской стороны и тексты из сборников П. Татаринова, М. Владимирова, А. Кононова, Г. Федорова и др. – с русской). Выявлено, что образ врага в поэзии, в первую очередь, определялся характером войны для России и Англии соответственно. И русская, и английская военно-патриотическая поэзия была нацелена на поддержание боевого духа армии и народа, прославление родины, воинов и оружия. Тексты объединяет уверенность в победе и идея превосходства над врагами. Определено, что в русских стихотворениях враги наделяются эпитетами с негативной коннотацией. В английских же стихотворениях образ врага (России) предстает в устрашающем зверином облике, численном превосходстве. Уточнено, что вражеская Россия ассоциируется в английской поэзии данного периода с тиранией и варварством Николая I.

Ключевые слова: Крымская война 1853–1856 гг., образ врага, массовая поэзия, английская поэзия, русская поэзия, военно-патриотическая лирика, Э. Джонс, М. Таппер, Г. Стоукс, А. Мик, Дж. Масси, П. Татаринов, М. Владимиров, А. Кононов, Г. Федоров.

Для цитирования: Митина Е.А. Образ врага в английской и русской поэзии о Крымской войне / Е.А. Митина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 60–72. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14278609>.

Образ врага в литературе — это оценочная характеристика врага, сформированная в общественном сознании и воплощенная в художественном тексте. Этот образ представляет собой один из аспектов проблемы «свой-чужой», которая особенно обостряется в ситуации войны. Война зеркально отображает большинство сторон жизни нации и государства, отдельных социальных, этнических, конфессиональных групп, личностей. Все освоенное воспринимается как «свое», а неосвоенное – как «чужое». Необходимость изучения войны именно как феномена культуры становится очевидной лишь в XXI веке, современная британская исследовательница С. Дерели ввела понятие «культура войны» в научный обиход современного литературоведения [9, с. 23]. История народа часто рассматривается через призму его военных конфликтов. Войны, в свою очередь, символизируют соревнование между нациями [11, с. 118].

Поэтому образ врага играет важную роль в формировании национальной идентичности, наряду с понятиями «родной земли», «золотого века», «героев» и другими [13, с. 318].

В русском фольклоре и древнерусской литературе враг обычно описывается как сильный, многочисленный, жестокий и коварный, зачастую глупый и некрасивый. В английской культурной традиции концепция «свои» включает в себя сложную сеть связей, которые основаны на кровных узах и общих верованиях. Она находит отражение в литературе в образах народного героя, монарха, воина и др. Рецепция врага характеризуется сильными эмоциями, особенно сильным страхом перед враждебностью внешнего мира. Можно сказать, что Враг – это воплощение страха [7, с. 43]. Проблема восприятия врага в художественных текстах о войне становится наиболее актуальной. В образе преобладают «эмоционально-субъективного начала в оценках противника: те его качества, которые у своих оцениваются как исключительно позитивные, применительно к врагу рассматриваются, как правило, в негативном ключе» [5, с. 252].

Конфликт 1853–1856 годов, известный как Крымская война, на самом деле является лишь одной из страниц обширного противостояния. В этом масштабном противоборстве Россия воевала с коалицией стран (Великобритания, Франция, Османская империя, Сардинское королевство). Военные действия охватили пространство от берегов Балтики до вод Тихого океана. По мнению историков, это противостояние можно считать войной за мировое влияние, что делает Крымскую войну одним из первых примеров глобального конфликта.

Несколько раз Англия оказывалась в конфронтации с Россией (1714 г., 1720 г., 1791 г.), пока, наконец, не стала союзницей в борьбе против Наполеона. В 1812 г. в интересах Британии было поддержать Россию в борьбе с захватчиком, грозившим установить всеобщую тиранию – гораздо менее желательную, чем предполагаемое русское варварство.

Неожиданный исход наполеоновских войн инициировал совершенно новую фазу в развитии англо-русских (и вообще – международных) отношений. Ошелмляющий разгром Наполеона в России породил волну благоговейного страха по Европе. Русофобия стала краеугольным камнем расстановки сил в мире: русский царь стал с этого времени врагом, которого надо было бояться, но одновременно и союзником, которого надо было ценить. Поэты и писатели (как в России, так и в Англии), стремясь понять и осмыслить события Крымской войны, активно включились в процесс создания текстов.

Проблема военной поэзии, как английской, так и русской, неоднократно становилась предметом исследования отечественных и зарубежных критиков. Большое количество трудов посвящено изучению литературы эпохи войн с Наполеоном, а также I и II мировых войн⁴. В то же время литературное наследие, связанное с Крымской войной 1853–1856 годов, представляет собой уникальный культурный слой для всех участвовавших в ней

⁴ См. Campbell M. *Poetry and War // A Companion to Twentieth-Century Poetry* / Ed. by N. Roberts. – Oxford: Blackwell, 2003. – P. 62–71; Fussell P. *The Great War and Modern Memory* / P. Fussell. – Oxford : Oxford University Press, 1975. – 378 p.; *Poetry of the First World War: A Casebook* / Ed. by D. Hibbert. – L. : Macmillan, 1981. – 152 p.; Stryer S. *British Poetry of the Revolutionary and Napoleonic Wars: Vision of Conflict* / S. Stryer // *Essays in Criticism*. – 2005. – № 55. – P. 178–184; Герасимова И.Ф. Художественно-философское осмысление Первой мировой войны в русской поэзии 1914–1918 гг. в историко-культурном контексте эпохи: монография / И.Ф. Герасимова. – Рязань : РИД, 2013. – 352 с.; Даренский В.Ю. Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Великой Отечественной войне / В.Ю. Даренский // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология*. – 2014. – №1 (15) – С. 90–110; Герасимова И.Ф. Человек и время: поэзия К.М. Симонова периода Великой отечественной войны в контексте литературной эпохи : Дисс. к. филол. н. – Москва, 2008. – 189 с.; Халиулин К.Р. Война и русская поэзия первой половины XIX века: Официальная идеология и поэтические концепты. – Дисс. к. филол. н. – Санкт-Петербург, 2022. – 372 с.

стран. На сегодняшний день количество исследований, посвященных текстам, созданным в эпоху Крымской войны, остается ограниченным. Особенно стоит отметить диссертацию Н.А. Ищенко «Мифотворчество в военном дискурсе: национальный миф о Крымской войне 1853–1856 годов в литературе Великобритании второй половины XIX века» (2008), статьи О.Г. Сидоровой «Изображение Крымской войны в английской литературе» (2014), С.В. Шешуновой «Британцы и русские как враги по крымской войне» (2016), S. Markovits «The Crimean War in the British Imagination» (2009) и др., а также кандидатские диссертации Г.В. Федяновой «Крымская война в русской поэзии 1850-х годов» (2008), М.В. Патрикеевой «Крымская война 1853–1856 гг. в литературной памяти современников» (2022) и др. [2, с. 105]. В настоящем исследовании анализируются тексты массовой военно-патриотической поэзии, вышедшие в период Крымской войны.

В Англии Крымская война пробудила неустанное любопытство к врагу и желание узнать подробности русской жизни и нравов. Гилберт Фелпс, один из исследователей русской темы в литературе Великобритании, назвал это явление «русской лихорадкой» и даже рассматривал его как одно из проявлений «военной истерии»: всякий раз, когда страх русского нашествия нагнетался в очередной раз, она давала о себе знать [10, с. 12]. Во время Крымской войны ведущие британские издания активно информировали общественность о военных действиях, формируя у читателей всестороннее представление о России как о противнике. Эта задача была сложной: до начала конфликта Великобритания и Россия поддерживали крепкие торговые связи и были союзниками в борьбе против Наполеона. В связи с этим британскому обществу предстояло медленно, но верно изменить свое восприятие Российской империи. С. Дерели констатирует факт, что новое понимание «друзей» и «врагов» Британии закреплялось в газетах путем многократных повторений. В «ILN» от 11 февраля редакционная статья была названа «Война против варваров», а в «Панче» публикуются стихотворения и карикатуры, изображающие царя в крайне смехотворном виде (например, стихотворение «Very Ridiculous») [12, с. 128]. Журнал «Fraser's Magazine for Town and Country» активно формировал образ противника, публикуя материалы о политических и военных событиях. Комментарии, приложенные к аналитическим данным о русских гарнизонах, напоминали английским читателям широко распространенные стереотипы и в целом не отличались от уже существующего в английской литературе восприятия России: Петр Великий восхитителен, но дом Романовых поражен проклятием безумия, и история заклеит самого ханжеского из всех вандалов – Николая I [1, с. 117].

По утверждению исследователя О. Файджеса, Крымская война в Великобритании вызывает ассоциации с крестовым походом Запада против «жандарма» Европы [8, с. 218]. Это нашло отражение в медийной риторике и общественном мнении. Кампания по русофобии в печати создала атмосферу готовности противостоять вымышленной русской угрозе. Англия видела в этой войне не только защиту своих территорий, но и борьбу за сохранение своих сфер влияния. Существовало опасение, что в случае победы России ее влияние будет простираться от Балкан до Персидского залива, что непосредственно угрожало интересам Великобритании. Россия воспринималась как главный геополитический противник, с которым Англия вела свою собственную «Большую игру», стремясь сохранить позиции и обеспечить безопасность своих интересов в регионе. Примечательно, что значительная часть британского общества не понимала смысла и целей Крымской войны. О. Файджес оценивает Крымскую войну как бессмысленную. При этом массовая публикация стихотворений в журналах и газетах, существование песенников и листовок с балладами подтверждали широкий интерес общества к войне. Хотя С. Карри утверждает, что в эпоху Крымской войны в Великобритании не было создано ценных литературных текстов, тем не менее большинство печатных изданий было заполнено стихами на военную тему.

Есть большая разница в восприятии Крымской войны в Англии и России. Для России Крымская война была оборонительной. Поэтому в России основой возникновения поэтических мотивов стал в первую очередь патриотический подъем в обществе. Особое значение приобретают мотивы защиты Отечества, православия. В России большинство воспринимало эту войну как защиту девиза «За веру, за царя, за Отечество!». В русской поэзии о Крымской войне ощутим особый духовный подъем, она эмоционально наполнена, исследователи выделяют такие характерные образы, как «образ Родины-матери, Креста как символа Православной веры, отважного русского воина» и др. [4, с. 198]

В войнах с Наполеоном, турками русские и британцы были союзниками, поэтому в то время восприятие русских как воинов отличалось от рецепции в Крымскую кампанию: теперь вновь будут активизироваться негативные русские стереотипы. Сформировавшийся к середине XIX века образ России с ее снегами, волками, медведями, кнутами и пьянством, отдаленность и экзотическая «восточность» Крымского полуострова, загадочность и непостижимость «образованных варваров», образ мирового врага Николая I – все это, в сочетании с языком и образами войны, созданными британскими СМИ, стало плодородной почвой для формирования в английской литературе и культуре целой «мифологии Крымской войны».

Примечательно, что в таких известных произведениях, как «Мастер Джорджи» Б. Бейнбридж и «Атака Легкой кавалерии» А. Теннисона, практически отсутствует изображение врага, русские лишь упоминаются. Как объясняет О.Г. Сидорова, англичане считали русских слабыми противниками. Образ врага мог затемнить, помешать изображению образа воина-героя, которому подвластны любые враги и испытания [6, с. 110]. Очевидно, что авторов скорее интересует образ англичанина – представителя викторианского общества в период исторических катаклизмов.

В английской поэзии в большинстве текстов Крымская война осмысливается как борьба против тирании за свободу и независимость. В стихотворении поэта Мартина Таппера (Martin Farquhar Tupper) «Проклятия царю» («Woes for the Czar») лирический герой видит главную цель войны – освободить русский народ от крепостного права. Николай I предстает «величайшим преступником», с которым ведут борьбу Англия и Франция:

*Guilty despot, God-forsaken
And by Judgement overtaken
(Woe, woe to thee, –)
Hypocrite, that didst dissemble,
Now in abject terror tremble,
Woe, woe to thee!* [23, с. 154]

*Грешный деспот, забытый Богом,
Настигнутый по приговору Суда,
(Горе, горе тебе, –)
Лицемер, ты притворялся,
Теперь же трепещи от ужаса,
Горе, горе тебе!⁵*

В тексте стихотворения Царь неоднократно предстает в образе Медведя, на которого охотятся турки:

⁵ Перевод здесь и далее мой – Е.М.

*Bear! ...Even Turkey's angry legions
Hunt thee up to thine own regions... [23, с. 155]*

*Медведь! ...Даже разъяренные турецкие легионы
Охотятся за тобой на твоей же земле...*

В тексте Мартина Таппера звучат угрозы разорвать тушу медведя. Франция, преследующая Медведя по пятам, изображается с «тигриной яростью» («*France with tiger-fury*»), в то время как «львиная мощь» Англии («*England's lion might*») окружает зверя. Лирический герой убежден в скором падении Кронштадта и Севастополя («*Cronstadt shall be crush' d and batter' d // As Sebastopol is shatter 'd*»). Главной целью войны Таппер с называет освобождение всех русских крепостных, поэтому ради этой «благой миссии» против врага восстанут и Польша, и финны, и татары:

*We will raise the ghost of Poland,
<...>
We will arm the Fins and Tartars,
And Siberia's million martyrs... [23, с. 156]*

*Мы поднимем дух Польши,
<...>
Мы вооружим финнов и татар,
а также миллионы сибирских мучеников.*

Во время Крымской войны в Англии образ России ассоциировался с Николаем I как с варварским правителем, угрожающим европейской культуре. Исследователи М.Ю. Некрасова и О.В. Барская отмечают, что в британском восприятии России произошел переход от абстрактного представления о «другой» территории к «чужой» варварской культуре, которую возглавил «враг», бросивший вызов всему цивилизованному миру [3, с.292]. Поэтому и в прессе образ России связывался с враждебным образом царя – конкретной личности, к которой легче разжечь враждебные чувства (например, цитата из журнала «Панч» за 1854 год: «*Russia and Nicholas are now drinking deep that cup of humiliation, which the latter has mingled for both*» [12, p.218] «Сегодня Россия и Николай I пьют до дна ту чашу унижения, которую царь приготовил для обоих». Ссылка на Библию должна была подчеркнуть несправедливость притязаний Николая I и утвердить справедливость миссии Британии вести войну на чужой территории с целью наказать диктатора и его страну.)

Извечная тема русского варварства и деспотизма, отсталости и аморальности была возвращена на незнании и нежелании знать о реальном положении вещей в стране с известным английским снобизмом. Так, в стихотворении М. Таппера «Причина» («*Cause*») эта тема доводится до крайности: сошедший с ума царь Николай I намерен править миром во главе «его варварских орд» (*his barbarian hordes*) [23, p.161].

Стихотворение Э. Джонса (Ernest Jones) «Мольба русского крепостного к царю» («*Cry of the Russian Serf to the Czar*») также посвящено теме угнетения крепостных в Российской империи. Тема Крымской войны становится фоном для развития этой темы. Лирический герой, крепостной, смело обращается к царю, требуя равенства и справедливости. Стихотворение представляет собой призыв восстать против своих угнетателей:

*No! no! — we cry, united by our sufferings' mighty length,—
Ye — ye have ruled for ages—now we will rule as well;
No! No! — we cry, triumphant in our right's resistless
strength,*

We — we will share your heaven—or ye shall share our hell! [19, p.52]
Нет! нет! — кричим мы, сплоченные вековым страданием,—
Вы правили веками — теперь будем править и мы;
Нет! Нет! — кричим мы, торжествуя в непоколебимой силе
нашего права,
Мы— мы разделим ваш рай — или вы разделите наш
ад!

Обращаясь к ситуации в русской поэзии, важно отметить, что во время конфликта в Крыму Россия столкнулась с объединенными силами противника, что сделало образ врага довольно многообразным. (Османская империя была религиозным противником, Франция же – хорошо знакомым противником по войне 1812 года). В то же время Англия была противником новым. В настоящей статье анализируется массовая военно-патриотическая поэзия, которая выходила в поэтических сборниках в 1854 г. во время Крымской войны. Это стихотворения из сборника П. Татаринова «Бог, Вера и Царь, или Герои нынешней войны», тексты из «Альбома патриотических стихотворений» М. Владимирова, сборника «Современные стихотворения» А. Кононова, сборника «Русский солдат» Г. Федорова.

Многие русские стихотворения в адрес врага изображают непонимание и недоумение, зачем он пришел на русскую землю. Так, в стихотворении П.П. Татаринова «Правда русского человека» выражается недовольство из-за того, что Англия и Франция, непрошенные враги, проявили неблагодарность к России и вступили в конфликт на стороне мусульман:

Англичанинъ и Французъ
На себя взвалили грузъ
Турокъ защищать,
Ихъ же обирать.
 <...>
Нашу хлеб вы, соль едали,
Нас порядком обирали:
Кто вас в голоде спасал,
Пенькой, салом наделял? [17, с. 8–9]
 <...>
А какое ваше право
Турок защищать,
Крест позабывать? [17, с. 12]

Лирический герой указывает, что англичане впутались «не в свое дело», причем коннотационный посыл образа врага англичанина или француза более смягченный, нежели в отношении турка:

Потеряли ум вы здравый!
Соблазнил, знать, вас лукавый!
Так и эти басурманы,
Хоть сказать и Англичаны,
Ну, зачем они идут?
Что у нас они найдут? [17, с. 9]
 <...>
Также скажем о Французе,
Что с Британцами в союзе,
Зачем он сюда катит?

Аль давно у нас не бит? [17, с. 10]

Крымская война в России осмысливалась как священная, направленная на защиту веры. Русские историки утверждают, что страна отстаивала православные ценности и свою честь, защищая права и духовные убеждения православных на Балканах, в районе Черного моря, на Ближнем Востоке, на Дальнем Востоке и на Кавказе. Несмотря на многочисленные ошибки в командовании и устаревшее вооружение, русские воины одерживали победы. Поэтому будут так сильны христианские мотивы в русской поэзии о Крымской войне.

*Им досадно, видишь, стало,
Что спасаем Христиан,
Но когда же то бывало,
Чтоб мы шли за Мусульман? [16, с. 10]*

Чужая вера становится важной характеристикой образа врага. Этот образ окружен, как правило, эмоционально-окрашенной лексикой с негативной коннотацией: врагов именуют «супостатами», «басурманами» и т.п. В стихотворении М. Владимирова «Народный разговор» русские православные воины противопоставляются «грешному» врагу:

*В Русь-то, может быть, и придут,
А назад едва ль уйти?
Давно вырыта могила
Православными людьми.
В ней вся вражеская сила
Ляжет грешными костями. [15, с. 31]*

В стихотворении «Ответ солдата» одним из главных грехов «крамольного врага» называется «любостяжанье» (корыстолюбие, алчность). Примечательно, что крамола – это мятеж, заговор, соответственно, *крамольный* – незаконный, запрещенный, с лукавым замыслом. Нападение англичан воспринимается как агрессивное нашествие на Православие.

*Солдат! Ты слышал ли, взбирается невзгода
На Русь родимую и Батюшку-Царя,
На Храмы Божии и Святость алтаря
На Православие и счастье народов?
Крамольные враги, в грехе любостяжанья,
Забывши Бога, честь, злодейства мусульман,
На небывалое решились восстанье –
На гнусную войну противу Христиан! [15, с. 11]*

Идея превосходства над врагом объединяет русские и английские поэтические тексты, однако в русской поэзии противопоставляется врагу не количество воинов (как считают сами враги), а «сила упования»: традиционно отмечается, что Россия находится под небесным покровительством, и её вера служит ей защитой. Изображение негативных качеств врагов способствует передаче идеи духовного возвышения русского народа над противником.

*– Ну что ж? Пускай идут – коварные и злые!
Их тройственный союз ничуть не страшен нам:
Тверда, могуча Русь...
Мы сильны не числом, а силой упования
Что с нами правды Бог – так где ж им устоять?! [15, с. 11]*

Как отмечает Н.А. Ищенко, представление о превосходстве британской нации над «варварами из России» строилось на основе гордыни и снобизма, а также на

доминировании силы. Это во многом подкреплялось распространенными в литературе стереотипами. На протяжении трех столетий Россия изображалась как страна невежества, жутких нравов, дикарей, покрытая сплошь снегом. Даже победа над Наполеоном в 1812 году не смогла изменить этот стереотипный образ. Более того, несмотря на то, что Англия и Россия были союзниками в той войне, включение последней в число ведущих держав привело к ужасу Англии, и образ России в общественном сознании и художественной литературе претерпел значительные изменения: из однозначно негативного и понятного он стал амбивалентным и двусмысленным. К уже существующим характеристикам добавились агрессивные амбиции и угроза захвата колоний Великобритании. «К середине XIX века британская литература сделала все возможное, чтобы Россия в сознании британца, воспитанного на этих произведениях, автоматически ассоциировалась с мифической «зоной хаоса», представляющей опасность и враждебность» [1, с. 148].

Текст А. Мика (Alexander Meek) «Балаклава» восхваляет английских воинов. Русские предстают «огромными колоннами» («*huge Russian columns*»), французы и англичане названы «доблестными союзниками» («*On the French and English ranks // On the gallant allied ranks*»). Враг изображен в животном облике и вызывает утрашение – сравнивается, например, с орлами и гончими:

*Far away the **Russian Eagles**
Soar o' er smoking hill and dell,
And their hordes, like **howling beagles**,
Dense and countless round them yell!* [21, с. 89]
Вдали русские орлы
Парят над дымящимися холмами и лощинами,
И их полчища, похожие на **воющих гончих**,
Темные и бесчисленные, воят вокруг них!

В то же время Англия предстает, в соответствии с традицией, в образе гордого непокоренного Льва:

*And, beside them, lo! the Lion, –
England's proud **unconquered Lion!**
With her trophied Cross, is flying.
Glorious standards!* [21, с. 92]
А рядом с ними, о чудо! развевается **Лев**, –
гордый, **непобедимый лев Англии!**
Со своим трофейным крестом.
Славные знамена!

Патриотические иллюстрации в прессе бесчисленное количество раз изображали английского льва, противостоящего русскому медведю. На одной из них «Правда против Неправды» негодующая Британия, стоя рядом со львом, грозила обнаженным мечом русскому медведю [12, с. 67].

В русской поэзии довольно часто враг изображается не грозным, а скорее смешным. В текстах звучит вера в силу русского воинства и в скорую победу:

*Эх, смотрите, не шутите,
Хорошенько рассудите,
Русь сильна, ей-ей,
Берегись, злодей!* [17, с. 12]

Довольно частой была ироническая характеристика врага – гостя, которого русский народ готов «щедро отпотчевать»:

И гостей дорогих

*Мы отпотчует их
И штыком, и пинком,
И родным кулаком [18, с. 9]*

Как отмечает М.В. Патрикеева, в России традиция радушия и уважения к гостям, которым оказывается вся необходимая помощь, существует с давних времен. Поэтому аналогия между врагами и гостями отражает глубину и широту души русского человека, готового принять любого путника как гостя, и одновременно подчеркивает низость врага, отвергающего такое гостеприимство и ведущего военные действия против русского народа [4, с. 162]. Так, в стихотворении А. Кононова читаем:

*Пусть Французы, Англичане
Едут с флотом к нам своим,
Мы уверены заранее,
Что их лихо угостим.
Хлебосольна Русь издавна,
И весь мир о том узнал,
Что мы всех встречаем славно,
Угощаем наповал. [16, с. 3]*

Подобный мотив битвы – пира видим и в английской поэзии. Однако если в русских текстах встреча врага изображается через обряд гостеприимства в ироническом ключе, то в английских сама война патетично описывается как торжественное действие. Например, Дж. Масси (Gerald Massey) вслед за Г. Стоуксом активно поддерживал войну с Россией. Его стихотворение «Балаклава» пронизано призывом к «Богу сражений»:

*We weep not for the Heroes whom we never more shall see,
We weep we were not with them in their ruddy revelry!
God of Battles! but't were glorious to have mounted Victory's Car,
When the Chivalry of Europe smote the squadrons of the Czar! [20, с. 23]*
*Мы не оплакиваем Героев, которых мы больше никогда не увидим,
Мы рыдаем, что нас не было с ними рядом в их кровавом веселье!
Бог сражений, но мы были славны тем, что восседали на Колеснице Победы,
Когда рыцарство Европы разбило царские эскадроны!*

В стихотворении «Свадебный венок освобождения» («Liberty's Bridal Wreath») Масси воспел войну в образе кровавого свадебного пира. Целью войны автором снова утверждается Свобода, к которой вместе идут Англия и Франция:

*O! the Lilies of France and Old England's Red Rose
Are twined in a Coronal now.
And at War's bloody bridal it glitters and glows
On Liberty's beautiful brow [20, с. 24]*
*О, французские лилии и Красная роза Старой Англии
Теперь вы сплетены в Венец.
И на кровавой свадьбе войны он сверкает и сияет
На прекрасном челе Свободы.*

Чувства к врагу при этом окрашены ненавистью и жадной мщеньем.

Этот образ войны – свадебного пира детализируется в стихотворении «Боевой марш» («The Battle March»). Врагу противопоставлена «Старая добрая Англия», которая идет на битву в образе невесты:

*To battle goes our England,
All as gallant and as gay
As Lover to the Altar on*

*A merry marriage day [20, с. 24]
 На битву идет наша Англия,
 Все галантные и веселые,
 Как влюбленные у алтаря в
 Веселый день бракосочетания.*

Поэзии Крымской войны свойственны отсылки к прошлому. В английской поэзии сражения Крымской войны часто изображаются превосходящими битвы при Фермопилах, Азинкуре и Ватерлоо. Многие английские поэты эпохи Крымской войны обращаются к традициям славного прошлого Англии. Они ее используют не только для объяснения или оправдания участия страны в войне, но и как утешение. А. Мик в стихотворении «Балаклава» называет Балаклавское сражение «новыми Фермопилами» («*new Thermopylae*»). Г. Стоукс (Henry Sewell Stokes) в своей «Балаклаве» воспеваает атаку Легкой кавалерии, ее «*несравненную красоту*» («*peerless beauty*») и сравнивает сражение уже не с Фермопилами, а погружает читателя в эпоху правления Ричарда Львиное Сердце.

*BALACLAVA! Let the name
 Sound through all the lists of Fame,
 Let it on the banner flame,
 And on story's pages;
 Talk no more of old Romance...
 <...>
 Tell not of Thermopylae,
 Of the World's great infancy... [22, с. 45]*

*БАЛАКЛАВА! Пусть это имя
 Звучит во всех списках Славы,
 Пусть оно горит на знамени,
 И на страницах рассказов;
 Не будем больше говорить о старых романах...
 <...>
 Не рассказывай о Фермопилах,
 О великом детстве мира...*

Как утверждает Н.А. Ищенко, автор использует «английскую аристократическую метафору войны как спорта, передавая ее фразой: «*менее значительными кажутся все другие игры*» («*teener seems all other games*») [1, с. 283]. П. Уаддингтон назвал эту черту «ужасным джентльменским патриотизмом имперской Англии» (*horrid gentlemanly patriotism of Imperial England*) [14, с. 45]. О враге у Стоукса сказано, что «ощетинившихся русских» в десять тысяч человек, тем не менее они отступают.

В то же время в русской поэзии Крымской войны отсылки к прошлому нужны не только для иллюстрации храбрости и непобедимости русских воинов, но и как напоминание врагу о многочисленных победах русского народа и намек на их скорое неизбежное поражение. Так, в стихотворении А. Кононова есть отсылки к Синопскому сражению, упоминается Полтавская битва, сражение при Рымнике, штурм Туртукая, затем Отечественная война 1812 года. Звучит и укор французам за новое нападение на Россию, хотя они хорошо должны помнить опыт Наполеона I и его армии. Лирический герой недоумевает: «Ужели у врага так память коротка?» Он призывает «монсье» рассказать «сэрам» (Англии), «каков русский штык на вкус».

*Вам русский штык знаком давно,
 И силу вы его видали.
 Но в Альбионе, знать, его
 Еще чудес не испытали [16, с. 6].*

Как справедливо отмечает М.В. Патрикеева, в русской поэзии Крымской войны нет выраженного сочувствия к врагам: за жизнь Святой Руси солдат будет бороться, не раздумывая о жизни конкретного человека [4, с.166]. Так, например, в стихотворении Г. Федорова «Русский солдат» представлены достаточно детальные, натуралистические описания убийства противника:

*Метил я так и сяк,
А убил наверняка,
Как стрелок, подглядевший дичину.*

*...
Одного застрелил,
А другому впустил
Спицу в бок от булата лихого.
Вот как двух я свалил
И на них наступил,
Из руки не спуская булата [18, с. 5].*

В английской же поэзии неоднократно звучит мотив жестокости по отношению к врагу, клятвы мщения и расправы.

Примечательно, что христианское отношение к врагу можно увидеть в русских прозаических текстах (например, в текстах Л.Н. Толстого, И.С. Шмелева и др.) В английской прозе есть стремление к дегероизации войны. Обе стороны («свои» солдаты и враги) предстают уравненными перед ужасом войны, в животном страхе перед смертью (например, в «Мастере Джорджи» Б. Бейнбридж).

Таким образом, рецепция образа врага в английской и русской поэзии о Крымской войне определялась характером войны для каждой из наций, а также культурными традициями. Для Англии это была (в соответствии с устоявшимися негативными стереотипами) борьба против «тирании» Николая I, смысл и цели военного конфликта слабо осознавались как простым солдатом, так и поэтом. Образ врага (России) предстает в устрашающем зверином облике (орел, гончие, ошетилившийся зверь, медведь и т.д.), он обладает численным превосходством. Для России это была война оборонительного характера «за веру, Царя и Отечество» с целым альянсом врагов. И русская, и английская военно-патриотическая массовая поэзия была нацелена на поддержание боевого духа армии и народа, прославление родины, воинов и оружия, в то же время патриотические настроения гораздо сильнее отражены в русских текстах. Крымская война в России осмысливалась как священная, направленная на защиту веры. В русских стихотворениях враги наделяются эпитетами с негативной коннотацией: *неблагодарные, непрошеные, неправославные, крамольные, коварные, злые* и т.д. Зачастую враг изображается не грозным, а смешным. Тексты объединяет уверенность в победе и идея превосходства над врагами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ищенко Н.А. Мифотворчество в военном дискурсе: национальный миф о Крымской войне 1853-1856 годов в литературе Великобритании второй половины XIX века : дис. ... д-ра филол. наук. – Симферополь, 2007. – 426 с.
2. Митина Е.А. Тема Крымской войны в английской поэзии (исследования и научные перспективы) / Е.А. Митина // Эпистола. – 2023. – Т.3. Вып. 6. – С. 105–112.
3. Некрасова М.Ю. Репрезентация образа противника в британском газетном дискурсе Крымской войны [Электронный ресурс] / М.Ю. Некрасова, О.В. Барская // МНКО. – 2023. – №1 (98). – С. 292–295. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-obraza-protivnika-v-britanskom-gazetnom-diskurse-krymskoy-voyny> (дата обращения: 04.07.2024).

4. Патрикеева М.В. Крымская война 1853–1856 гг. в литературной памяти современников: дисс. ... канд. филол. наук / М.В. Патрикеева. – М., 2022. – 235 с.
5. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сенявская. – М., 1999. – 383 с.
6. Сидорова О.Г. Изображение Крымской войны в английской литературе / О.Г. Сидорова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3(130). – С. 106–113.
7. Томберг О.В. Враг и вражда в ценностном пространстве древнеанглийской литературы [Электронный ресурс] / О.В. Томберг // Филологический класс. – 2018. – №4 (54). – С. 41–48. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vrag-i-vrazhda-v-tsennostnom-prostranstve-drevneangliyskoj-literatury> (дата обращения: 19.07.2024).
8. Файджес О. Крым. Последний Крестовый поход / О. Файджес. – М.: Rosebud publishing, 2021. – 702 с.
9. Dereli C. A War Culture in Action. A study of the literature of the Crimean War period / C. Dereli. – Bern: Peter Lang AG, European Academic Publishers, 2003. – 266 p
10. Gilbert Ph. The Russian novel in English fiction / Ph. Gilbert. – London, 1956. – 206 p.
11. Goldstein J.S. War and gender: How gender shapes the war system and vice versa / J.S. Goldstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 495 p.
12. Punch; or, The London Charivari. – 1854. Vol. XXVI. – 285 p.
13. Smith A. The Ethnic Origin of Nations. – Oxford: Basic Blackwell, 1986. – 491 p.
14. Waddington P. "Theirs But To Do And Die". The Poetry of the Charge of the Light Brigade at Balaklava, 25 October 1854. – Nottingham: Astra Press, 1995. – 224 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. Владимиров М. Альбом патриотических стихотворений / Написаны по случаю современной войны / М. Владимиров. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1854. – 45 с.
16. Кононов А. Современные стихотворения / А. Кононов. – СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1854. – 16 с.
17. Татаринов П. Бог, Вера и Царь, или Герои нынешней войны / П. Татаринов. – СПб.: Тип. Э. Веймара, 1854. – 17 с
18. Федоров Г. Русский солдат / Г. Федоров. – СПб.: Тип. Экберта, 1854. – 16 с.
19. Jones E. The Emperor's Vigil and The Waves and the War / E. Jones. – L., 1856. – 74 p.
20. Massey G. War Waits / G. Massey. – L.: David Bogue, 1855. – 56 p.
21. Meek A.B. Songs and Poems of the South / A.B. Meek. – Mobile: SH Goetzel & Co., 33 Dauphin street. New York, 117 Fulton street, 1857. – 281 p.
22. Stokes H.S. Echoes of the War and Other Poems / H.S. Stokes. – L: Longman, Brown, Green and Longmans, 1855. – 99 p.
23. Tupper M.F. Lyrics of the Heart and Mind / M.F. Tupper. – L.: Arthur Hall, Virtue and Co., 1855. – P. 154–160.

REFERENCES

1. Ishchenko N.A. (2007) Mifotvorchestvo v voennom diskurse: nacional'nyj mif o Krymskoj vojne 1853–1856 godov v literature Velikobritanii vtoroj poloviny XIX veka [Myth-making in military discourse: the national myth of the Crimean War of 1853–1856 in the literature of Great Britain of the second half of the XIX century] : dis. ... d-ra filol. nauk. Simferopol'. 426 p. (In Russian)
2. Mitina E.A. (2023) Tema Krymskoj vojny v anglijskoj poezii (issledovaniya i nauchnye perspektivy) [The theme of the Crimean War in English poetry (research and scientific perspectives)] in Epistola [Epistola]. Vol. 3. Part 6. pp. 105–112 (In Russian)
3. Nekrasova M.Yu., Barskaya O.V. (2023) Rezentatsiya obraza protivnika v britanskom gazetnom diskurse Krymskoj vojny [Representation of the enemy's image in the British newspaper discourse of the Crimean War] in MNKO [MNKO]. №1 (98). pp. 292–295. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezentatsiya-obraza-protivnika-v-britanskom-gazetnom-diskurse-krymskoj-voyny>. (In Russian)
4. Patrikeeva M.V. (2022) Krymskaya vojna 1853–1856 gg. v literaturnoj pamyati sovremennikov [The Crimean War of 1853-1856 in the literary memory of contemporaries]: diss. ... kand. filol. nauk. Moskva. 235 p. (In Russian)
5. Senyavskaya E.S. (1999) Psihologiya vojny v XX veke: istoricheskij opyt Rossii [Psychology of war in the XX century: the historical experience of Russia]. M. 383 p. (In Russian)

6. Sidorova O.G. (2014) Izobrazhenie Krymskoj vojny v anglijskoj literature [The image of the Crimean War in English literature] in Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki [Proceedings of the Ural Federal University. Series 2. Humanities]. № 3(130). pp. 106–113 (In Russian)
7. Tomberg O.V. (2018) Vrag i vrazhda v cennostnom prostranstve drevneanglijskoj literatury [The enemy and enmity in the value space of Old English literature] in Filologicheskij klass [Philological class]. №4 (54). pp. 41–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vrag-i-vrazhda-v-tsennostnom-prostranstve-drevneanglijskoj-literatury> (In Russian)
8. Fajdzhes O. (2021) Krym. Poslednij Krestovyj pohod [Crimea. The Last Crusade]. M.: Rosebud publishing. 702 p. (In Russian)
9. Dereli C. (2003) A War Culture in Action. A study of the literature of the Crimean War period. Bern: Peter Lang AG, European Academic Publishers, 266 p (In English)
10. Gilbert Ph. (1956) The Russian novel in English fiction. London. 206 p. (In English)
11. Goldstein J.S. (2001) War and gender: How gender shapes the war system and vice versa. Cambridge: Cambridge University Press. 495 p. (In English)
12. Punch; or, The London Charivari (1854). Vol. XXVI. (In English)
13. Smith A. (1986) The Ethnic Origin of Nations. Oxford: Basic Blackwell. 491 p. (In English)
14. Waddington P. (1995) "Theirs But To Do And Die". The Poetry of the Charge of the Light Brigade at Balaklava, 25 October 1854. Nottingham: Astra Press. 224 p. (In English)

Поступила в редакцию 24.09.2024 г.

IMAGE OF ENEMY IN ENGLISH AND RUSSIAN CRIMEAN WAR POETRY

E.A. Mitina

The article deals with the comparative study of the image of the enemy in the Russian and English poetic texts devoted to the events of the Crimean War. The military-patriotic mass poetry published during the Crimean campaign was chosen as the research material. The English part of the empirical corpus includes poems by E. Jones, M. Tupper, G. Stokes, A. Meek, J. Massey, etc. The Russian part incorporates texts from collections by P. Tatarinov, M. Vladimirova, A. Kononov, G. Fedorov, etc. It is revealed that the image of the enemy in poetry was first of all determined by the nature of the war for Russia and England, respectively. Both Russian and English military-patriotic poetry was aimed at maintaining the morale of the army and the people, glorifying the motherland, soldiers, and weapons. The confidence in victory, and the idea of superiority over enemies make the texts similar. It is observed that in the Russian poems under analysis the enemies are described by epithets with negative connotation. In the English poems, the image of the enemy (i.e. Russia) is revealed as a terrifying animal, in numerical superiority. It is pointed out that enemy Russia is associated in the English poetry of this period with the tyranny and barbarism of Nicholas I.

Keywords: The Crimean War of 1853-1856, image of enemy, mass poetry, English poetry, Russian poetry, military-patriotic lyrics, E. Jones, M. Tupper, G. Stokes, A. Meek, J. Massey, P. Tatarinov, M. Vladimirov, A. Kononov, G. Fedorov.

Митина Евгения Александровна.

Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры всемирной литературы. Московский педагогический государственный университет.

лаборант-исследователь.

МНИЛ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова.

Москва, Нижний Новгород.

ORCID: 0009-0005-4175-4145.

E-mail: 27jenni270@mail.ru.

Mitina Evgenya Aleksandrovna.

Candidate of Philology, Lecturer of World Literature Department.

Moscow Pedagogical State University.

Research Laboratory Assistant.

Linguistics University of Nizhny Novgorod (LUNN), Moscow, Nizhny Novgorod .

ORCID: 0009-0005-4175-4145.

E-mail: 27jenni270@mail.ru.

Научная статья
УДК 811.581'37+811.581'35
DOI: 10.5281/zenodo.14283708

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ КИТАЙСКОГО ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ГНЕЗДА С ДЕТЕРМИНАТИВОМ 虫 «НАСЕКОМОЕ»

© 2024 Н.В. Михалькова

Минский государственный лингвистический университет

ORCID: 0000-0003-4442-3139

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматривается состав подсистемы производных сложных знаков иероглифического гнезда с детерминативом 虫 «насекомое» в китайском языке. На основе семантического и этимологического анализа устанавливаются его границы, выявляются мотивировочные признаки включения в многокомпонентные знаки детерминатива 虫 «насекомое», определяются особенности иероглифического знакообразования в сопоставлении со схожими процессами в других языках. Анализ компонентов иероглифического гнезда с детерминативом-зоонимом 虫 «насекомое» показал, что многообразие входящих в него знаков детерминировано различными мотивировочными признаками, ведущими из которых выступают *размер* и *форма*. Анализ значений производных иероглифов иероглифического гнезда с помощью компонентного и дефиниционного методов позволил также выявить ряд латентных признаков в семантике детерминатива-зоонима 虫 «насекомое», в частности, *животное*, *страшное животное*, *червь*, *подобие дракону*, *малый*, *беспозвоночный*, *отсутствие конечностей*, *головастик* и др. Совокупность данных признаков являются основанием объединения в иероглифическое гнездо обозначений различных процессуальных и атрибутивных номинаций.

Ключевые слова: *детерминатив, 虫 «насекомое», семантика, иероглиф, гнездо, китайский язык.*

Для цитирования: Михалькова Н.В. Семантические границы китайского иероглифического гнезда с детерминативом 虫 «насекомое» / Н.В. Михалькова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 73–82. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14283708>.

Введение. Как подчеркивает А.М. Карапетьянц, именно китайское письмо, которое, начиная с самых ранних этапов его создания и в принципе по сей день, является оторванной от устной нормы системой, областью собственных правил функционирования, формирования и представления, как ничто иное дает возможность понять китайцев, поскольку синографы⁶ – это прежде всего идеи-символы и всегда были таковыми [3; 7, с. 9]. Особенностью иероглифической письменности китайского языка, несмотря на неизбежное включение фонетических и фоноидеографических компонентов еще до нашей эры, является сохранение по настоящее время высокой степени мотивированности иероглифических знаков [5, с. 5]. Непроизвольность и иконичность иероглифов – это своеобразный «фундамент» знаков китайской письменности, который в течение более чем двух тысячелетий позволяет сохранять мотивированность и оказывает стойкое сопротивление любым попыткам перевода графики в звуко-буквенный тип [1, с. 25-34]. Неслучайность выбора составных частей

⁶ Термин А.М. Карапетьянца относительно имени китайского иероглифа, более точно, на наш взгляд, определяющий единицу китайской письменности в системе иероглифического письма

как однокомпонентных иероглифов – монограмм, так и многосоставных знаков – гетерограмм [4; 8] обеспечивает прочность китайской графики, которая практически в неизменном основном компонентном составе сохранилась до настоящего времени. Вопрос о том, какие именно признаки детерминируют такую устойчивость китайского письма, всегда интересовал синологов [6, с. 272-273].

Первую успешную попытку выделить общие смысловые характеристики знаков и таким образом их классифицировать сделал китайский ученый Сюй Шэнь – автор первого иероглифического словаря 说文解字 (I–II вв. н.э.) с расположением знаков согласно общим компонентам [19]. Сюй Шэнь увидел, что сложные многокомпонентные иероглифы могут быть объединены в группы, поскольку имеют ряд общих конститuentов. Разработанная им классификация до сих пор остается наиболее удобной структурно-формальной⁷ организацией всех знаков китайского языка. С ее появлением становится очевидным, что подобное деление иероглифической системы обусловлено некоторыми общими идеями, которые и являются тем искомым мотивировочным базисом, определяющим, в первую очередь, выбор смысловых компонентов знаков [9, с. 30-31]. С другой стороны, позволяет вскрыть особые специфические когнитивные механизмы представления окружающего мира носителями китайского языка [11, с. 753].

Несмотря на существование в системе китайской иероглифики 异体字 (т.е. знаков, которые явились вариантами интерпретации по причине непонимания состава исходных компонентов знаков), знаков 通假字 (неправильно написанных в контексте и закрепившихся в готовых выражениях), 恶变 – ошибочного написания синографов, современный компонентный анализ которых не дает возможности корректно их интерпретировать и др., выделенные основные элементы 部首 Сюй Шэнем и сохранившиеся практически в неизменном виде до настоящего времени остаются универсальным ключом к определению особенностей представления мира китайцами. Этот ключ позволяет, с одной стороны, выявить релевантность конкретных свойств и категорий окружающего мира, установить принципы их салиентности. С другой стороны, благодаря устойчивости во времени именно смысловые компоненты-детерминативы являются одновременно верификаторами получаемых результатов относительно идей, закладываемых в основу каждого знака на протяжении тысячелетий [2, с. 10-12]. В данной работе именно детерминативы явились основанием попытки рассмотреть китайскую иероглифическую систему с точки зрения поиска закономерностей ее организации и построения.

Поскольку детерминативы являются производящей основой иероглифов [12; 13, с. 21; 14, с. 7], образуемые одним и тем же детерминативом знаки должны обладать общими семантическими свойствами подобно словам в словообразовательных гнездах русского языка [18]. В то же время число детерминативов китайской графической системы строго ограничено, в частности детерминативов-зоонимов выделяется всего 12 единиц, что составляет 5,6 % от всей системы смысловых компонентов (*птица, рыба, собака, мышь, дракон, тигр, корова, насекомое, баран, свинья, черепаха, лягушка*). Возникает вопрос относительно того, во-первых, каким образом носителям китайского языка удалось с их помощью описать все многообразие животного мира, во-вторых, соответственно, какие дополнительные области представлений включаются в систему описания через детерминативы-зоонимы, и, наконец, какие именно категории

⁷ Термин *формальный* употреблен нами не случайно. Поскольку многие иероглифы вследствие ошибок интерпретации (讹变) имели неправильное написание, могли быть классифицированы соответственно некорректно.

обозначений животных или иных представлений входят в иероглифическое гнездо с детерминативом-зоонимом.

Таким образом, актуальность исследования заключается в необходимости семантического анализа сложных иероглифов-дериватов, входящих в иероглифические гнезда китайского языка, позволяющем установить принципы включения производных знаков в разные иероглифические области. Новизна исследования состоит в разработке семантических групп производных знаков от детерминатива 虫 «насекомое» в китайском языке. Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в поэтапном комплексном решении задачи поиска семантических закономерностей включения детерминатива в сложный иероглифический знак китайского языка.

Материалы и методы исследования. Поставленная задача решается нами на материале одного из самых продуктивных детерминативов-зоонимов китайского языка – 虫 «насекомое», формирующее иероглифическое гнездо объемом в 1691 производный знак, отобранный из иероглифического онлайн-словаря «Ханьцзы Цзидянь» [15], куда вошли как упрощенные, так и традиционные, устаревшие, вариативные, диалектные, а также вышедшие из употребления синографы. Это такие знаки, как например, 蚯 è ‘крупная зелёная гусеница’, 蚰 chī ‘гусеница-землемер, гусеница пяденицы’, 蚕 cán ‘гусеница тутового шелкопряда’, 蚯 zhān ‘гусеница’, 蛾 sì ‘волосатая гусеница’, 蝮 hàn ‘волосатая ядовитая гусеница’, 蝶 huì ‘гусеница шелкопряда (самец)’, 螟 míng ‘гусеница (бабочка) стеблеяд, паразитирующая в стеблях хлебных растений, особенно риса’, 蚕 sī ‘гусеница бабочки’, 蝶 mò ‘мохнатая гусеница’, 蝶 huò ‘гусеница-землемер (пяденица)’ и др.

Китайское иероглифическое письмо, организуясь по принципу группировки сложных знаков относительно входящих в них детерминативов, представляет собой особым образом семантически выстроенную систему, в состав которой входят различные группы и подгруппы единиц, где стержневым конструктом и инструментом, положенным в основу нашего анализа, является иероглифическое гнездо.

Иероглифическое гнездо – это объединение сложных знаков вокруг единого для всех элементов гнезда знакообразовательного центра. Данным центром может выступать как фонетический (его мы не касаемся в нашем исследовании), так и структурно-семантический, описываемый в данной работе, элемент – детерминатив. Следовательно, объектом анализа становятся производные иероглифические знаки от детерминатива 虫 «насекомое», входящие в семантическое иероглифическое гнездо, объединенное единым для всех входящих в них иероглифов знакообразовательным компонентом – детерминативом.

Теоретическим основанием выбора иероглифического гнезда в качестве минимальной семантической подсистемы сложных иероглифов китайского языка является принцип объединения знаков, который коррелятивен принципу объединения слов в словообразовательных гнездах в русском языке, предпринятому еще в толковом словаре В.И. Даля [16], словообразовательном словаре А.Н. Тихонова [18], большом китайско-русском словаре И.М. Ошанина [17] (см. сравнение в таблице 1) и др.

Таблица 1. Сравнение компонентов словообразовательных гнезд русского языка и иероглифических гнезд китайского языка⁸

Русский язык	Китайский язык
--------------	----------------

⁸ Источник: Словообразовательный словарь А.Н. Тихонова [18] и иероглифический онлайн-словарь «Ханьцзы Цзидянь» [15].

Солнце – солнечный	日 ‘солнце’ – 晴 ‘солнечный’
Глаз – глазеть	目 ‘глаз’ – 盱 ‘глазеть’,
Рука – выручать	才 ‘рука’ – 援 ‘выручать’
Ступня – оступиться	足 ‘нога’ – 跣 ‘оступиться’, 践 ‘ступать’
Сердце – сердечный	心 ‘сердце’ – 悃 ‘сердечный’
Человек – человечный	亻 ‘человек’ – 仁 ‘гуманный’
Трава – травянистый	艹 ‘трава’ – 草 ‘травянистый’
Болезнь – болезненный	疒 ‘болезнь’ – 痼 ‘болезненный’

Методами исследования выступили компонентный и дефиниционный анализ, а также элементы статистического анализа.

Основная часть. Анализ материала исследования показал, что иероглифическое гнездо с детерминативом 虫 «насекомое» закономерно включает, прежде всего, видовые номинации насекомых, например, 虱 jǐ ‘гнида, вошь’, 虱 shī ‘вошь’, 虻 méng ‘слепень’, 蚁 yǐ ‘муравей’, 蚊 wén ‘комар; москит’, 蚋 ruì ‘вид мошки’, 蚶 qí ‘рисовый долгоносик’, 蚜 yá ‘тля’, 杭 háng ‘дикий тутовый шелкопряд’, 蚤 zǎo ‘блоха’, 蚱 fū ‘цикада’, 蚱 zhá ‘мелкая цикада’, 蛀 zhù ‘книжный (древесный) червь; червоточина’, 蝮 bié ‘жук, хрущ’, 蛭 tiè ‘медведка’, 萤 yíng ‘светлячок’, 蚌 bíng ‘жук, хрущ’, 蚕 qióng ‘сверчок’ и др. Однако, в то же время в иероглифическое гнездо с детерминативом 虫 «насекомое» входят обозначения иных категорий животного мира:

1) моллюски: 蚌 bàng ‘жемчужная устрица, жемчужница’, 蚝 háo ‘устрица’, 蚶 xiǎn ‘корбикула (двустворчатый моллюск)’, 蚌 hān ‘арка (двустворчатый моллюск)’, 蚌 lì ‘устрица’, 蚌 chēng ‘устрица’, 蚌 máng ‘жемчужная устрица, жемчужница’, 蛤 gé ‘мактра’, 蚌 shāo ‘осьминог’, 蚌 wō ‘улитка’, 蚌 yú ‘садовая улитка’, 蚌 pí ‘узкая (продолговатая) устрица’, 蚌 bīn ‘жемчужная устрица, жемчужница’, 蚌 lì ‘червь-древоточец’, 蚌 pí ‘морской черенок Гульда’, 蚌 luó ‘брюхоногий моллюск, улитка’;

2) черви: 蚌 hán ‘червь’, 蚌 yǐn ‘земляной (дождевой) червь’, 蚌 huí ‘аскарида’, 蚌 gǔ ‘ядовитый паразит (в организме человека), хлебный червь’, 蚌 zhì ‘пиявка’, 蚌 páo ‘острица’, 蚌 qiǎn ‘дождевой червь’, 蚌 qǐn ‘дождевой червь’, 蚌 yù ‘земляной червяк’, 蚌 huáng ‘пиявка’, 蚌 xiàng ‘шелковичный червь’;

3) пресмыкающиеся: 蚌 shé ‘змея’, 蚌 huī ‘мелкая ядовитая змея’, 蚌 suī ‘ящерица, варан’, 蚌 tóng ‘(кантонский) съедобная змея, ящерица’, 蚌 gán ‘тигровый питон’, 蚌 è ‘випера, гадюка’, 蚌 fù ‘гадюка; крупная ядовитая змея’, 蚌 kuí ‘гадюка’, 蚌 mǎng ‘уда, питон’, 蚌 xī ‘гигантская морская черепаха’;

4) млекопитающие: 蚌 fén ‘крот’, 蚌 fén ‘крот’, 蚌 lěi ‘мартышка’, 蚌 nāo ‘крупная обезьяна’, 蚌 wèi ‘эж’, 蚌 yuán ‘бесхвостая, человекоподобная обезьяна; гиббон’, 蚌 jué ‘самка обезьяны’;

5) земноводные: 蚌 yuán ‘саламандра (один из видов)’, 蚌 wā ‘лягушка’, 蚌 há ‘лягушка’, 蚌 yuán ‘саламандра’, 蚌 jǐng ‘уст. лягушка (разновидность)’, 蚌 chán ‘жаба’;

6) ракообразные: 蚌 jié ‘голубой японский краб’, 蚌 xiè ‘краб’, 蚌 zhí ‘японский гигантский краб’, 蚌 xún ‘краб рода Харибда’, 蚌 xiā ‘рак; креветка’;

7) беспозвоночные: 蚌 fèi ‘медуза’, 蚌 yì ‘эхиурида’, 蚌 xī ‘гидра’;

8) паукообразные: 蚌 chài ‘длиннохвостый скорпион’, 蚌 zhū ‘паук’, 蚌 xiē ‘скорпион’;

9) многоножки: 𧈧 xián ‘кивсяк’, 𧈩 xián ‘кивсяк, многоножка’.

Включение приведенных выше номинаций в иероглифическое гнездо обусловлено, несомненно, типом описываемого животного, его релевантными признаками: размер, отсутствие части тела (позвоночник, конечности), внешней формой. Поскольку, как справедливо замечает А.М. Карапетьянц, иероглифика является универсальной символикой, рассчитанной на стандартного пользователя, а не специалиста в данной области [3], мы закономерно наблюдаем в иероглифическом гнезде вхождение знаков согласно не биологическому, а обывательскому делению мира относительно тех или иных прототипических признаков [10]. Подтверждение этому можно найти и в материале русского языка: не все владеют знаниями относительно основ выделения групп животного мира и относят *кита* не к группе млекопитающих, а к классу рыб, так как релевантным в данном случае оказывается среда обитания данного животного. Следовательно, при создании знака *kit* нами, скорее всего, был бы выбран ведущим данный признак. В то же время китайская иероглифика наглядно демонстрирует сложность выбора салиентной характеристики. Достаточно обратить внимание на вышеперечисленный список зоонимов с детерминативом 虫 «насекомое». В данном случае возникает немало вопросов относительно выбора носителями китайского языка детерминатива, обусловленного ограниченностью компонентов графики, а также разнообразием подходов неспециалиста к пониманию одного и того же явления. Это приводит как к сосуществованию вариантов иероглифов с разными детерминативами (异体字), так и к единообразному выбору лексикографа и закреплению определенной модификации знака. Так, например, знак 蝮 wèi ‘ёж’ первоначально включал детерминатив «свинья», впоследствии модифицированный на компонент «насекомое», затем «собака», современная иероглифика снова содержит вариант с детерминативом 虫 «насекомое».

Анализ подобной вариативности детерминативов традиционных-упрощенных и диалектных иероглифических знаков, включая знаки Итицзы (异体字) китайского языка, позволяют говорить о том, что выбор смыслового компонента иероглифа характеризуется неоднозначностью и неопределенностью, проявляющейся в сложности и, как следствие, вариативности определения прототипического признака понятия, выступающего мотивировочным основанием составления графем иероглифа.

Степень вариативности и типы модификаций различных видов детерминативов неодинакова, что позволяет разработать модели вариативности смысловых компонентов иероглифов. В частности, для детерминатива 虫 «насекомое» наименее характерна вариативность, если сопоставлять с иными детерминативами-зоонимами в китайской письменной системе, всего нами зафиксировано 4 модели:

- 1) вариативность детерминативов 虫 ‘насекомое’ и 鼠 ‘мышь’ (иероглиф 蚶 вариативен с иероглифом 鼯, оба означают ‘крот’);
- 2) вариативность детерминативов 虫 ‘насекомое’ и 鱼 ‘рыба’ (иероглиф 鮑 вариативен с иероглифом 鮑, оба означают ‘соленая сушеная рыба’);
- 3) вариативность детерминативов 虫 ‘насекомое’ и 豸 ‘собака’ (иероглиф 蝮 вариативен с иероглифом 猬, оба означают ‘ёж’);
- 4) вариативность детерминативов 虫 ‘насекомое’ и 艹 ‘трава’ (иероглиф 蠶 вариативен с иероглифом 繭, оба означают ‘кокон’).

Существование в китайском языке подобных иероглифов отражает не только неоднозначность выбора релевантного признака в синхронии, но его сложность на разных периодах развития китайской письменности, в частности, знаний и мысли, в целом.

Второй группой иероглифов, кроме собственно номинаций видов, которые входят в иероглифическое гнездо с детерминативом-зоонимом 虫 «насекомое», являются обозначения насекомых, находящихся в стадии своего развития – куколки, личинки и гусеницы. Соответственно носителями китайского языка категоризируются в одну иероглифическую область также обозначения различных временных вариаций развития животных, например, 蠶 jiǎn ‘кокон шелковичного червя’, 蛹 yǒng ‘куколка (насекомого)’, 蚕 xiǎng ‘куколка насекомого, окукливающегося в почве’, 蛭 xiǎn ‘висельница (куколка бабочки, висящая на паутинке)’, 蛆 qū ‘личинка мухи (овода), опарыш’, 幼 yòu ‘личинка некоторых видов паразитических ленточных червей’, 蛭 yuān ‘личинка москита’, 虱 jǐ ‘личинка вши’, 蠕 zhú ‘гусеница; личинка’, 蛻 tuì ‘сброшенная кожа; зародышевая оболочка (пресмыкающихся, личинок)’, 蠃 huò ‘гусеница-землемер (пяденица)’, 蚕 sī ‘гусеница бабочки’, 蝶 mò ‘мохнатая гусеница’, 蝶 huì ‘гусеница шелкопряда (самец)’, 螟 míng ‘гусеница (бабочка) стеблеед, паразитирующая в стеблях хлебных растений, особенно риса’, 蝮 hàn ‘волосатая ядовитая гусеница’, 蝮 cì ‘волосатая гусеница’, 蛄 zhān ‘гусеница’, 蚯 è ‘крупная зелёная гусеница’, 蚘 chǐ ‘гусеница-землемер, гусеница пяденицы’, 蚕 cán ‘гусеница тутового шелкопряда’ и др.

Третью группу составляют иероглифические единицы-партитивы, именующие различные части животного, образуя таким образом отдельную ветвь партитивных номинаций: 1) раковины моллюсков: 蚌 hàn ‘мелкая раковина’, 蚌 jùn ‘крупная раковина (моллюска)’, 螺 luó ‘спиральная (одностворчатая) раковина моллюска»; 2) яйца животных: 蛭 chí ‘муравьиные яйца’, 蛋 dàn ‘яйцо»; 3) чешуя: 蚌 fù ‘чешуя на брюхе (змеи)»; 4) органы защиты и нападения: 蛭 zhé ‘жало’, 蛭 shì ‘жало»; 5) хватательные органы: 蛭 áo ‘клешня (краба, рака)».

Отдельной подгруппой в иероглифическом гнезде являются номинации мифических и других существ: 虬 qiú ‘миф. дракон (по одной версии – молодой с рогами, по другой – взрослый безрогий)’, 虺 méng ‘миф. Мэн (птица с одним крылом, одной ногой и одним глазом)’, 虺 gǔ ‘ядовитая тварь (последняя из оставшихся в сосуде и насыщенная ядом всех остальных, пожранных ею)’, 蛟 jiāo ‘миф. морской змей, водяной дракон (вызывающий наводнения); безрогий дракон; самка дракона’, 蜃 shèn ‘миф. крупная устрица (в нее превращается в воде фазан: выбрасывает воздух, создавая мираж здания)’, 蜃 yù ‘миф. рогатая трёхногая черепаха (мечущая ядовитый песок)’, 虺 chī ‘(жёлтый) безрогий дракон; самка дракона; детёныш дракона’, 虺 jué ‘миф. цзюа (животное с короткими передними ногами якобы водится на западе)». Появление детерминатива 虫 «насекомое» в данных иероглифических номинациях обусловлено тем, что иероглиф 虫 «насекомое» также в древности обозначал «животное», поскольку система простых логограмм развивалась постепенно, первые простые иероглифы имели более широкую семантику, позволяющую большую широту номинативных процессов. В результате семантической деривации и появления новых синографов значение сужается для более точных определений, при этом первоначальные детерминативы достаточно часто сохраняются.

Кроме названий насекомых и животных, иероглифы с исследуемым детерминативом-зоонимом 虫 «насекомое» могут также называть лица: 蚕 dàn ‘танка (название народности, живущей на лодках по побережью провинций Гуандун и Фуцзянь)’, 蚕 mán ‘ист. Мань (некитайские племена на юге Китая)». Интересно заметить то, что у второго иероглифа есть и другое значение – ‘инородец, варвар, дикарь; бран. иностранец; инородческий, некитайский’. В данном случае этому есть историческое объяснение. В древнем Китае названия наций формировались согласно

определенным принципам. Например, народности, жившие на юге, в иероглиф включали 虫 «животное», чтобы «устрашить», показать, что они не люди, а животные. На востоке в иероглифе можно найти компонент «лук», что означало «люди с большим луком» (ср., например, 红夷 «*досл.* красные стрелы; рыжие варвары (*презрит.* о голландцах)», см. также 红夷炮 «устар. голландские пушки (изготовленные по западным образцам, дин. Мин)»).

Кроме живых существ, иероглифические знаки с детерминативом-зоонимом 虫 «насекомое» могут обозначать объекты неживой природы: 虹 hóng 'арка; радуга', 蜃 shèn 'жертвенный сосуд, украшенный изображением двустворчатых раковин', 螺 luó 'спираль', 蜡 là 'воск', 蝉 chán 'устар. лёгкий (тончайший) шёлк, газ', 帽 mào 'наконечник на скипетр (его император надевал на скипетр князя); скипетр', 吧 bā 'диал. раковина каури (употреблялась в старину в качестве монеты)'. Включение детерминатива-зоонима 虫 «насекомое» также оказывается не случайным. Так, происхождение, например, иероглифа 虹 hóng 'радуга; арка' связано с символическим отображением двух голов дракона, пьющих воду. Впоследствии дракон заменяется на детерминатив-зоонимом 虫 «насекомое» как отображение понятие «страшное животное». Изображение двух пьющих голов животных образуют схематично дугу, что и является репрезентацией релевантности формы (см. рис. 1).

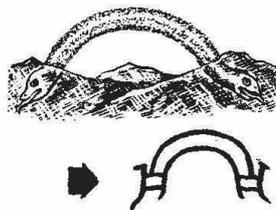

Рисунок 1. Древнее изображение иероглифа 虹 hóng 'радуга; арка'

В иероглифическое гнездо с детерминативом-зоонимом 虫 «насекомое» входят также атрибутивные характеристики лиц по свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами. Это такие иероглифы, как 蚩 chī 'невежественный, бестолковый, глупый, неграмотный', 蛮 mán 'дикий, варварский; грубый, оголтелый, наглый; своевольный, деспотический, тиранический', 蜜 mì 'перен. слащавый, льстивый', 蠢 chǔn 'глупый, тупой, бестолковый'. Многие из атрибутивных номинаций носят негативный характер, что и обуславливает включение детерминатива-зоонима 虫 «страшное животное» наряду с действием процессов семантической деривации (см., например, 蜜 mì 'перен. слащавый, льстивый'). Иероглифические обозначения с детерминативом-зоонимом 虫 «насекомое» могут также номинировать признаки объектов окружающей человека действительности, например, 螻 lóu 'вонючий, зловонный, смрадный', 虬 qiú 'закрученный, кучерявый', 融 róng 'согласный, гармоничный', 娟 juān 'красивый', 蛙 wā 'обр. о музыке в знач.: непристойный, вульгарный', 蜜 mì 'сладкий, засахаренный', 蛀 zhù 'источенный, трухлявый, гнилой', 虱 jī 'обр. крошечный, ничтожный, скудный' и др.

Детерминатив-зооним 虫 «насекомое» в составе многокомпонентных иероглифических единиц может указывать также на физические состояния и свойства живых существ, организмов, их жизнедеятельность. Например, это такие иероглифы, которые: 1) описывают движение, при котором тело живого организма изгибается (螺 luó 'извиваться (как червяк), свиваться кольцами, спиралью (как змея)', 蟠 pán 'витья; извиваться; обвиваться; свернувшийся клубком', 蟻 yǐ 'извиваться;

извивающийся (о червяке)’, 蚩 yǒu ‘извиваться (о драконе, змее)’, 蜿 wān ‘извиваться’, 蜎 yuān ‘гнутья, сгибаться’); 2) связаны со значением замедления жизненных процессов, а также с процессом смены и восстановления покровов животных (蛰 zhé ‘зарываться в землю, прятаться, скрываться (напр. о насекомом), (зимняя) спячка’, 蟄 yīn ‘выходящий из состояния спячки (о червяке)’, 蛻 tuì ‘линять, сбрасывать кожу (зародышевую оболочку)’, 蝟 yú ‘выделять воск (из брюшка насекомого)’); 3) отображают процесс перемещения (蜚 fēi ‘летать; летящий’, 蜿 wān ‘подкрадываться; движение дракона (подкрадывающегося тигра)’, 蠕 rú ‘медленно двигаться, ползти’, 蛟 qí ‘ползать’, 蛞 suī ‘продвигать, толкать’); 4) имеют такие значения, как ужаливать, есть, кусать (蜚 zhē ‘ужалить, укусить’, 螫 shì ‘жалить, кусать (о насекомых)’, 蠹 dù ‘быть изъеденным (поврежденным) насекомыми-вредителями’, 蛀 zhù ‘быть источенным (проеденным)’, 蚀 shí ‘поедать, пожирать’, 蠹 lì ‘точить, глотать, вгрызаться’); 5) имеют значение состояния (蛰 qióng ‘бояться, дрожать от страха’, 蜎 xū ‘взирать; глядеть; наблюдать’, 融 róng ‘таять, плавиться’, 蚩 chī ‘презирать, относиться свысока, смотреть с пренебрежением, 蟾 cāng ‘считаться с...; щадить, беречь’, 融 róng ‘гармонизировать; жить дружно’); 6) обозначают действия, связанные с насекомыми (蚕 cán ‘заниматься шелководством, разводить шелковичных червей’, 蜡 là ‘вощить, наващивать, покрывать воском’); 7) обозначают действия, совершаемые над кем-то (蛊 gǔ ‘околдовывать; обольщать, очаровывать, завлекать’, 蛤 há ‘напугать, перепугать, утратить’, 蠲 juān ‘отменять, упразднять, уничтожать, аннулировать’, 虱 shī ‘незаконно занимать должность, паразитировать’).

Кроме того, иероглифы с детерминативом-зоонимом 虫 «насекомое» могут функционировать в качестве служебного слова 虽 suī, которое может являться как союзом, так и вопросительным словом, а также образуют наречия меры и степени, времени, образа и способа действия (蚕 mán ‘вост. диал. очень, весьма, крайне’, 蚤 zǎo ‘рано, побыстрее, пораньше’, 蛾 é ‘нежданно, вдруг’).

К иероглифическим единицам с детерминативом-зоонимом 虫 «насекомое» также относятся номинации продуктов питания (蜜 mì ‘мёд, нектар’, 蟹 xiè ‘крабовый соус’), явлений природы (蚀 shí ‘затмение’, 虹 hóng ‘радуга’), цветов (蚁 yǐ ‘тёмно-фиолетовый’, 霓 ní ‘радужный; разноцветный, пёстрый’, 虹 hóng ‘радужный, многоцветный’), а также топонимы (蛇 shé ‘гора Шэшань’, 蠡 lì ‘геогр. Лисянь (уезд в пров. Хэбэй)’, 蜀 shǔ ‘ист. Шу (совр. пров. Сычуань)’).

Существует также широкое разнообразие имен и фамилий, в состав иероглифических знаков которых входит детерминатив-зооним 虫 «насекомое»: 蛇 shé ‘Шэ’, 蚕 fén ‘Фэнь (имя человека)’, 虺 huī ‘Хуэй’, 蚩 chī ‘Чи’, 蚩 chí ‘Чи’, 蛭 zhì ‘Чжи’, 蚕 mán ‘Мань’, 蛾 é ‘стар. Э’, 蜀 shǔ ‘Шу’, 霓 ní ‘Ни’, 蟹 xiè ‘Сюй’, 融 róng ‘Жун’, 蟾 cāng ‘Цан’, 蛟 jiāo ‘Цзяо’.

Заключение. Таким образом, анализ компонентов иероглифического гнезда с детерминативом-зоонимом 虫 «насекомое» показал, что многообразие входящих в него иконических и символических знаков детерминировано различными мотивировочными признаками, ведущими из которых выступают *размер* и *форма*. Это обуславливает включение носителями китайского языка не только видовых, но и других номинаций животных, которые по своим биологическим характеристикам не могли бы быть включены в соответствующие выделенные языковые группы. Анализ значений производных иероглифов иероглифического гнезда позволил также выявить ряд латентных признаков в семантике детерминатива-зоонима 虫 «насекомое», в частности,

животное, страшное животное, червь, подобие дракону, малый, беспозвоночный, отсутствие конечностей, головастик и др. Совокупность данных признаков является основанием объединения в иероглифическое гнездо различных процессуальных и атрибутивных номинаций, а также обозначений различных объектов и явлений неживой природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.М. Китайская письменность и ее латинизация / В.М. Алексеев. – Л. : изд. и тип. Акад. Наук СССР, 1932. – 178 с.
2. Барский К.М. Иероглифы в образах / К.М. Барский. – Москва : Шанс, 2022. – 71 с.
3. Карапетьянц А.М. Гимн иероглифу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=vq1iJ-X_ZxU&t=5012s. (Дата обращения: 20.02.2022).
4. Карасева К.В. Принципы декодирования логограмм и реконструкция их семантики : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / К.В. Карасева. – Минск, 2019. – 202 с.
5. Кондрашевский А.Ф. Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей «Шовэня» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / А.Ф. Кондрашевский ; МГУ. – М., 1982. – 27 с.
6. Летучая Е.А. Инновационный подход к изучению иероглифического письма / Е.А. Летучая // Молодой ученый. – 2022. – № 1 (396). – С. 271–275.
7. Сердюченко Г.П. Китайская письменность и ее реформа / Г.П. Сердюченко. – М. : Изд. вост. лит., 1959. – 55 с.
8. Шаравьева И.В. Лингвосемиотика знаков идеографического письма : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22. / И.В. Шаравьева ; ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет». – Улан-Уде, 2017. – 24 с.
9. Ши, Динго. Мудрость китайских иероглифов / Ши Динго, Ло Вэйдун ; перевод с китайского А.А. Матвеевой, Д.А. Чунокина. – М. : Шанс, 2022. – 213 с.
10. Rosch E. Principles of Categorization / E. Rosch // *Cognition and Categorization*. – Hillsdale, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27-48.
11. Dehaene S. Symbols and mental programs: a hypothesis about human singularity / S. Dehaene, Roumi F.A., Y. Lakretz et al // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2022. – №26(9). – P. 751–766.
12. 王琪. 汉字部首解析 / 王琪. – 北京 : 商务印书馆国际有限公司, 2022. – 201 页. = Ван, Ци. Анализ компонентов китайских иероглифов / Ци Ван. – Пекин : Изд-во «Коммерческая пресса», 2022. – 201 с.
13. 王玉新. 汉字部首认知研究 / 王玉新. – 济南 : 山东大学出版社, 2009. – 304 页. = Ван, Юйсинь. Когнитивное исследование ключей китайской иероглифической письменности / Юйсинь Ван. – Цзинань : Изд-во «Шаньдунский университет», 2009. – 304 с.
14. 邹晓丽. 基础汉字形意释源 / 邹晓丽. – 北京 : 中华书局, 2007. – 246 页. = Цзоу, Сяоли. Объяснения форм и значений основных китайских иероглифов / Сяоли Цзоу. – Пекин : Изд-во «Чжун Хуа Шу Цзюй», 2007. – 246 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. Ханьцзы Цзыдянь. 汉字字典 (Словарь китайских иероглифов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zdic.net/zd/bs/?bs=%E4%BA%BB> (дата доступа: 24.01.2022).
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете, 1863–1866.
17. Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / И.М. Ошанин, В.А. Панасюк. – М. : Наука, 1983.
18. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А.Н. Тихонов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – Т. 1. – 860 с.
19. 许慎. 说文解字 / 许慎. - 岳麓 : 岳麓书社, 2006. – 540 页. = Сюй Шэнь. Шовэнь Цзецзы / Сюй Шэнь. – Юэ Лу : Изд-во Юэлу, 2006. – 540 с.

REFERENCES

1. Alekseev V.M. (1932). Kitajskaya pis'mennost' i ee latinizaciya [Chinese Writing and its Romanization]. SSSR: Academia nauk (in Russian).

2. Barskij K.M. (2022). Ieroglify v obrazah [Characters in Images]. – Moskva : SHans (in Russian).
3. Karapet'yanc A.M (2022). Gimn ieroglifu [Hymn to the Character]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vq1iJ-X_ZxU&t=5012s. (Data obrashcheniya: 20.02.2022). (in Russian)
4. Karaseva K.V. (2019). Principy dekodirovaniya logogramm i rekonstrukciya ih semantiki [Principles of Decoding Logograms and Reconstruction of their Semantics]. Minsk. (in Russian)
5. Kondrashevskij A.F. (1982). Znaki pervonachal'nyh kategorij kitajskoj pis'mennosti i sistema klyucej "SHovenya" [Signs of the Original Categories of Chinese Writing and the System of Keys "Shouwen"]. Moskow (in Russian).
6. Letuchaya E.A. (2022). Innovacionnyj podhod k izucheniyu ieroglificheskogo pis'ma [An Innovative Approach to the Study of Hieroglyphic Writing] // Molodoj uchenyj. – № 1 (396) (in Russian).
7. Serdyuchenko G.P. (1959). Kitajskaya pis'mennost' i ee reforma [Chinese Writing and its Reform]. Moskow : East Literature (in Russian).
8. SHarav'eva I.V. (2017). Lingvosemiotika znakov ideograficheskogo pis'ma [Semio-linguistics of ideographic writing signs]. Ulan-Ude (in Russian).
9. SHi, Dingo (2022). Mudrost' kitajskih ieroglifov [Wisdom of Chinese Characters] / SHi Dingo, Lo Vejdun. M. : SHans (in Russian).
10. Rosch E. (1978) Principles of Categorization in Cognition and Categorization. Hillsdale, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates. P. 27-48. (in English).
11. Dehaene S. (2022). Symbols and mental programs: a hypothesis about human singularity / S. Dehaene, Roumi F.A., Y. Lakretz et al // Trends in Cognitive Sciences. – 2022. – №26(9). – P. 751–766. (in English).
12. 王琪. 汉字部首解析 / 王琪. – 北京 : 商务印书馆国际有限公司, 2022. – 201 页. (in Chinese).
13. 王玉新. 汉字部首认知研究 / 王玉新. – 济南 : 山东大学出版社, 2009. – 304 页. (in Chinese).
14. 邹晓丽. 基础汉字形意释源 / 邹晓丽. – 北京 : 中华书局, 2007. – 246 页. (in Chinese).

Поступила в редакцию 29.09.2024 г.

SEMANTIC BOUNDARIES OF THE CHINESE CHARACTERS WITH THE DETERMINATIVE 虫 'INSECT'

N.V. Mikhalkova

The composition of the subsystem of derivative complex signs of the character nest with the determinative 虫 "insect" in the Chinese language is analysed in the article. By means of the semantic and etymological analysis, its boundaries are established. Motivational features of inclusion in multi-component signs of the determinative 虫 "insect" are revealed, and the features of sign formation are identified in comparison with similar processes in other languages. The analysis of the components of the character nest with the determinative-zoonym 虫 "insect" showed that the diversity of signs included in it is determined by various motivational features, the leading of which are size and shape. The analysis of the meanings of the derivative signs of the character nest also enabled to identify a number of latent features in the semantics of the determinative-zoonym 虫 "insect", such as an animal, a terrible animal, a worm, a dragon-like creature, small, an invertebrate, no limbs, a tadpole, etc. The combination of these features is the basis for including the designations of various procedural and attributive nominations into a character nest.

Key words: determinative, 虫 "insect", semantics, character, nest, the Chinese language.

Михалькова Надежда Васильевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Республика Беларусь.
Доцент кафедры теории и практики китайского языка.
ORCID 0000-0003-4442-3139.
E-mail: nadezhdakr@yandex.ru.

Mikhalkova Nadezhda Vasilievna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Minsk State Linguistic University, Belarus, Minsk.
Associate Professor at Department of Theory and Practice of the Chinese Language.
ORCID 0000-0003-4442-3139.
E-mail: nadezhdakr@yandex.ru.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.14283895

ГЛАГОЛЫ-ЗАМЕСТИТЕЛИ И ГЛАГОЛЫ-ИНТЕНСИФИКАТОРЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ КАК РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

© 2024 Я.В. Мызникова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

ORCID: 0000-0003-1092-8219

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматриваются зафиксированные в речи жителей Ульяновской области глаголы, характеризующиеся неполной, «ущербной» семантикой. Одна из групп таких глаголов включает производные от основ указательных местоимений типа *элавать* и подобные. Это глаголы, замещающие соответствующие полнозначные лексемы, их значение обусловлено контекстуально. Заместительные глаголы часто употребляются в качестве эвфемизмов для обценной лексики. Глаголы-заместители активно используются жителями городов Сибири, Урала и Поволжья. Другая группа глаголов с ослабленной семантикой включает в себя лексемы, основным значением которых является ‘делать что-либо интенсивно, энергично, усердно’. В говорах Среднего Поволжья фиксируется целый ряд таких глаголов: *валить*, *запольшкивать*, *катать* и др. Глаголы-интенсификаторы также зависят от контекста: они могут наполняться значением, но также обладают способностью употребляться для обозначения интенсивности действия любого рядом стоящего глагола. Наиболее активно глаголы-интенсификаторы проявляют себя в русских говорах на территории Республики Мордовия и в сопредельных областях.

Ключевые слова: заместительные глаголы, глаголы-интенсификаторы, экспрессивная лексика, регионализмы, диалектная лексика, контекстуальное значение, русские говоры Среднего Поволжья, языковые контакты.

Для цитирования: Мызникова Я.В. Глаголы-заместители и глаголы-интенсификаторы в Среднем Поволжье как региональные явления / Я.В. Мызникова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 83–93. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14283895>.

Введение. Региональная специфика русских говоров Среднего Поволжья обусловлена сложившейся здесь особой этнокультурной ситуацией. В Симбирском Поволжье проживают представители четырёх основных этнических групп: русские, мордва (преимущественно эрзя), татары и чуваша. История заселения края была длительной, многоэтапной, системное освоение края русскими происходило в XVII в., но до этого на данной территории уже проживали финно-угорские и тюркские народы. Очевидным результатом этноязыковых контактов являются заимствования, в первую очередь это касается знаменательной лексики, хотя отмечаются и заимствования лексики междометного характера. Но в таких регионах со смешанным населением, как правило, наблюдаются и другие, менее очевидные результаты языкового взаимодействия, которые обнаруживаются в типологических конвергенциях, субстратных чертах. Среди необычных явлений в русских говорах Симбирского Поволжья отметим наличие групп глаголов с «ущербной» семантикой.

Материалы и методы исследования. Материалом для данного исследования послужили записи автора, сделанные во время диалектологических экспедиций с 2012 по 2024 гг. в населённые пункты Старомайнского, Чердаклинского, Мелекесского, Николаевского, Инзенского, Карсунского, Сенгилеевского районов Ульяновской области, а также примеры диалектной речи из двухтомного издания «Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь» (2 части, Москва, 2012 г.). В процессе работы были привлечены материалы диалектных словарей, а также различных статей и чатов из интернета. При анализе собранных автором экспедиционных материалов по Симбирскому Поволжью, а также лексикографической обработке этих материалов удалось выявить отдельные глагольные лексемы, значение которых не представляется возможным сформулировать вне конкретного контекста, так как оно полностью зависимо от непосредственной ситуации речи, является контекстуально обусловленным. Таким образом, контекстуальный анализ стал основным методом данного исследования. В работе также учитываются сведения не только из различных групп говоров русского языка, но и данные языков других семей, контактирующих с русскими говорами, то есть применяются сравнительно-сопоставительный и ареальный методы. Заместительные глаголы в левобережной части Ульяновской области уже были предметом исследования в статье [6]. Однако в настоящее время появились как новые факты, так и новые исследования [4; 12], также в Поволжье были выявлены и другие глаголы с «ущербной», реализуемой контекстуально семантикой, все эти материалы требуют дальнейшего изучения. В последнее десятилетие появилось и значительное число статей, посвящённых лексическим интенсификаторам [3; 7; 11].

Основная часть.

1. Глаголы-заместители. Особым элементом системы местоимённой, то есть заместительно-указательной лексики Среднего Поволжья являются глаголы, образованные от основ указательных местоимений: *эавать* и его варианты *эовать*, *эывать*, *энтовать*, а также разнообразные производные с приставками *разэовать*, *приэнтовать*, *заэывать*, *перезэывать*, *обэнтывать*, *сэнтывать*, возвратные формы *эаваться*, *наэываться*, *разэываться* и т.д. Например: *Бывало, в лес пойдёшь, натаскаешь берёзовых веток, дома всё этими ветками заэываешь* (Николаев.). Устоявшейся терминологии для такого рода глаголов в нашей грамматике нет, хотя различные исследователи используют такие термины, как местоимённые глаголы [4, с. 109], местоглаголия, заместительные глаголы, дейктические глаголы [11, с. 34] и другие. Учитывая, что данная группа глаголов выполняет скорее заместительную, чем указательную функцию, нам представляется более точным обозначением термин «заместительные глаголы».

В своей статье «О статусе местоглаголия в языке» Г.В. Федюнёва предлагает «местоглаголием» считать именно глаголы, образованные от местоимённых основ, а любые глаголы с очень общей семантикой процессуальности или экзистенциональности, способные выступать на месте того или иного полнозначного глагола (типа *делать*, *быть*, *происходить*) [10, с. 89]. Такого рода отместоимённые глаголы описаны В.А. Закревской в архангельских говорах и Г.В. Федюнёвой в печорских говорах. Как показывает Г.В. Федюнёва, «в говорах Усть-Цилемского района Республики Коми наиболее последовательно представлен местоименный глагол *тогóвотать* ‘делать что-либо’, который может быть соотнесен с любым действием, актуальным для данной ситуации, например: *вы там в мяч-то играете, траву-то не тогóвотайте* (= не мните, не топчите)» и разнообразные приставочные образования (*стоговотать*, *перетогóвотать*, *растогóвотать* и т.д.), значение которых обусловлено контекстом: *сосватать надо дефку, обтогóвотайте дело* [10, с. 94]. В архангельских говорах также

зафиксированы приставочные глаголы, образованные от местоимения *того*: *вытогодить, истогодить, растогодить, оттогодить* и др. [2, с. 51].

В «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» обнаруживаются диалектные глагольные образования на основе местоимений *того*, так: *растовокать(ся), натовокать, утовокаться, дотовокаться, товоковать, перетакнуться*. Значение таких глаголов определяется исключительно контекстуально: *Сидела – ноги зътовокълись, фсталь – некак ни ръстовокълъсь* [23, с. 143]; *Некак тучы со фсех сторон нътовокывъюць* [22, т. 1, с. 633]. Поэтому и толкование таких глаголов в словарной статье диалектного словаря всегда является ситуативным: *затовокаться* ‘отець, опухнуть’; *натовокиваться* ‘надвигаться’ и т.д.

Изучение материалов с глаголами типа *этавать* показывает, что подобные образования не являются чисто диалектными, чаще фиксируются в районных центрах, посёлках (например, в Старой Майне) и в городах (в Ульяновске): *Всё растащили, всё разэтывали* (Ульяновск); *Отэнтывай давай скорей, откручивай!* (Старая Майна); *Окна давай заэнтывай!* (Ульяновск). Иллюстрации показывают, что наиболее типичной функцией таких глаголов является употребление в качестве заместителей соответствующих приставочных полнозначных глаголов, при этом значение заместителей выявляется контекстуально. В диалектной речи наиболее возрастных информантов такие глаголы представлены единичными случаями: *У них [у мордвы] какая-то кичка былá, оне повязывались, и так, и отсюда как-то вот ещё заэтывали. Кичкой называли* (Старомайн.). Встречаются и формы с возвратным постфиксом *-ся*, как правило, в безличном употреблении: *У нас тут часто такое этавается* (Старомайн.).

Молодое поколение чаще использует заместительные глаголы в качестве эвфемизмов для обценной лексики: *Прекращай уже выэтаваться-то!* (Ульяновск); *Не этавай мне мозги!* (Старомайн.); *Што ты наэтывал? Давай теперь переэтывай!* (Чердаклин.). При этом сохраняется словообразовательная структура табуированных слов, замещаются только корни, за счёт чего экспрессивная функция замещаемых лексем сохраняется. Г.В. Федюнова характеризует функцию местоглаголий в целом следующим образом: «вербализация местоглаголий непосредственно связана с языковой референцией, когда коммуникативные задачи преобладают над собственно номинативными». То есть местоглаголия реализуются в конкретной речевой ситуации, в условиях референции, когда участникам коммуникативного события хорошо известен предмет разговора, при этом «происходит экспрессивная актуализация конкретного речевого акта» [10, с. 94].

Исследуемые заместительные глаголы, образованные от основы *этава-* (и вариантов *этыва-*, *этова-*, *энтыва-*), не зафиксированы в диалектных словарях: их не удалось обнаружить ни в словарях севернорусских говоров, ни в словарях южнорусских говоров, ни в словарях среднерусских говоров, ни в словарях говоров Урала и Сибири. Можно предположить, что исследуемые глаголы не являются собственно диалектными, используются преимущественно жителями больших и малых городов и посёлков определённых территорий, то есть относятся к регионализмам.

Л.П. Юздова в своей статье «Неолексема *этовать* в свете экологии языка» объясняет появление в XX в. лексемы *этовать* «обнищанием» лексикона современного человека, связывает её активное распространение с потерей навыка чтения художественной литературы в целом у носителей русского языка, в первую очередь, у молодых людей [12, с. 148], автор статьи преподаёт в Южно-Уральском государственном гуманитарно-педагогическом университете г. Челябинска. Помимо глагола *этовать*, Л.П. Юздова приводит множество производных лексем (*разэтовать, поэтовать, приэтовать, заэтовать, отэтовать*) с примерами их использования из

социальных сетей, в том числе учительских чатов. Как пишет автор, в результате проведения опроса выяснилось, что среди 300 студентов очного и заочного отделений вуза примерно 50 человек знают, слышали глагол *этовать*, но не употребляют его, 30 человек (10%) активно его употребляют [12, с. 149].

Наши записи в Ульяновской области не подтверждают использование заместительных глаголов преимущественно молодыми людьми. Такие глаголы были зафиксированы у людей из разных возрастных групп, но практически не отмечены у наиболее пожилых деревенских жителей.

На интернет-ресурсах часто встречаются страницы или статьи с заголовками, территориально привязывающими использование заместительных глаголов к городам и другим населённым пунктам Сибири: «Говорим по-сибирски: Этовать» [15], «Четыре классных сибирских глагола» [30], «Что это? Наш местный сибирский диалектизм?» [31]. При этом значительное число употреблений и обсуждений заместительных глаголов обнаруживается на страницах интернет-форумов и социальных сетей. Участники интернет-форумов отмечают употребление подобных глаголов в Забайкалье, Новосибирске, Барнауле, Красноярске, Екатеринбурге, Челябинске, Уфе, Перми, в речи русских Казахстана и в Поволжье (в Саратове, Нижнем Новгороде).

В народном Забайкальском словаре представлены глаголы *этавать*, *этовать*, *этывать* и множество приставочных образований (*перезтавать*, *перезтывать*, *перезтовать*, *разэтовать*, *разэтывать* и т.д.) с разнообразными иллюстрациями: «*Этавать-перезтавать*» – у нас так преподаватель философии в институте говорил; Печку надо *заэтывать* (затопить). Я до сих пор так часто говорю, смешно бывает; *Разэтывать... сэтывать... перезтывать... Очень долго отвыкала* [16]. Записи в этом народном словаре датированы 2008 годом. В другом интернет-словаре «забайкальского языка» глагол *этовать* представлен следующим образом: «*этовать* (за-, пере-, недо-, не- и пр.) – что-то среднее между делать и любым другим глаголом. Пример: – Ты мне не *этовай* давай! *Недоэтовал* и *тепереча* на меня *перезтоваешь!* – ‘Дорогой, на мой взгляд, твои обвинения в мой адрес ложные. Ведь это ты снял пельмени с плиты раньше указанного времени, а сейчас перекладываешь ответственность за диарею на меня’» [20]. Т. Маврина в статье о Сохондинском биосферном заповеднике на юго-востоке Сибири, в южном Забайкалье, отмечая особый говор жителей посёлка Букукун, указывает на поразившую её больше всего особенность – глагол *этывать*: «отэтывать крышку от бутылки», «приэтывать ручку к двери», «заэтывать дыру в заборе», «разэтывать посылку» [5, с. 39].

Размышляя о возможных истоках данного явления, Г.В. Федюнова указывает на наличие местоглаголий, образованных от основ указательных, вопросительных и индефинитных местоимений, в целом ряде автохтонных языков Сибири и Дальнего Востока: в сибирской подгруппе тунгусо-манчжурских языков (в эвенкийском, эвенском, негидальском языках), в монгольском языке, а также в палеоазиатских языках (в нивхском, чукотском) [10, с. 92–93].

Таким образом, сибирские корни данной инновации представляются вполне вероятными, хотя в настоящее время заместительные глаголы активно используются и на Урале, и в Поволжье, проникают и в западные регионы России.

2. Глаголы-интенсификаторы. Исследователи отмечают, что на рубеже XX–XXI вв. «происходят процессы демократизации языка, повышения эмоциональности и раскованности коммуникации, размывания литературной нормы способствовали развитию класса интенсификаторов» [7, с. 70]. «Одним из основных средств выражения категории интенсивности в языке являются лексические интенсификаторы – наречия,

прилагательные и устойчивые сочетания, обозначающие ту или иную степень интенсивности явления (*очень, совершенно, чуть-чуть, абсолютный, в высшей степени*)» [3, с. 12]. Как правило, в качестве интенсификаторов рассматривают лексические единицы, которые сочетаются с наименованиями явлений, мыслимых как градулируемые, то есть наречия и прилагательные, а также предложно-падежные формы и устойчивые словосочетания (*до предела, до мозга костей, всеми фибрами души* и т.д.) [7, с. 74–75].

2.1. Прежде всего рассмотрим широко известную лексическую единицу, использующуюся в качестве интенсификатора и имеющую свою региональную специфику. Это междометие *айда*, которое имеет весьма широкую употребительность, приводится в «Словаре современного русского литературного языка» с пометой «областное» [26, т. 1, стлб. 67]. Е.Н. Шипова, вслед за другими исследователями, возводит данную лексему к тюркским источникам (из тат. *aida* ‘понукающий, подгоняющий окрик’) [32, с. 25]. А.Е. Аникин также соотносит эту лексему с татар. *айдә* ‘айда, пойдём, идём’, ‘давай-ка’, ‘валяй’ [13, с. 121]. Данное слово не является глагольной формой, рассматривается как междометие, при этом используется как аналог форм *идём(те)*, *давай(те)*: *Всё есть, вон пироги айда пеки* (Старомайн.); *Ребята уедут: айда мама, звони* (Старомайн.); а также имеет региональную (используемую в Поволжье) форму *айдате* с выраженным показателем мн. числа: *Айдате чай пить! Айдате, хватит сидеть-то, уж темнеет* (Старомайн.). Укажем и на тот факт, что в Среднем Поволжье форма *айда* может употребляться в качестве усилительной частицы со значением интенсивности действия: *И опять луговые собирают айда ведрами* (Старомайн.); *Поют «Рожество твоё, Христе Боже наш, Воссияй миру свет разумом» и вали айда во всю!* (Мелекес.).

Особенностью Среднего Поволжья (Ульяновской области и сопредельных регионов) является фразеологически связанное словосочетание *айда пошёл* (*велел*), которое передаёт начало какого-либо энергичного действия: *Кулачки были: там вот маленьки ребятёшки-та соберутся бывала эдак днём: «Айда пошёл, айда пошёл!» Это замучают, ну чтобы подходили* (Инзен.) [28, с. 630]. *Масленица-то кончится, и вот от этой масленицы и начинается до самой Паски. Дрались, айда пошёл!* (Карсун.) [29, с. 369]. *Он [дружка] как дал лошадям своей плёткой, и они ноги кверху и айда пошёл!* (Инзен.) [29, с. 485]. *Туда [на гору] дровни припрёшь, сядешь скопом на них, он едет! Айда велел!* (Инзен.) [29, с. 463]. *И свадьбу делали, айда пошёл! Всё шутили, плясали, пели, айда пошёл!* (Карсун.) [29, с. 626]. *Ну цыганкой, как обычно вот цыганки наряжаются: такую сделает юбку и платок нарядный, прям цыганка, суму повесит на себя и карты в руки, и айда пошёл* (Сур.) [29, с. 201].

В «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» Н.М. Малечи указаны формы *айда*, *айдать*, *айдате* в приведённых ранее значениях, т. е. 1) междометия со значением побуждения двигаться, совершать действия: ‘иди, гони, веди, неси, идите, пойдём, пойдёмте’ и т.п.; 2) модальной частицы со значением: ну, а ну, давай (*Отец надел шапку, плеснул на каменку и айда стегаться веником*). У Н.М. Малечи также приводится устойчивое сочетание *айда-пошёл*, «выражающее начало какого-либо энергичного действия, работы» (*Накормили лошадей и – айда-пошел! Запрёг кобылу и — айда-пошёл, поехал в путь-дороженьку*). Иногда это устойчивое сочетание проявляет признаки спрягаемого слова: *Айда-пошли за яблоками* [18, т. 1, с. 61].

В «Словаре русских говоров Башкирии» выделено 5 значений, в которых используется форма *айда*, одно из них представлено так: «в знач. глагола: пошёл, пошли: *Ньхватал цэльну рубаху [огурцов] и айда што йесь духу чириз забор*» [21, с. 20]. В качестве источника в русских говорах указано татарское *эйдә* в значениях 1) ‘пойдём, идём’, 2) ‘давай-ка’, 3) ‘валяй, пусть’ [21, с. 20].

2.2. Глаголы **валить** и **валять** – элементы литературного языка, но в Поволжье они используются в качестве глагольных интенсификаторов, т.е. экспрессивных глаголов, передающих исключительно интенсивность действия: *Швея она вот рукав пришивает к платью, вот и гонит-валит пришивает* (Чердаклин.); *А лобогрейка – потому что сзади к подавалкам – там мужик валит-швыряет, у него лоб всё время мокрый, вот эт лобогрейка и назвали* (Чердаклин.); *Я играю, она валит-пляшет, и ноги задират* (Карсун.) [29, с. 277]. Точно так же используется глагол **валять**: *А тут тоже черен насажен, и им валяют-колют дрова* (Чердаклин.); *Немцы русских хотели на колени поставить, а американцы без войны ползают-валяют, колорадского жука дали* (Чердаклин.); *А мужики-то, у нас любители мужики были, наряжались все чай вот валяли бывала с нами* (Сур.) [28, с. 600]. **Валяют** все пляшут, приговаривают (Сенгилеев.).

В «Ярославском областном словаре» приводятся устойчивые обороты **валом валить** и **валом валять** в значении ‘делать что-л. безостановочно, с усердием’: *Я сплю, а он валом валит – солому таскает. Гляжу – а он валом валяет – щи хлебает* [33, т. 2, с. 46].

2.3. В «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» описан целый ряд глаголов-интенсификаторов. Для глагола **валять** указано, что он «употребляется для экспрессивного усиления значения глагола, к которому относится»: *Ни гляи, шть гъроцкая, вышль нъ усат и валят роит картошки токъ ну* (Супод, Ар); *Она нътовокът вам зафтри фсёво: и шчэй, и лапшы, и картошкѣф – толькѣ валяйти ешти. Гляй, там суп-ът валят кипит вофсю* (Супод, Ар) [23, с. 57]. В статье глагола **валить** приводится устойчивый оборот **вали дуй** в качестве интенсификатора – для усиления побуждения к действию: *Рас купил плац, вали дуй наси* [22, т. 2, с. 62]. В этом же словаре описан целый ряд экспрессивных глаголов с основным значением ‘делать что-либо энергично, с азартом, увлечением, усердно’:

запольскивать (*Ръбятшики и дялох никаких ни знают, в лапту зъпалысквьют*) [22, т. 1, с. 280];

завизюливать (*Петькѣ вон с утра нъ баяни зъвизюливѣт*) [22, т. 1, с. 250];

забуздыкивать (*Дефкѣ у миня шыть больнѣ любит, па цѣлым дням зъбуздыквьѣт*) [22, т. 1, с. 246];

польскать (*Иш как щитъ палыщит*) [22, т. 2, с. 900];

нажваривать (*Глиди, как нажваривѣт, эдѣк скорѣ фсе картошки пасеит*) [22, т. 1, с. 591];

ухлыстывать и **ухмыстывать** (*Кто ухмыстывѣт, кто лучину держыт*) [22, т. 2, с. 1403].

При этом в словарных статьях указывается и на возможность применения этих глаголов в качестве интенсификаторов («употребляется для экспрессивного усиления значения глагола, к которому относится» [22, т. 1, с. 280]), что подтверждается соответствующими иллюстрациями:

запольскивать (*Вон чѣ старѣ-тѣ делѣт, капат-зъпалысквьѣт, фпириди фсех идѣт; А Нюркѣ пляшѣт-зъпалысквьѣт*) [22, т. 1, с. 280];

завизюливать (*Бывалъшкѣ фсе нъ абет идут, а мы фсѣ полим-зъвизюливѣм. Събярцуцѣ у школы и дают писняка, зъвизюливѣют*) [22, т. 1, с. 250];

забуздыкивать (*Весь день драва пилит-зъбуздыквьѣт*) [22, т. 1, с. 246];

польскать (*Бывалѣ пълыскали-работѣли*) [22, т. 2, с. 900];

ухлыстывать и **ухмыстывать** (*Сичяс яйцѣ-тѣ в диревни ни катают, фсе работѣют-ухлыстывѣют*) [22, т. 2, с. 1403].

В «Словаре говора села Суподеевка Ардатовского района Республики Мордовия» также зафиксировано использование глаголов в функции интерсификаторов:

катать – «употребляется для обозначения интенсивности действия любого рядом стоящего или подсказанного контекстом глагола» (*За нъч како сугробы надуль, люди фсе вышли вон катают, снел уд двороф откидывъют, и нам нады выходить, откапывыциць; Чай токь увезли последню скотину ис сафхозь-ть, туд жь ы зачли катать фсе постройки рзорять, как вороньи гнёзды, растаскывъть нъ дрова*) [19, т. 1, с. 297];

полыскать (*Ты баил, шть он нъ лисапети не можыт катаць, пьгляи – вон как полышчыт: педали ногами крутит; Она фчарась отаву в овраги косиль, а нони вон уш усат пьлыскат, картошки валят роит; Чай, и у нас сын-ът курит, вофсю пьлыскат*) [19, т. 2, с. 354];

шуровать – «употребляется для обозначения интенсивности действия любого рядом стоящего или подсказанного контекстом глагола» (*Фсе шуруют, на кладбишчы идут, нони паскальны родитили; Больнь уш фсе рань начли шуровать, картошки рыть, и сентября не стали дъжыдаць; Племянник гожь мне фсе рамы, налишники и крилец покрасил, везь день шуровал-старался; Ф колхози опять корма закончылись, опять крышы нъ коровникъх шуруют-рѣскрывают и кормют этъй соломь-ть скотину*) [19, т. 3, с. 160].

Из приведённых глаголов в русских говорах сопредельных регионов (Самарской, Пензенской, Рязанской областей, Башкирии) отмечены интенсификаторы **полыскать** и **заполыскивать**: *Молодые-то были, так спиш-полыщеш, а сейчас сну нету; Бывало прядеш-полыщеш всю зиму* [25, т. 29, с. 179]; *Торгуют (сахаром) с черного хода, заполыскивают* [25, т. 10, с. 341]; *Без штан ходю-запалыскиваю; Мы еще не обедали, а у людей вина напилися, писняка играют заполыскивают; Ана работать здаровая, ана работаить-запалыскиваить, вот бывала жнѣм вот запалыскиваим* [27, с. 190].

В интернете удалось найти единичный пример использования глагола **заполыскивать** в группе села Красный Лог Воронежской обл. «Краснологские словечки и выражения»: *заполыскивать* ‘делать что-то с особым азартом’ (*Прихожу – она полы заполыскивает-моет*) [27].

По данным «Словаря русских говоров Среднего Урала», а также «Опыта этноидеографического словаря русских говоров Среднего Урала», в функции интенсификаторов на Урале используются глаголы:

пластать (*Он увидел отса-та, дак на все паруса бежит-пластат; Пельмени-то кипят уж, пластают; Она пластат ревѣт*) [24, т. 4, с. 34; 14, с. 770];

заузаривать (*Как пойдѣшь косить, дак и заузаривашь-косишь*) [14, с. 769].

Следует указать, что использование глаголов в функции интенсификаторов, как правило, сопровождается основным использованием этого же глагола с широкой семантикой какой-либо интенсивной деятельности. Так, например, глаголы **забудыкивать**, **заполыскивать** чаще всего используются в значениях ‘делать что-либо с большой интенсивностью’ и ‘работать с большой интенсивностью’: *Ты чяво там зьбудыкьвьш? – Дь пасуду мою* [22, т. 1, с. 246]; *Я с тринацьти лет нъ таку-ть зьпалыскьвъла, ад большых ни ацтаваль* [22, т. 1, с. 280]. При этом контекстуально могут возникать самые разнообразные значения такого рода глаголов с преобладанием обязательной семы интенсивности: *Ванькь цѣльный день на улыцы зьпалыскьвът ис канца ф канец* [22, т. 1, с. 280]. Постепенно основная семантика глагола растворяется в семантике чистой интенсивности. «Одним из показателей семантической редукации является расширение круга явлений, подпадающих под действие интенсификатора, и соответствующее увеличение его сочетаемостных возможностей» [8, с. 219].

В русском языке глаголы-интенсификаторы не представляют собой исключительное явление, особенно для живой разговорной речи, достаточно вспомнить

такие лексические единицы, как *шуровать* или *наяривать*. Глагол *шуровать* представлен в «Словаре современного русского литературного языка» с пометой *спец.* в значении ‘перемешивать в топке горящее топливо (обычно подбрасывая новое)’, а также с пометами *перен., простореч.* в значении ‘проявлять, развивать энергичную деятельность; действовать энергично, с азартом’ [26, т. 17, стлб. 1616]. Глагол *наяривать* также представлен в «Словаре современного русского литературного языка» с пометой *простореч.* в значении ‘с усердием, энергично делать что-нибудь’ [26, т. 7, стлб. 687], в цитатах с этим глаголом чаще всего речь идёт об игре на музыкальных инструментах. Однако указанные глаголы всё же не «чистые» интенсификаторы, они приобретают контекстуальное значение: «Грязь там на улице-то, вишь дождик как наяривает. Левит. Целовальник. Слепые бандуристы поют, гармоника наяривает, где пляс идет, где песни. Скитал. Этапы.» [26, т. 7, стлб. 688].

Словарные фиксации глаголов-интенсификаторов позволяют соотнести употребление этих единиц с зонами мордовско-русских контактов (Республика Мордовия, Ульяновская, Самарская, Пензенская области, Республика Башкирия, Средний Урал). Наибольшее количество глагольных лексем с указанной функцией зафиксировано в словарях русских говоров непосредственно Республики Мордовия. В качестве сопоставительного материала приведём некоторые факты из мордовских языков. Известный исследователь мокшанского и эрзянского народов М.Е. Евсевьев указывает на наличие в мордовском языке парных глаголов, которые «образуются путем соединения двух близких по значению глаголов для выражения общего понятия: *витемс-петемс* – оправиться, оправляться, от *витемс* – поправить и *петемс* – спрятать концы (*пе* – конец). *Пиемс-паломс* – мучаться, маяться, – от *пиемс* – вариться и *паломс* – гореть. *Кевстемс-киведемс* – выспросить, выведать; от *кевстемс* – спросить; *ки* – дорога и *ведямс* – вести» [1, с. 132]. Двойные глаголы в мордовском языке весьма употребительны, они придают речи экспрессивность. Далее учёный пишет: «Быстрота и краткость действий в мордовском языке обозначается путём присоединения к основному глаголу вспомогательного глагола *теемс* – (делать); *аштинь-теинь* – посидел я малость (букв: посидел-делал); *ярцынь-теинь* – поел наскоро, немного; *аварьць-тейсь* – поплакал немного; *елмсь-тейсь ды тусь* – попил наскоро и ушел; *оймсець-тейсь, таго тусь* – отдохнул немного и опять ушёл» [1, с. 133]. Б.А. Серебrenников пишет об этом глаголе (эрзя *теемс*, мокша *тиемс*) как о самобытном мордовском явлении, которое не имеет параллелей в других уральских языках. «Глагол *tejems, tijəms* употребляется в мордовских языках как вспомогательный глагол, в роли сопроводителя форм 1-го прошедшего времени для выражения маломерности действия, например эрз. *jarcun-tein* ‘поел немного’, *čaraš-lejš* ‘покружился’, *aštešt'-tejšt'* ‘посидели’, мокш. *jarxcaš-tiš* ‘поел’ и т.д.» [9, с. 209]. Парные глаголы являются, прежде всего, фактами речи, хотя некоторые наиболее частотные попадают и в словари мордовского языка.

Эти данные не свидетельствуют о том, что парные глаголы в мордовском языке являются прямой аналогией глаголов-интенсификаторов в русских говорах, они лишь показывают потенциальные возможности мордовской грамматики выражать дополнительные оттенки значения глагольного действия аналогичным способом.

Заключение. Специфика региональных интенсификаторов (*валить, валять, запольскивать, пластать* и др.) заключается в том, что сема интенсивности становится у этих глаголов единственной, как у усилительной частицы. Скорее всего, региональные словари не отражают полную картину употребления таких глаголов, так как для этого необходим анализ текстов, а не иллюстративных материалов. Но тогда тем более интересно присутствие значительного числа глаголов-интенсификаторов в словарных материалах по Республике Мордовия и сопредельным областям. Таким образом, если глаголы-заместители изначально асемантически и наполняются значением

лишь ситуативно (контекстуально), то глаголы-интенсификаторы превращаются в подобие служебных элементов с единственной семой интенсивности при основном глаголе. В функциональном отношении глаголы-заместители и глаголы-интенсификаторы принадлежат к региональным явлениям разного типа: глаголы-заместители (*этовать* и подобные) являются не диалектными, а региолектными элементами, они характерны для разговорной речи широких слоёв населения. Глаголы-интенсификаторы представляют собой довольно широкий круг диалектных единиц с территориальной вариативностью, соотнесённость этих единиц с определённым ареалом требует дальнейших исследований.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РАЙОНОВ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Инзен. – Инзенский.
 Карсун. – Карсунский.
 Мелекес. – Мелекесский.
 Николаев. – Николаевский.
 Сенгилеев. – Сенгилеевский.
 Старомайн. – Старомайнский.
 Сур. – Сурский.
 Чердаклин. – Чердаклинский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евсевьев М.Е. Основы мордовской грамматики / М.Е. Евсевьев. – М.: Центриздат, 1931. – 241 с.
2. Закревская В.А. Местоглагольные слова в архангельских говорах / В.А. Закревская // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции 23-25 марта 2004 г. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М., 2004. – С. 50–51.
3. Коряковцева Е.И. Динамика оценочных интенсификаторов в русском языке XXI в.: словообразовательный и семантический аспекты / Е.И. Коряковцева, Л.В. Рацибурская, М.В. Сандакова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 6–19. – doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.1.
4. Кунщина В.С. Глаголы с местоименной семантикой в современном русском языке: история вопроса и проблематика / В.С. Кунщина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 5. Ч. 3. – С. 108–111.
5. Маврина Т. Сохондинский феномен / Т. Маврина // Веси. – №1 (87). – Екатеринбург: 2013. – С. 37–40.
6. Мызникова Я.В. Заместительные глаголы как региональный компонент в говорах Поволжья / Я.В. Мызникова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. – СПб., 2014. – С. 550–557.
7. Рацибурская Л.В. Словообразовательные и лексические интенсификаторы в современном русском языке: активные процессы / Л.В. Рацибурская, М.В. Сандакова // Русский язык в школе. – 2023. – Т. 84, № 6. – С. 69–80. – doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-6-69-80.
8. Сандакова М.В. Тенденции развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода / М.В. Сандакова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – № 4. – С. 217–226.
9. Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1967. – 262 с.
10. Федюнёва Г.В. О статусе местоглаголия в языке / Г.В. Федюнёва // Вопросы языкознания. – 2011. – № 2. – С. 89–96.
11. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.
12. Юздова Л.П. Неолексема *этовать* в свете экологии языка / Л.П. Юздова // Вестник Курганского государственного университета. – 2019. – № 1 (52). – С. 148–150.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А.Е. Аникин. – Москва; Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.

14. Востриков О.В. Словарь русских говоров Свердловской области: (этноидеографический): учебно-справочное пособие / [автор-составитель] О.В. Востриков; [под общей редакцией В.В. Липиной]. – Екатеринбург: Учебная книга, 2007. – 4220 с.
15. Говорим по-сибирски: Этовать / Святая Сибирь | Holy Siberia // Дзен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/XPD2ENLE-ACvojFx> (дата обращения: 25.10.24).
16. Забайкальские слова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarzb.ucoz.org/> (дата обращения: 25.10.24).
17. Краснологские словечки и выражения // Одноклассники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m.ok.ru/group/53755136049155/topic/152472676403203> (дата обращения: 02.11.24).
18. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков / Н.М. Малеча. – В 4-х тт. – Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2002.
19. Словарь говора села Суподеевка Ардатовского района Республики Мордовия, учебное пособие, в 2-х ч. / авторы-составители: А.И. Витов [и др.], под общ. ред. Э.Н. Акимовой. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2022. – 524 с.
20. Словарь забайкальского языка – Слова Забайкалья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zabslova.ru/> (дата обращения: 25.10.24).
21. Словарь русских говоров Башкирии: А–Я / под ред. З.П. Здобновой. – Уфа, 2008. – 405 с.
22. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / под ред. Р. В. Семенковой. – Чч. I–II. – СПб.: Наука, 2013. – 672 с.
23. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Дополнительный выпуск / под ред. Э.Н. Акимовой. – СПб.: Наука, 2015. – 243 с.
24. Словарь русских говоров Среднего Урала: – В 7 тт. / Под ред. А.К. Матвеева; Урал ун-т. – Свердловск; Екатеринбург, 1964–1996.
25. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой, С.А. Мызникова. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. – Вып. 1–52.
26. Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. / Под ред. В.И. Чернышева (глав. ред.) и др. – М.–Л., 1948–1965.
27. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969. – 616 с.
28. Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Том 1 / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафронов, М.П. Чередникова и др. – М.: «Индрик», 2012. – 656 с.
29. Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Том 2 / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафронов, М.П. Чередникова и др. – М.: «Индрик», 2012. – 656 с.
30. Четыре классных сибирских глагола [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russianpodcast.eu/cool-siberian-verbs.html> (дата обращения: 25.10.24).
31. Что это? Наш местный сибирский диалектизм? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://otvet.mail.ru/question/214320011> (дата обращения: 25.10.24).
32. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке / Е.Н. Шипова. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 444 с.
33. Ярославский областной словарь: в 10-ти тт. / Под ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль, 1981–1991.

REFERENCES

1. Evsev'ev M.E. (1931). *Osnovy mordovskoj grammatiki* [The Basics of Mordovian Grammar]. (241 p.) Moscow: Centrizdat (In Russian).
2. Zakhrevskaja V.A. (2004). *Mestoglagol'nye slova v arhangel'skih govorah* [Place Verb Words in Arkhangelsk Dialects] in *Problemy sovremennoj russkoj dialektologii. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii 23–25 marta 2004 g.* In-t russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN [Problems of Modern Russian Dialectology. Abstracts of Reports of the International Conference on March 23–25, 2004. Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradov RAS]. (Pp. 50–51). Moscow (In Russian).
3. Korjakovceva E.I., Raciburskaja L.V., Sandakova M.V. (2021). *Dinamika ocenochnyh intensivatorov v russkom jazyke XXI v.: slovoobrazovatel'nyj i semanticheskij aspekty* [Dynamics of Evaluative Intensifiers in the Russian Language of the 21st Century: Word-formation and Semantic Aspects] in *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Episode 2, Linguistics]. Vol. 20 (5), pp. 6–19. doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.1 (In Russian).
4. Kunshina V.S. (2016). *Glagoly s mestoimennoj semantikoj v sovremennom russkom jazyke: istorija voprosa i problematika* [Verbs with Pronominal Semantics in Modern Russian: History of the Issue and

Problems] in Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. Tambov: Gramota. Vol. 5 (3), pp. 108–111 (In Russian).

5. Mavrina T. (2013). Sohondinskij fenomen [Sokhondo Phenomenon] in Vesi. No 1 (87). Ekaterinburg. Pp. 37–40 (In Russian).

6. Myznikova Ja.V. (2014). Zamestitel'nye glagoly kak regional'nyj komponent v govorah Povolzhja [Substitutive Verbs as a Regional Component in Dialects of the Volga Region] in Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) 2014 [Lexical Atlas of Russian Vernacular Dialects (Materials and Research) 2014]. (Pp. 550–557). Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya (In Russian).

7. Raciburskaja L.V., Sandakova M.V. (2023). Slovoobrazovatel'nye i leksicheskie intensivatory v sovremennom russkom jazyke: aktivnye processy [Word-formation and Lexical Intensifiers in Modern Russian: Active Processes] in Russkij jazyk v shkole [Russian Language at School]. Vol. 84 (6), pp. 69–80. doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-6-69-80 (In Russian).

8. Sandakova M.V. (2020). Tendencii razvitija klassa leksicheskikh intensivatorov v russkom jazyke novejshego perioda [Trends in the Development of the Class of Lexical Intensifiers in the Russian Language of the Modern Period] in Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. Vol 4, pp. 217–226 (In Russian).

9. Serebrennikov B.A. (1967). Istoricheskaja morfologija mordovskih jazykov [Historical Morphology of the Mordovian Languages]. (262 p.) Moscow: Nauka (In Russian).

10. Fedjunjova G.V. (2011). O statute mestoglagolija v jazyke [On the Status of Place Verbs in the Language] in Voprosy jazykoznanija [Questions of Linguistics]. Vol. 2, pp. 89–96 (In Russian).

11. Shvedova N.Ju. (1998). Mestoimenie i smysl. Klass russkih mestoimenij i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva [Pronoun and Meaning. The Class of Russian Pronouns and the Semantic Spaces They Open]. Moscow: Azbukovnik (In Russian).

12. Juzdova L.P. (2019). Neoleksema etovat' v svete ekologii jazyka [Neolexeme Etovat in the Light of the Ecology of Language] in Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kurgan State University]. Vol. 1 (52), pp. 148–150 (In Russian).

Поступила в редакцию 19.11.2024 г.

SUBSTITUTE VERBS AND VERBS-INTENSIFIERS IN MIDDLE VOLGA AREA AS REGIONAL PHENOMENA

Y.V. Myznikova

The paper deals with verbs that are characterized by incomplete, "flawed" semantics, and that are registered in the speech of the Ulyanovsk region residents. One of the groups of such verbs includes derivatives from the base of a demonstrative pronoun. These verbs substitute the corresponding full-fledged words. Their meaning depends on the context they are used in. Substitute verbs often function as euphemisms for obscene vocabulary and are actively used by residents of cities in Siberia, the Urals and the Volga region. Another group of verbs with weakened semantics includes lexemes, the main meaning of which is 'to do something intensively, energetically, diligently'. A number of such verbs have been registered in the Middle Volga region dialects, among them are *valit*, *zapolyskivat*, *katat*, etc. Verbs-intensifiers also depend on the context, i.e. they can be full-fledged, but also can be used to indicate the intensity of the action of any adjacent verb. The verbs-intensifiers manifest themselves most actively in Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia and in adjacent regions.

Keywords: substitute verbs, verbs-intensifiers, expressive vocabulary, regionalisms, dialect vocabulary, contextual meaning, Russian dialects of the Middle Volga region, language contacts.

Мызникова Янина Валерьевна.

Кандидат филологических наук.
Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург, Российская
Федерация.

Доцент кафедры русского языка.

ORCID 0000-0003-1092-8219.

E-mail: janinam@mail.ru.

Myznikova Yanina Valeryevna.

Candidate of Philology.
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg,
Russian Federation.

Associate Professor of Russian Language Department.

ORCID 0000-0003-1092-8219.

E-mail: janinam@mail.ru.

Научная статья

УДК 811

DOI: 10.5281/zenodo.14284008

ТРУДНОСТИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТНЫХ СТАТЬЯХ

© 2024 *О.Н. Поддубская¹, В.В. Дарьина²*

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный гуманитарно-технологический университет»

ORCID¹: 0000-0003-1067-7499

ORCID²: 0009-0005-9490-4573

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье представлен сопоставительный анализ качества машинного и человеческого перевода на примере новостной статьи «Revealed: Tories failed to do impact check before approving banned pesticide» из самой читаемой британской газеты «The Guardian», датированной 24 июля 2024 года. По причине отсутствия официального перевода этой статьи на русский язык внимание уделяется использованию передовых онлайн-переводчиков, таких как DeepL, Google Переводчик, Reverso, Microsoft Bing и Яндекс Переводчик. Анализ фокусируется на культурно-специфических элементах, идиомах и специализированной терминологии, которые могут представлять трудности для машинного перевода. Выявленные недостатки в переводах подчеркивают необходимость участия человека-переводчика для обеспечения точности и адекватности перевода, особенно в лексически сложных и культурно насыщенных текстах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинный перевод, человеческий перевод, культурно-специфические элементы, идиомы, специализированная терминология, качество перевода, онлайн-переводчики.

Для цитирования: Поддубская О.Н. Трудности машинного перевода культурно-специфических элементов в англоязычных новостных статьях / О.Н. Поддубская, В.В. Дарьина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 94–103. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14284008>.

Введение. В свете недавних новостей, опубликованных в газете «The Guardian» 24 июля 2024 года, статья предоставляет анализ того, насколько качественно передовые онлайн-переводчики справляются с переводом культурно специфических и специализированных терминов. Новизна исследования заключается в сравнении различных переводчиков и оценке их эффективности на примере актуального и сложного текста, что позволяет определить степень адекватности машинного перевода и необходимости участия человека-переводчика. Анализ терминов и культурно-специфических элементов в лингвистике релевантен, поскольку он позволяет понять, как язык отражает и формирует культурную идентичность, модели общения и общественные ценности. Статья дает представление о сложностях и нюансах, связанных с переводом, и подчеркивает необходимость культурной осведомленности в лингвистической практике в современном мире. Значимость исследования заключается в интеграции анализа современных технологий, культурных и лингвистических аспектов перевода, а также в разработке новых стратегий перевода. Прикладная

ценность проявляется в актуальности исследования для профессиональных переводчиков, преподавателей и студентов. Предлагаемые рекомендации могут быть использованы для образовательных программ и программ повышения квалификации, а также для улучшения качества машинного перевода. Сказанное делает исследование полезным как для теории, так и для практики перевода, а также способствуют улучшению межкультурной коммуникации в глобализированном мире.

Материалы и методы исследования. Для проведения исследования была взята статья «Revealed: Tories failed to do impact check before approving banned pesticide» из британской газеты «The Guardian» от 24 июля 2024 года [11]. Анализ основывается на сопоставлении переводов, выполненных с помощью передовых онлайн-переводчиков (DeepL, Google Переводчик, Reverso, Microsoft Bing, Яндекс Переводчик) и человека-переводчика [4]. Используемые методы включают детальный разбор перевода культурно-специфических элементов, идиом и терминологии, а также оценку качества перевода в контексте точности и адекватности передачи информации.

Основная часть. Машинный перевод стремительно развивается и за последние годы добился значительных успехов, однако вопрос о том, сможет ли он полностью заменить труд переводчиков-людей, остается открытым. Алгоритмы машинного перевода способны оперативно обрабатывать большие объемы текста, что делает их полезными для быстрого анализа информации. Они отлично справляются с переводом простых и часто встречающихся фраз, а также стандартных документов. Тем не менее, машинный перевод сталкивается с трудностями при работе со сложными структурами, идиоматическими выражениями и культурно-специфическими элементами, требующими глубокого понимания контекста и нюансов переводимого языка. Более того, тон и стиль текста, особенно в СМИ, играют ключевую роль для правильного восприятия информации, и здесь человеческий перевод имеет значительное преимущество [3].

Понимание и точный перевод культурных элементов и идиоматических выражений чрезвычайно важны, поскольку правильный перевод, во-первых, гарантирует, что переведенный текст сохраняет ту же контекстуальную значимость, что и оригинал; во-вторых, обеспечивает резонанс с целевой аудиторией, помогает сохранить предполагаемый эффект текста, чтобы перевод был не только лингвистически точным, но и культурно уместным; в-третьих, обеспечивает эффективность коммуникации, преимущественно в новостных статьях, направленных на информирование читателя и влияние на общественное мнение [1].

В английском языке новостные статьи часто пишутся по структуре, используемой в ведущих изданиях, таких как The Guardian. Основные компоненты такой статьи включают заголовок, лид (краткое вступление), основную часть статьи и заключение. Заголовок должен привлекать внимание и четко отражать суть новости, а также предоставлять читателю ключевую информацию в сжатой форме, часто отвечая на вопросы *кто?*, *что?*, *где?*, *когда?* и *почему?*. Основная часть статьи подробно описывает событие, добавляя контекст, цитаты и дополнительную информацию. Заключение включает в себя прогнозы, возможные последствия или реакцию на событие [6].

Переводчику необходимо знать структуру статьи, чтобы грамотно донести смысл до читателя, однако в век современных технологий машинный перевод имеет перспективу стать важным инструментом в работе, особенно для предварительного перевода или обработки больших объемов текста, поскольку знания о структуре статьи уже встроены в искусственный интеллект онлайн-переводчиков [5].

Для того чтобы произвести сравнительный анализ перевода человека и машинного перевода, обратимся к статье «Revealed: Tories failed to do impact check before approving

banned pesticide» в британской газете The Guardian. Статья датирована 24 июля 2024 года, что является вполне актуальным на сегодняшний день. Данная газета не имеет официальных переводов на русский язык, поэтому очевидно, что читатели обращаются к передовым переводчикам, из которых особенно выделяют DeepL, Google Переводчик, Reverso, Microsoft Bing и Яндекс Переводчик. Прежде чем мы перейдем к непосредственному анализу, определим возможные сложности, которые могут вызывать затруднения не только у онлайн-переводчика, но и у лингвиста [2, с. 30].

Приведем список встречающихся в статье особенностей, которые будут рассмотрены с точки зрения качественного человеческого перевода [9, с. 67].

Культурно-специфические элементы. В статье представлен целый ряд культурных отсылок и идиоматических выражений, характерных для Великобритании. Сюда входят упоминания политических партий, правительственных органов и разговорные выражения, которые имеют особый подтекст в культурных рамках Великобритании.

Термин *Tories* в заголовке отсылает к Консервативной партии Великобритании. В данном случае имя собственное правильно будет перевести в единственном числе, как *Тори*, поскольку название устоялось в таком виде.

Юридические органы *The Department for Environment, Food and Rural Affairs (Defra)* и *The Office for Environmental Protection (OEP)*, исходя из англо-русского словаря аббревиатур, следует перевести, как *Министерство окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства* и как *Управление по охране окружающей среды*. В России нет прямого аналога, который бы в полной мере соответствовал этим двум организациям, однако есть несколько организаций, которые выполняют схожие функции: Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды России), Министерство сельского хозяйства Российской Федерации (Минсельхоз России) и Росприроднадзор (Федеральная служба по надзору в сфере природопользования). Так, функции *Defra* в России распределены между Минприроды России и Минсельхозом России, а функции *OEP* выполняются Росприроднадзором.

Conservation of Habitats and Species Regulations 2017 – законодательная база, созданная в 2017 году для защиты сред обитания и видов, обеспечивающая устойчивые усилия по их сохранению. В России существует статья 22 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире», которая посвящена сохранению среды обитания объектов животного мира, что приближает к реалиям британской организации.

Cruiser SB – особый вид неоникотиноидного пестицида. В контексте новостной статьи – спорный пестицид, разрешенный к применению.

Организация *Health and Safety Executive* – это британское агентство, отвечающее за регулирование охраны здоровья и безопасности на рабочем месте, которое предоставило рекомендации против одобрения пестицида. Отдел техники безопасности и охраны труда – идентичное название существует и в русском языке.

Wildlife Trusts – фонд охраны диких животных или же фонд дикой природы, если адаптировать под реалии русского языка. Является федерацией британских благотворительных организаций, занимающихся охраной природы.

Sites of Special Scientific Interest (SSSIs) – согласно англо-русскому словарю нормативно-технической терминологии, это территория Великобритании, представляющая особый интерес с точки зрения флоры, фауны, геологии и др., которая находится под защитой государства. Ближайший перевод будет звучать, как *участок особого научного значения*, а аналог в русском языке – *земли особо охраняемых территорий*.

Office for Environmental Protection (OEP) – управление охраны окружающей среды, а именно орган в Великобритании, осуществляющий надзор за соблюдением экологического законодательства. В России существует идентичная организация.

Client Earth – организация, занимающаяся экологическим правом и инициировавшая жалобу, приведшую к расследованию. Чтобы привлечь внимание читателя на указанную организацию, малоизвестную среди российских читателей, не следует переводить название.

NFU Sugar и *British Sugar* – отраслевые органы, представляющие интересы фермеров и производителей сахарной свеклы в Великобритании. Аналогично предыдущему, чтобы привлечь внимание читателя на данные органы, не следует переводить их названия.

Buglife – британская благотворительная организация по охране природы, занимающаяся беспозвоночными животными. Чтобы привлечь внимание читателя на представленную организацию, малоизвестную российским читателям, не рекомендуется переводить название.

Special protection areas – особо охраняемые территории, которые находятся под защитой из-за их экологической значимости, часто являясь местом обитания уязвимых или исчезающих видов. Перевод аналогичен – *особо охраняемая территория*.

Идиомы. Идиомы – это устойчивые выражения или фразы, значение которых не следует буквально из значений отдельных слов. В переводе на русский язык важно учитывать их переносный смысл, а не переводить дословно, чтобы сохранить культурные особенности оригинала [7, с. 187].

Идиома *death blow* имеет два значения: удар или воздействие, приводящее к немедленной смерти; событие, которое приводит к резкому завершению чего-либо. В контексте статьи (*described as a "death blow to wildlife"*) логичнее всего перевести как *смертельный удар по природе*, поскольку идиома используется для описания серьезного негативного воздействия, которое может оказать одобренный пестицид на дикую природу.

Greenlighting the use – *дать зелёный свет на использование*, в русском языке идентично. В приведенном контексте означает одобрение правительством запрещенного пестицида.

Met with scorn – описывает реакцию участников кампании на обоснование, предоставленное чиновниками. Аналог для перевода – *принятый с презрением или пренебрежением*.

Quite frankly – используется оратором, чтобы представить прямое и честное мнение. В русском – *говорить открыто и честно, иногда прямо*.

Терминология. Статья включает в себя совокупность специализированных слов и выражений, используемых в определенной области знаний или деятельности. Эти термины необходимы для точного и однозначного описания концепций, процессов и объектов в рамках данной области [10, с.224]. Эта терминология включает в себя следующую единицу.

Emergency approval – временное разрешение, выдаваемое при определенных срочных условиях в обход стандартных нормативных процедур. Варианты перевода: *утверждение в чрезвычайных ситуациях* или *экстренное разрешение*.

Legally required assessment – оценка, предписанная законом для определения потенциального воздействия решения или действия, обычно связанного с проблемами окружающей среды или здоровья населения. Варианты перевода: *по закону обязаны* или *юридически обязаны*.

Stewardship programme – набор руководящих принципов или практик, предназначенных для обеспечения ответственного управления ресурсами. Варианты перевода: «программа рационального использования» или «программа контроля».

Biodiversity targets – конкретные задачи по сохранению или увеличению биологического разнообразия. Варианты перевода: цели в области биоразнообразия или целевые показатели в области биоразнообразия.

После проведенного анализа языкового материала статьи обратимся к популярным онлайн-переводчикам. Ниже приведем результаты перевода и наличие совпадений с истинным переводом, который требуется в данном контексте, используя DeepL, Google переводчик, Reverso, Microsoft Bing и Яндекс переводчик (Таб.1).

Таблица 1. Результаты машинного перевода

	DeepL	Google Переводчик	Reverso	Microsoft Bing	Яндекс Переводчик
Tories	Тори	Тори	Тори	Тори	Консерваторы
The Department for Environment, Food and Rural Affairs (Defra)	Министерство окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства (Defra)	Департамент по охране окружающей среды, продовольствия и сельским делам (Defra)	Департамент по охране окружающей среды, продовольствия и сельских дел (DEFRA)	Министерство окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства (Defra)	Министерство окружающей среды, продовольствия и по делам сельских районов (Defra)
The Office for Environmental Protection (OEP)	Управление по охране окружающей среды (OEP)	Управление по охране окружающей среды (OEP)	Управление по охране окружающей среды (ВПЭ)	Управление по охране окружающей среды (OEP)	Управление по охране окружающей среды (OEP)
Conservation of Habitats and Species Regulations 2017	Положение о сохранении сред обитания и видов 2017 года	Положение об охране местообитаний и видов 2017 года	Положение о сохранении сред обитания и видов 2017	Правила сохранения среды обитания и видов 2017 года	Закон о защите окружающей среды", правил в отношении местообитаний и видов на 2017 год
Cruiser SB	Cruiser SB	Cruiser SB	Cruiser SB	Cruiser SB	Cruiser SB
Health and Safety Executive	Исполнительный комитет по охране здоровья и безопасности	Исполнительный комитет по охране здоровья и безопасности	Исполнительный комитет по вопросам здравоохранения и безопасности	Исполнительный комитет по здравоохранению и безопасности	Управление здравоохранения и безопасности
Wildlife Trusts	Wildlife Trusts	Wildlife Trusts	Фонд защиты дикой природы	Фонд дикой природы	Wildlife Trusts
Sites of Special Scientific Interest	Объекты, представляющие особый научный интерес	Участки особого научного интереса	Участки особой научной важности	Участки особого научного интереса	Объекты, представляющие особый научный интерес
Office for Environmental Protection (OEP)	Управление по охране окружающей среды (OEP)	Управление по охране окружающей среды (OEP)	Управление по охране окружающей среды (OEP)	Управление по охране окружающей среды (OEP)	Управление по охране окружающей среды (OEP)
Client Earth	Client Earth	Client Earth	Client Earth	Client Earth	Client Earth

NFU Sugar и British Sugar	NFU Sugar и British Sugar	NFU Sugar и British Sugar	NFU Sugar и British Sugar	NFU Sugar и British Sugar	NFU Sugar и British Sugar
Buglife	Buglife	Buglife	Buglife	Buglife	Buglife
Special protection areas	Зоны особой охраны	Особо охраняемые территории	Особые охранные зоны	Специальные охраняемые зоны	Зоны особой охраны
Death blow	«Смертельный удар по дикой природе»	«Смертельный удар по дикой природе»	«Смертельный удар для дикой природы»	«Смертельный удар по дикой природе»	«Смертельный удар по дикой природе»
Greenlighting the use	«Зеленый свет» на использование	Одобрение использования	Зеленый свет использованию	Использование	Разрешение на использование
Met with scorn	С презрением встречено	Было встречено с презрением	Было встречено с презрением	Было встречено с презрением	Было встречено с презрением
Quite frankly	Откровенное	Честно говоря	Откровенно	Откровенно	Откровенно говоря
Emergency approval	Экстренные разрешения	Экстренные разрешения	Чрезвычайные разрешения	Чрезвычайные разрешения	Экстренные разрешения
Legally required assessment	Требуемую законом оценку	Требуемую законом оценку	Юридически обязательную оценку	Требуемую законом оценку	Требуемую законом оценку
Stewardship programme	Строгая программа управления	Строгая программа управления	Строгая программа управления	Строгая программа управления	Строгая программа управления
Biodiversity targets	Множество целей в области биоразнообразия	Множество предстоящих целей по сохранению биоразнообразия	Несколько надвигающихся целей в области биоразнообразия	Множество надвигающихся целей по биоразнообразию	Множество предстоящих задач по сохранению биоразнообразия

Не указанные в таблице слова и словосочетания подразумевают, что все онлайн-переводчики донесли смысл правильно.

Ниже представлен анализ таблицы машинного перевода.

Культурно-специфические элементы:

Tories: большинство машинных переводчиков, кроме Яндекс Переводчика, правильно перевели термин как *Тори*. Яндекс Переводчик перевел это как *Консерваторы*, что технически правильно, но не соответствует устоявшемуся термину.

The Department for Environment, Food and Rural Affairs (Defra): варианты переводов различаются, но DeepL и Microsoft Bing дали наиболее точный перевод, соответствующий использованию в России.

Conservation of Habitats and Species Regulations 2017: переводы различаются, но DeepL и Google дали наиболее точные переводы, соответствующие контексту.

Health and Safety Executive: DeepL и Google дали наиболее точный перевод.

Wildlife Trusts: большинство переводчиков оставили название без перевода, что правильно. Reverso и Microsoft Bing предложили более адаптированный перевод, что тоже приемлемо.

Sites of Special Scientific Interest: Google и Microsoft Bing дали наиболее точный перевод.

Special protection areas: переводы различаются, но большинство переводчиков дали правильный перевод.

Идиомы:

Greenlighting the use: переводы различаются. DeepL и Google дали наиболее точный перевод.

Терминология:

Stewardship programme: все переводчики дали один и тот же перевод, который не совсем соответствует контексту.

Biodiversity targets: переводы различаются. Google и Microsoft Bing дали наиболее точный перевод.

Онлайн-переводчики в большинстве случаев передают точность перевода, тем не менее, есть случаи, когда переводы могут быть некорректными или не полностью соответствовать контексту. Например, переводы терминов *The Department for Environment, Food and Rural Affairs (Defra)* и *Stewardship programme* варьируются, и не все варианты перевода полностью соответствуют контексту, что демонстрирует разнообразие формулировок при переводе и подчеркивает необходимость человеческого опыта для обеспечения контекстуальной и культурно приемлемой интерпретации. Кроме того, неспособность машинных переводчиков предоставлять пояснения или контекстуальные разъяснения ограничивает их эффективность при переводе сложных текстов и новостных статей, предназначенных для русскоязычной аудитории.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют различия в эффективности систем машинного перевода при обработке текстов разной сложности. Инструменты, такие как DeepL и Google Translate, нередко показывают наиболее точные результаты, особенно при переводе культурно-специфических терминов, а также идиоматических выражений, например *greenlighting the use*. Тем не менее, наблюдаемые расхождения в переводе терминов указывают на то, что ни одна из существующих систем машинного перевода не обеспечивает стабильного и контекстуально адекватного результата. Данная вариативность подчеркивает необходимость осознанного выбора конкретного инструмента для выполнения переводческих задач, с учетом его сильных и слабых сторон.

Применение машинного перевода для новостных, профессиональных или технически сложных текстов сопряжено с рисками возникновения ошибок, которые могут привести к серьезным недоразумениям. Полученные выводы на основе таблицы подтверждают ключевую роль переводчиков-людей в преодолении языковых и культурных барьеров, поскольку именно они способны учитывать контекстуальные тонкости и культурные особенности, которые современные машины пока не могут полноценно воспроизвести.

На основании анализа использования различных онлайн-переводчиков, можно предложить следующие рекомендации для перевода текстов, содержащих культурно-специфические элементы, идиомы и специализированную терминологию:

1. Используйте проверенные словари и справочники для перевода официальных названий. Например, для перевода *The Department for Environment, Food and Rural Affairs (Defra)* и *The Office for Environmental Protection (OEP)* следует опираться на специализированные англо-русские словари аббревиатур, чтобы получить корректные варианты.

2. Оставляйте оригинальные названия организаций или терминов, если они не имеют широко известных аналогов в русскоязычном пространстве. Например, такие

названия, как *Client Earth*, *NFU Sugar*, *British Sugar* и *Buglife*, лучше оставить без перевода, чтобы подчеркнуть их оригинальное значение и привлечь внимание читателя.

3. Интерпретируйте перевод в зависимости от контекста и российских реалий, особенно если прямого аналога в русском языке нет. Например, *Conservation of Habitats and Species Regulations 2017* можно интерпретировать как *Законодательная база по охране среды обитания и видов 2017 года* со ссылкой на российские экологические законы, чтобы облегчить восприятие для русскоязычной аудитории.

4. Идиомы следует переводить с учетом их переносного смысла и контекста.

5. Учитывайте эмоциональную окраску идиом, что особенно важно для новостных и публицистических текстов. Например, *met with scorn* следует перевести как *принятый с презрением*, чтобы сохранить негативный оттенок словосочетания.

6. Для сложной терминологии используйте уточненные варианты перевода, с опорой на контекст.

7. Проверяйте согласованность терминов в тексте: следует придерживаться единого перевода, чтобы избежать путаницы.

8. Используйте DeepL или Google Translate для первичного анализа специализированных текстов, так как они чаще всего дают наиболее точные результаты для перевода терминологии и культурно-специфических элементов. Однако итоговый текст требует обязательной проверки и корректировки переводчиком-экспертом.

Безусловно, машинный перевод достиг значительных успехов и может быть полезен для быстрого и общего понимания текста. Однако, учитывая проведенное исследование, можно заключить, что машинный перевод не всегда справляется с культурно-специфическими элементами, идиомами и специализированной терминологией. Более того, машинные переводчики не делают ссылок и не поясняют контекст для русскоговорящего читателя, что значительно затрудняет понимание истинного смысла статьи. Для достижения максимальной точности и адекватного перевода, особенно в контексте новостных статей и сложных текстов, требуется участие человека-переводчика, который может учитывать нюансы, контекст и культурные отсылки, что пока выходит за рамки возможностей машинного перевода [8, с. 67].

Заключение. Сравнительный анализ машинного и человеческого перевода выявил значительные недостатки технологий в передаче контекста, культурных особенностей и специализированной терминологии. Особенно это проявляется при переводе сложных текстов, таких как юридическая, научная или журналистская документация, где даже незначительные ошибки могут привести к серьезным последствиям, что подчеркивает ограниченность машинных переводчиков в обработке контекстуальных и культурных нюансов.

Итак, вопрос о том, может ли машинный переводчик полностью заменить профессионального переводчика, остается открытым для обсуждений. Машинные инструменты полезны для перевода простых текстов, не несущих в себе специфических особенностей страны изучаемого языка, но не могут передавать сложные языковые нюансы, контекст и культурные особенности с той же точностью и качеством, как профессиональные переводчики. Обладая специализированными знаниями, опытом и чувством языка, профессиональные переводчики создают точные и качественные переводы новостных статей, углубляясь в культурно-специфические элементы языка.

Переводчики-люди могут учитывать тонкие оттенки значений, эмоциональные аспекты и культурные различия, которые важны для создания точного и достоверного перевода. Они способны адаптировать текст под целевую аудиторию, сохраняя его оригинальный смысл и стиль. В то время как машинный перевод может служить

полезным инструментом и помощником, он вряд ли сможет полностью заменить профессиональных переводчиков в ближайшее время, особенно в областях, требующих высокой точности и чувствительности к нюансам языка.

Таким образом, будущее переводческой индустрии заключается не в полной роботизации или ее полном отрицании, а в нахождении гармонии. Баланс между искусственным интеллектом и человеческим талантом – ключ к качественному, культурно-адаптированному и доступному переводу в эпоху глобализации. Только сочетая лучшие качества машины и человека, можно достичь выдающихся результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банарцева А.В. Языковые переводы: человек vs. машинный перевод / А.В. Банарцева // Вестник науки и образования. – 2018. – №8 (44). – С. 50–53.
2. Брандес М.П. Предпереводческий анализ текста / М.П. Брандес, В.И. Провоторов. — М.: НВИ-Тезаурус; Издание 3-е, стер., 2021. – 224 с.
3. Гарбовский Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М.: МГУ, 2021. – 544 с.
4. Головки Д.Р. Особенности и виды машинного перевода / Д.Р. Головки // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2020. №4. – С. 24–30.
5. Раренко М.Б. Машинный перевод: от перевода «по правилам» к нейронному переводу / М.Б. Раренко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Языкознание: Реферативный журнал. – 2021. – №3 – С. 70–79.
6. Спиридовский О.В. Переводческие трансформации и стратегии перевода в сфере политической коммуникации (на материале англоязычных СМИ) / О.В. Спиридовский, И.Н. Яковлева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – №10. – С. 205–210.
7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. Лингвистические проблемы / А.В. Федоров. — М.: Филология три, 2021. – 416 с.
8. Чернов Г.В. Основы синхронного перевода / Г.В. Чернов. – М.: Высшая школа, 2020. – 256 с.
9. Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура / Л.А. Черняховская. — М.: Международные отношения, 2022. – 264 с.
10. Шилова А.И. Особенности передачи структуры и содержания англоязычной научной статьи при переводе на русский язык / А.И. Шилова // Молодой ученый. – 2023. – № 18 (465). – С. 223–225.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. The Guardian. Revealed: Tories failed to do impact check before approving banned pesticide [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/environment/article/2024/jul/24/uk-government-impact-approving-banned-pesticide-cruiser-sb-nature-assessment> (дата обращения: 24.07.2024).

REFERENCES

1. Banartseva A.V. (2018). Yazykovye perevody: chelovek vs. mashinnyy perevod [Language Translations: Human vs. Machine Translation] in Vestnik Nauki i Obrazovaniia [Bulletin of Science and Education], (8)44, pp. 50–53 (In Russian)
2. Brandes M.P., & Provotorov V.I. (2021). Predperevodcheskii analiz teksta [Pre-Translation Text Analysis]. 3rd ed. Moscow: NVI-Tezaurus, 224 p. (In Russian).
3. Garbovsky N.K. (2021). Teoriia perevoda [Theory of Translation]. Moscow: Moscow State University, 544 p. (In Russian).
4. Golovko D.R. (2020). Osobennosti i vidy mashinnogo perevoda [Features and Types of Machine Translation] in Vestnik Moskovskogo Informatsionno-Tekhnologicheskogo Universiteta – Moskovskogo Arkhitekturno-Stroitel'nogo Instituta [Bulletin of Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Construction], (4), pp. 24–30 (In Russian).
5. Rarenko M.B. (2021) Mashinnyj perevod: ot perevoda «po pravilam» k nejronnomu perevodu [Machine translation: from translation ‘by the rules’ to neural translation] in Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Yazykoznanie: Referativnyj zhurnal. [Social and Humanities. Domestic and foreign literature. Linguistics: Abstract Journal], No. 3, pp. 70–79 (In Russian).
6. Spiridovskiy O.V., & Yakovleva I.N. (2020). Perevodcheskie transformatsii i strategii perevoda v sfere politicheskoi kommunikatsii (na materiale angloiazыchnykh SMI) [Translation Transformations and

Strategies in Political Communication (Based on English-Language Media)] in *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], (10), pp. 205–210 (In Russian).

7. Fedorov A.V. (2021). *Osnovy obshchei teorii perevoda. Lingvisticheskie problemy* [Fundamentals of General Translation Theory. Linguistic Problems]. Moscow: Filologiya Tri, 416 p. (In Russian).

8. Chernov G.V. (2020). *Osnovy sinkhronnogo perevoda* [Fundamentals of Simultaneous Translation]. Moscow: Vysshaya Shkola, 256 p. (In Russian).

9. Cherniakhovskaia L.A. (2022). *Perevod i smyslovaia struktura* [Translation and Semantic Structure]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniia, 264 p. (In Russian).

10. Shilova A.I. (2023). *Osobennosti peredachi struktury i sodержaniia angloiazychnoi nauchnoi stat'i pri perevode na russkii iazyk* [Features of Conveying the Structure and Content of an English-Language Scientific Article When Translating into Russian]. *Molodoi Uchenyi* [Young Scientist], (18) 465, pp. 223–225 (In Russian).

Поступила в редакцию 07.11.2024 г.

MACHINE TRANSLATION DIFFICULTIES OF CULTURE-SPECIFIC ELEMENTS IN ENGLISH NEWS ARTICLES

O.N. Poddubskaya, V.V. Daryina

The article examines the quality of machine translation in comparison to human translation on the material of the news article “Revealed: Tories Failed to Do Impact Check before Approving Banned Pesticide” from Britain's most widely read newspaper “The Guardian”, dated July 24, 2024. In the absence of an official Russian translation of this article, the focus shifts to advanced online translators such as DeepL, Google Translate, Reverso, Microsoft Bing, and Yandex Translate. The analysis highlights culture-specific elements, idioms, and specialized terminology that may present challenges for machine translation. The shortcomings observed in these translations stress the necessity for human translators to be involved in translating process in order to ensure accuracy and adequacy, particularly in lexically complex and culturally rich texts.

Keywords: artificial intelligence, machine translation, human translation, culturally specific elements, idioms, specialized terminology, translation quality, online translators.

Поддубская Ольга Николаевна.

Кандидат педагогических наук, доцент.

Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево, Российская Федерация.

Доцент кафедры английского языка

ORCID: 0000-0003-1067-7499.

E-mail: olgapoddubskaya@mail.ru.

Дарьина Виктория Валерьевна.

Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево, Российская Федерация.

Студентка магистратуры.

ORCID: 0009-0005-9490-4573.

E-mail: viktoria001972@gmail.com.

Poddubskaya Olga Nikolajevna.

Candidate of Pedagogic Sciences.

State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuyevo, Russian Federation. Associate Professor.

ORCID: 0000-0003-1067-7499.

E-mail: olgapoddubskaya@mail.ru.

Daryina Victoria Valeryevna.

State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuyevo, Russian Federation.

Master's Degree student.

ORCID: 0009-0005-9490-4573.

E-mail: viktoria001972@gmail.com.

Научная статья
УДК 811.111'373.7
DOI: 10.5281/zenodo.14284096

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА⁹

© 2024 *Е.В. Трофимова¹, Е.А. Афонская²*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID¹ 0009-0007-8845-1162

ORCID² 0009-0007-4172-1305

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Данная работа посвящена анализу семантических особенностей фразеологизмов, выражающих отрицательные эмоции в английской языковой картине мира. Актуальность работы обусловлена антропоцентрической направленностью современных лингвистических исследований и интересом к изучению языковой интерпретации эмоций. Объектом исследования выступают 780 фразеологизмов, репрезентирующих эмоции, такие как горе, страдание, гнев, страх, стыд, презрение, отвращение и безумие. Основная цель исследования – анализ семантических особенностей этих единиц и их классификация. В соответствии с поставленными целью и задачами изучены основные теоретические подходы к исследованию концептуализации эмоций; проанализированы разнокомпонентные по своему составу фразеологические единицы, выражающие эмоции и чувства человека; описаны особенности семантики исследуемых единиц. Использование методов фразеологической идентификации и фразеологического описания позволило представить эмпирический корпус в виде ряда семантических групп. В результате выделено восемь семантических групп, среди которых доминирующей является «Горе, грусть» (239 единиц, 30,7%), а наименьшей – «Безумие» (17 единиц, 2,1%). Работа раскрывает значимость фразеологизмов как отражения эмоционального и культурного восприятия мира, обогащая представления об англоязычной картине мира.

Ключевые слова: фразеологическая единица, отрицательные эмоции, эмотивность, языковая картина мира, семантика.

Для цитирования: Трофимова Е.В. Семантическая характеристика фразеологизмов, выражающих отрицательные эмоции в англоязычной картине мира / Е.В. Трофимова, Е.А. Афонская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 104–114. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14284096>.

Введение. Фразеологизмы являются неотъемлемой частью культурного наследия народа, отражая исторические и социальные реалии. Изучение фразеологического фонда позволяет глубже понять культурные ценности, отношение к человеческим достоинствам и недостаткам, а также особенности мировоззрения определенной языковой общности.

Фразеологический фонд английского языка является сферой научных интересов многих ученых-лингвистов. Проблемам классификации, структуры, семантики и национально-культурной специфики фразеологических единиц посвящены работы,

⁹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

таких ученых: А.В. Кунин [5], А.М. Мелерович [8], А. Вежбицкая [16], А.В. Маслова [6], Т.В. Ананина [1], В.И. Шаховский [15], Н.П. Силюнская [13], К.О. Погосова [10], О.Л. Бессонова [2], Е.В. Трофимова [14] и других.

В мире языка каждое выражение несет в себе глубокие культурные и семантические оттенки, часто отражающие эмоциональное состояние говорящего и его восприятие окружающего мира. Фразеологические единицы, обозначающие отрицательные эмоции, играют особенно важную роль в этом контексте, поскольку они не только являются средством коммуникации, но и отражают культурные ценности и представления о грусти, стыде и страдании.

Примерами фразеологических единиц (далее – ФЕ), обозначающих негативные эмоции в английском языке, выступают: *to have a long face* ‘выглядеть печальным, подавленным’, *black beast* ‘ненавидимый человек’, *about one’s ears* ‘причиняющий неприятности’.

Актуальность данной статьи обусловлена общей антропоцентрической направленностью современных лингвистических исследований, нацеленных на изучение языковой интерпретации эмоций, и повышенным интересом современных ученых к исследованиям ФЕ как средств вербализации эмоций человека.

Затруднения в разграничении эмоций и других психических состояний обуславливают сложности в семантическом анализе эмоциональной лексики.

Объектом исследования избрана группа ФЕ, репрезентирующих отрицательные эмоции в английском языке. *Предметом* исследования выступают семантические особенности ФЕ английского языка, выражающих отрицательные эмоции.

Целью данного исследования является характеристика семантических особенностей английских ФЕ, передающих отрицательные эмоции, с последующей семантической классификацией этих языковых средств.

В качестве *материала исследования* было использовано 780 ФЕ со значением ‘отрицательные эмоции человека’, выбранных из Большого англо-русского фразеологического словаря под редакцией А. В. Кунина [18], Cambridge International Dictionary of Idioms [19], Collins Cobuild Dictionary of Idioms [20], Oxford Advanced Learner’s Dictionary [21].

Фразеологизмы занимают особое место в системе языка, представляя собой устойчивые сочетания слов, обладающие переносным значением и отражающие различные аспекты человеческого опыта. Они служат важным средством репрезентации мировоззрения носителей языка, поскольку через них проявляются культурные, исторические и эмоциональные особенности той или иной языковой общности. ФЕ фиксируют как универсальные, так и специфичные для конкретной культуры способы восприятия и интерпретации реальности.

Языковая картина мира, в свою очередь, представляет собой совокупность концептов и категорий, через которые человек осмысливает окружающий мир. В ней отражаются не только объективные знания, но и субъективные, эмоциональные и ценностные установки, формирующие коллективное сознание носителей языка. Как отмечает О.Л. Бессонова, «каждое языковое сообщество имеет свою коммуникативную структуру, основывающуюся на системе социальных ролей, норм и ценностей, которая репрезентируется в речевом поведении коммуникантов – носителей языка» [2, с. 73].

Фразеологизмы, являясь одним из ключевых элементов языковой картины мира, позволяют исследовать не только языковую систему, но и социокультурные реалии, которые лежат в её основе. В своей диссертации Е.В. Облецова исследует понятие «картина мира» – приобретенную человеком совокупность знаний об окружающей его действительности [9, с. 33].

Фразеологическая картина мира выступает как неотъемлемая часть общей языковой картины мира. По мнению В.А. Масловой, «фразеологический фонд языка представляет собой важный источник информации о менталитете и культурных особенностях народа, поскольку в нем отражены представления о традициях, обрядах, ритуалах, мифах, привычках, нормах морали и моделях поведения» [6, с. 62].

ФЕ придают объектам характеристики, которые соотносятся с определёнными аспектами языковой картины мира. Они рассматривают целую дескриптивную ситуацию, оценивают ее и выражают отношение к ней [7, с. 43].

В.А. Маслова отмечает специфику семантики ФЕ, которая направлена не столько на то, чтобы описывать мир, сколько на то, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение, что и отличает фразеологизмы и метафоры от других номинативных единиц [7, с. 268–269].

Эмоции в языке представляют собой сложное явление, находящееся на пересечении когнитивной лингвистики, психологии и культурологии. Метафоризация, как основной механизм создания ФЕ, позволяет связывать эмоции с природными явлениями, физиологическими реакциями или социальными контекстами, создавая яркие и выразительные образы.

Проявление эмоций является универсальной способностью человека, однако степень экспрессивности, открытости, значение и функции эмоций культурно вариативны.

Роль эмоций в изучении и описании картины мира определяется тем, что картина мира представляет собой субъективный образ объективной реальности, формируемый человеком. Мир бесконечен, а люди ограничены в возможности его постижения [16, с. 6]. Согласно В.И. Шаховскому, эмоциональная картина мира – культурно обусловленный ментальный продукт, характеризующийся этнокультурной спецификой [15, с. 240].

Она формируется в результате оценочной деятельности сознания, которая находит отражение в языке, располагающем многими средствами для выражения эмоций: эмоционально-окрашенная лексика, синтаксические конструкции, порядок слов в предложении [1, с. 94].

Можно сделать вывод, что картина мира носит антропоцентрический характер, она реализуется через уникальные черты человеческой природы, взаимодействие с окружающим миром и основные условия, обеспечивающие его пребывание в этом мире [12, с. 201]. В свою очередь, фразеологическое значение представляет собой инвариантную информацию, передаваемую семантически сложными, отдельно оформленными языковыми единицами, которые не формируются по порождающим структурно-семантическим моделям свободных словосочетаний [5, с. 182].

Основная часть. Особый интерес для исследований представляют фразеологизмы, выражающие отрицательные эмоции, поскольку они ярко отражают негативные аспекты человеческого восприятия: страх, гнев, разочарование, тревогу и другие негативные состояния. Изучение таких фразеологизмов позволяет понять, каким образом язык передает сложные эмоциональные реакции, какие культурные и ценностные установки лежат в основе их формирования. Отрицательные эмоции, как правило, связаны с глубинными пластами человеческого сознания и социальной жизни, и их репрезентация через ФЕ даёт возможность исследовать способы интерпретации негативного опыта в рамках англоязычной и других культур.

Семантическое описание эмоциональной лексики представляет собой сложную задачу, поскольку ее смысловое содержание носит противоречивый характер, а высокая степень «психологизма» денотатов приводит к неопределенности их семантики, что объективно усложняет процесс их описания и семантической дифференциации. В.И. Шаховский определяет эмотивность как «неотъемлемое семантическое свойство

языка, заключающееся в способности его средств передавать эмоциональность как аспект психики, а также отражать в семантике языковых единиц как социальные, так и индивидуальные эмоции» [113, с. 253].

А.В. Кунин утверждает, что «ФЕ с отрицательной оценкой значительно больше, чем ФЕ с положительной оценкой» [5, с. 182]. Многочисленность ФЕ в языке вызывает необходимость вычленения отдельных групп во фразеологическом составе языка, исследование его отдельных пластов. Объектом исследования являются 780 ФЕ английского языка, которые входят в тематическое поле «Отрицательные эмоции человека». Анализ ФЕ, выражающих отрицательные эмоции, позволил выделить восемь семантических групп языковых единиц: «Горе, грусть», «Страдание», «Гнев», «Страх», «Стыд», «Презрение», «Отвращение», «Безумие», представленных в таблице 1.

Таблица 1. Семантическая классификация фразеологических единиц со значением отрицательных эмоций

№ п/п	Семантические группы	Кол-во ФЕ, ед.	Кол-во ФЕ, %	Примеры
1	Горе, грусть	239	30,7	<i>to rub salt in(to) smb's wound (s)</i> 'сыпать на рану соль', <i>sick as a pig</i> 'раздосадованный', <i>to smell hell</i> 'хлебнуть горя', <i>blue devils</i> 'уныние, тоска, меланхолия, хандра'
2	Страдание	151	19,4	<i>to add insult to injury</i> 'ухудшить ситуацию, усугубить страдания', <i>to bear the cross</i> 'нести крест', <i>to feel drained</i> 'чувствовать себя опустошённым', <i>a rough patch</i> 'переживать трудный период'
3	Гнев	133	17,1	<i>to drive smb. up the wall</i> 'приводить кого-л. в ярость', <i>to fit to be tied</i> 'взбешенный, в ярости', <i>to see red</i> 'прийти в ярость, рассвирепеть', <i>white fury</i> 'неистовство, бешенство'
4	Стыд	107	13,7	<i>to be dead to shame</i> 'умереть со стыда', <i>Shame on you!</i> 'Как тебе не стыдно!', <i>to be as red as a beetroot</i> 'покраснеть от стыда'
5	Страх	69	8,9	<i>to give smb. a turn</i> 'сильно перепугать/расстроить кого-л.', <i>to scare stiff</i> 'сильно испугать кого-л.', <i>to jump out of one's skin</i> 'вздрыгнуть от испуга', <i>to press the panic button</i> 'паниковать'
6	Презрение	36	4,5	<i>to look down one's nose at smb.</i> 'с презрением относиться к кому-л.', <i>to point the finger of scorn at smb.</i> 'презрительно отзываться о ком-л.', <i>to fling dirt about</i> 'распространять грязные сплетни, злословить'
7	Отвращение	28	3,6	<i>to give smb. the bellyache</i> 'раздражать кого-л.', <i>a bad taste in one's mouth</i> 'отвращение', <i>like the wrath of God</i> 'ужасно, отвратительно'
8	Безумие	17	2,1	<i>as crazy as a loon</i> 'безумный, сумасшедший', <i>to go up the wall</i> 'обезуметь, полезть на стенку, потерять голову', <i>mad as a hatter</i> 'безумный, чокнутый сумасшедший'
	Всего	780	100	

Самым сильным из отрицательных эмоциональных состояний признается переживание горя. И этот факт находит непосредственное отражение во фразеологии английского языка. Первая семантическая группа «Горе, грусть» состоит из 239 ФЕ (30,7%) и включает фразеологизмы, характеризующие грусть как эмоцию из

негативного спектра, появляющаяся вследствие серьёзной или длительной неудовлетворённости личности общим ходом жизни или каким-то отдельным её направлением или событием: *to feel flat* ‘пребывать в унынии’, *to do out of curl* ‘быть выбитым из колеи’, *down in the dumps* ‘как в воду опущенный’.

Это самая большая семантическая группа, выражающая отрицательное эмоциональное состояние человека. В данной подгруппе 7 ФЕ содержат лексему *soul* ‘душа’ и 26 ФЕ содержат лексему *heart* ‘сердце’: *the iron entered into his soul* ‘испытывать душевные муки’, *to sob one’s heart out* ‘горько и безутешно рыдать’. Данный показатель свидетельствует о тесной связи переживания горя с областями сердца и души, что позволяет утверждать, что горе как эмоциональное состояние локализуется именно в этих ключевых центрах человеческой эмоции.

Таким образом, горе представляется не просто как абстрактное чувство, а как процесс, интегрированный в основные эмоциональные зоны организма, что подтверждается использованием соответствующих ФЕ.

Следует отметить, что данная группа ФЕ обладает несколькими семантическими моделями, а именно:

1) внешне выраженная мимика человека: *to grind one’s teeth* ‘скрипеть зубами, скрежетать зубами от злости’;

2) болезненное состояние души: *to be crest fallen* ‘быть расстроенным’;

3) болевые ощущения, которые могут быть вызваны болезнью души и сердца: *to wound one’s soul* ‘ранить чьи-то чувства’;

4) ощущение недостатка воздуха, стеснения и тяжести в груди, проявляющееся продолжительными и глубокими вздохами: *to have a lump in one’s throat* ‘ком подступил к горлу’;

5) ослабление умственной активности человека в состоянии печали, психическое расстройство, депрессия: *to lose heart* ‘впадать в уныние’, *bitterly disappointed* ‘глубоко разочарован’;

6) компонент цветообозначения *black*: *black as hades* ‘безрадостный, беспросветный’, *black as night* ‘мрачнее тучи’;

7) аналогия эмоциональных переживаний животных и людей: *like a bear with a sore head* ‘очень злой, в ярости’;

8) семантический компонент *water* ‘вода’. Он может символизировать как подавленность, так и состояние беспокойства или горя: *in deep water* ‘оказаться в сложной ситуации’, *to cry one’s eyes out* ‘горько плакать’, *hell and high water* ‘тяжкие испытания’.

Ко второй семантической группе «Страдание» относят слова, которые характеризуют физическую или нравственную боль, мучение: *peak and pine* ‘чахнуть и томится’, *to be a martyr to smth* ‘страдать’, *to make smb’s life a hell* ‘превратить чью-л. жизнь в ад’, *the iron entered into his soul* ‘испытывать душевные муки’. Общее число единиц, относящихся к вышеупомянутой группе, составляет 151 ФЕ (19,4%).

Фразеологизмы этой группы часто акцентируют внимание на личных переживаниях, вызванных либо внешними обстоятельствами, либо внутренним эмоциональным конфликтом. Например, *dispensation of Providence* (‘страдание; испытание, ниспосланное судьбой’) отсылает к философской или религиозной трактовке боли как испытания, предназначенного судьбой или высшей силой. Это подчёркивает идею неизбежности страданий в жизни человека. Выражение *to work oneself into a state about smth* (‘довести себя до расстройства из-за чего-либо’) отражает активное вовлечение человека в процесс переживания, что усиливает осознание личной уязвимости.

Важное место в данной группе занимают фразеологизмы, описывающие внешние проявления страдания. Например, *a face as long as a fiddle* ('мрачное, унылое лицо') передаёт скорбь и уныние через яркий визуальный образ, где лицо символически сравнивается со скрипкой, подчёркивая его вытянутость и мрачность. Это метафорическое сравнение создаёт глубокую ассоциацию между внешним обликом и внутренним состоянием.

Некоторые выражения акцентируют внимание на состоянии разлада и страдания, такие как *out of sorts* ('в расстроенных чувствах'). Данная ФЕ указывает на нарушение внутреннего эмоционального равновесия, что создаёт ощущение временной дезориентации или уязвимости.

Метафоры и образы, использованные в этой семантической группе, часто связаны с концептами тяжести, боли и мрачности. Это проявляется, например, в ФЕ, где используется лексика, ассоциирующаяся с физическими или душевными ранами: *to rub salt in(to) smb's wound(s)* 'сыпать соль на рану'. Этимология данного фразеологизма восходит к медицинской практике прошлого, когда соль использовали для дезинфекции, несмотря на вызываемую ею боль. Этот исторический контекст усиливает метафорическое значение выражения, передавая идею сознательного усугубления страданий другого человека.

Третья семантическая группа «Гнев» отличается обширностью входящих в нее фразеологизмов. Данная группа характеризует фразеологизмы, которые обозначают чувство сильного негодования или возмущения, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-либо, чем-либо (обычно бурно проявляющееся) [13, с. 51].

Английские толковые словари описывают гнев как мощное эмоциональное состояние, связанное с сильным внутренним раздражением, которое часто сопровождается желанием выразить недовольство или предпринять действия в ответ на несправедливость или обиду. Этот эмоциональный всплеск может варьироваться по интенсивности – от легкой досады (*dislike*) до яростного негодования (*fierceness, savagery*), когда человек теряет самоконтроль.

Общим для разновидностей данной эмоции является состояние протеста и наличие объективной причины – обмана, оскорбления, несправедливости. Семантическая группа «Гнев» представлена 133 ФЕ (17,1%): *foam at the mouth* 'брызгать слюной, приходиться в ярость, быть в бешенстве', *the devil and all* 'черт бы все это побрал', *to get one's blood up* 'выйти из себя', *to drive/send someone round the twist* 'приводить кого-либо в ярость, бешенство, злить, доводить, выводить из себя', *sore as a boil* 'зол как чёрт'.

Метафорическое восприятие гнева в английском языке представлено через образы, которые ассоциируют эмоцию с природными явлениями. Например, выражение *to be boiling mad* 'кипеть от злобы' символизирует кипящую жидкость в сосуде, где давление возрастает до момента прорыва. Такая метафора иллюстрирует неукротимость и силу эмоции, показывая, как сдерживаемый гнев может привести к внезапному взрыву чувств.

Аналогично, метафоры огня передают разрушительную мощь гнева, его опасность: фразеологизм *to blow a fuse* 'выйти из себя' подчеркивает эмоциональную яркость и внутренний пожар.

Образы диких животных также используются во фразеологических образах, чтобы показать неконтролируемое проявление гнева. Например, выражение *as fierce as a tiger* 'свирепый как тигр' акцентирует внимание на неконтролируемой энергии человека в состоянии гнева.

В составе многих ФЕ, входящих в данную семантическую группу, содержится семантический компонент *fire* ‘огонь’. Он символизирует разрушительную силу гнева, вспыльчивость и стремительное нарастание отрицательных эмоций. Этот элемент часто используется для выражения неконтролируемого всплеска ярости: *to add fuel to the fire* ‘подливать масло в огонь’, *to burn with anger* ‘гореть от гнева’, *to fan the flames* ‘разжигать гнев’.

Фразеологизмы часто передают внутренние ощущения и физиологические проявления эмоций, а также демонстрируют, как меняется их интенсивность. Эти выражения помогают представить эмоции как многоступенчатый процесс, начиная с зарождения и заканчивая пиком выражения.

На примере ряда ФЕ мы выявили наличие различных этапов развития эмоции, которые можно разделить на несколько стадий.

Первая стадия связана с ощущением нарастающего напряжения, которое можно выразить через метафору «на грани». До того как человек начнет демонстрировать гнев, он испытывает состояние, близкое к срыву, и его терпение истончается. В английской фразеологии это описывается выражением *to be on the brink* ‘на грани’ или *to be at one's tether's end* ‘на пределе своих сил’. Пересечение этой черты можно обозначить как *to hit boiling point* ‘терпение лопнуло’.

Когда человек теряет контроль над собой, используются фразеологизмы, подчеркивающие внезапность и силу взрыва эмоций, такие как *to blow one's stack* ‘взорваться’, *to lose it* ‘сорваться’, *to see red* ‘прийти в ярость’ или *to go ballistic* ‘выйти из себя’. Эти выражения передают момент перехода от внутреннего контроля к полному проявлению гнева.

В других ФЕ передается физическая реакция тела на эмоции, например, *to clench one's fists* ‘сжимать кулаки’, или описывается состояние, когда эмоция переполняет человека, как в *to be beside oneself with rage* ‘быть вне себя от ярости’.

Подобные выражения позволяют не только передавать интенсивность эмоций, но и создавать образы, помогающие понять природу человеческой эмоциональности.

Семантическая группа «Стыд» состоит из 107 фразеологизмов (13,7%). По мнению О.А. Подлесовой, стыд можно охарактеризовать как «социальную, негативную, оценочную эмоцию, возникающую под воздействием общественных норм, регулирующих социальное поведение, и отражающую социокультурный конформизм индивида, осознающего несоответствие своего поведения этим нормам» [11, с. 21].

Словарное толкование стыда в английском языке обладает ярко выраженной психологической окраской. Однако стоит подчеркнуть, что главный акцент ставится не на интенсивности эмоции, а на её отрицательных чертах.

Понятие *shame* выражается через множество синонимов, которые отражают различные оттенки и степени этой эмоции. Среди них выделяются лексемы, обозначающие общественное порицание, такие как *disgrace*, *dishonour*, *reproach*, *humiliation* и *stigma*, которые акцентируют внимание на социальной осуждающей составляющей стыда. Другие синонимы, такие как *embarrassment*, *confusion* и *abashment*, подчеркивают более мягкие и личные аспекты этого чувства, связанного с внутренним смущением и растерянностью. Ни одно из этих слов не является полной заменой понятия *shame*, так как каждое имеет уникальные коннотации и употребляется в зависимости от контекста и степени эмоциональной интенсивности.

Фразеологический фонд английского языка включает множество устойчивых выражений, связанных со стыдом и моральным осуждением. Например, выражение *to bring shame upon someone* ‘позорить кого-либо’ подчеркивает общественное осуждение и

потерю репутации. *To hang one's head in shame* 'провалиться от стыда' иллюстрирует глубоко личное и эмоциональное переживание, когда человек чувствует себя уязвимым и униженным.

Одной из уникальных характеристик стыда является то, что эта эмоция может проявляться после других более сильных чувств, таких как гнев, когда человек осознает и жалеет о своем поведении. Стыд может быть столь интенсивным, что человек испытывает желание избежать взглядов окружающих или скрыться, что передается фразеологизмом *to want the ground to swallow one up* 'хотеть провалиться сквозь землю от стыда'. Разрушительный эффект этой эмоции подчеркивают выражения *a burning sense of shame* 'мучительное чувство стыда' и *to be consumed with shame* 'умереть со стыда'.

Пятая семантическая группа – «Страх», представлена 69 ФЕ, что составляет 8,9% от общего количества. В английских толковых словарях *fear* определяется как 'an unpleasant, painful, emotional state', 'strong feeling', 'an unpleasant feeling of being frightened or worried that something bad is going to happen'.

Страх – это сильное эмоциональное состояние, проявления которого разнообразны. Среди признаков, характерных для переживания страха как универсальной, врожденной эмоции и зафиксированных во ФЕ следует назвать специфичные психосоматические проявления в организме: ощущение холода, озноба, дрожь, нарушения дыхательного и сердечного ритма, потоотделение, бледность, оцепенение: *to shake in one's shoes* 'трястись от страха', *to grow cold with fear* 'леденеть от страха' [3, с. 113].

Большинство ФЕ репрезентирует метонимический перенос от физиологических симптомов к внутреннему психическому состоянию: *to make smb's flesh creep* 'приводить в ужас'; *to curl smb's hair* 'шокировать'; *to give smb. the jim-jams* 'нагнать страху на кого-л.'.

Семантическая группа «Презрение» охватывает фразеологизмы, отражающие негативное отношение, которое возникает у человека к объекту, проявляющему черты или поступки, считающиеся недостойными или неприемлемыми с точки зрения социальных норм. Это чувство сопровождается оценкой и осуждением, когда субъект считает себя выше или лучше тех, к кому направлено его презрение. Подобные фразеологизмы подчеркивают дистанцирование и отказ от принятия таких качеств или поведения.

В данную группу входит 36 ФЕ, что составляет 4,5% от общего количества исследуемых единиц. В рамках этой группы можно выделить следующие фразеологизмы: *damn with faint praise* 'осуждать, делая вид что хвалишь', *to look down one's nose at smb.* 'с презрением относиться к кому-л.', *to give smb. the frozen mitt* 'отнестись к кому-л. подчеркнуто пренебрежительно'.

Седьмая семантическая группа «Отвращение» объединяет ФЕ, описывающие эмоциональную реакцию отторжения, которая возникает в ответ на объекты или ситуации, противоречащие идеологическим, моральным или эстетическим представлениям человека. Эти фразеологизмы передают чувство неприязни, вызванное столкновением с чем-то, что вызывает внутренний протест или несогласие. Фразеологизмы этой группы подчеркивают сильное отчуждение и желание дистанцироваться от объекта, вызывающего такие эмоции.

Так, данная группа представлена следующими фразеологизмами: *to stink in smb's nostrils* 'вызывать омерзение у кого-л.'; *to make smb's gorge rise* 'вызывать в ком-л. отвращение'.

Последняя же группа «Безумие» является самой немногочисленной по количеству ФЕ. Она состоит из 17 ФЕ, что составляет 2,1% от общего количества. Безумие – это

эмоция, которая может быть сложной, многогранной и часто трудной для выражения. Яркими примерами данной группы является фразеологизмы: *to be off one's trolley* 'сойти с ума', *to go off the deep end* 'потерять контроль над своими эмоциями', *to be off one's rocker* 'эксцентричное поведение, свидетельствующее о потере рассудка'.

Важно отметить, что речь идет не о ментальном состоянии, а о сильном эмоциональном переживании. Е.П. Ильин отмечал, что «от сильного переживания утратить способность здраво соображать, обезуметь» [4, с. 182].

Таким образом, мы систематизировали ФЕ, выражающие отрицательные эмоции, и пришли к заключению, что восемь семантических групп с отрицательной коннотацией, а именно «Горе, грусть», «Страдание», «Гнев», «Страх», «Стыд», «Презрение», «Отвращение», «Безумие», представляют разнообразную палитру эмоциональных состояний. Доминирующей семантической группой является «Горе, грусть», которая включает ФЕ, используемые в речи с целью передать неудовлетворенность определенной ситуацией. Данная группа представлена 239 ФЕ, что составляет 30,7% от общего количества исследуемых единиц. В рамках этой группы можно выделить следующие фразеологизмы: *at odds with oneself* 'в обиде на весь мир', *to be sick at heart* 'тосковать', *to groan inwardly* 'быть очень расстроенным'. Наименее представлена группа «Безумие», которая представлена 17 ФЕ (2,1%), например, *balmy as a bandicoot* 'не в своем уме, чокнутый'.

Заключение. Изучение фразеологии играет ключевую роль не только в процессе познания структуры языка, но и в осмыслении культурных особенностей народа, отраженных в языковых единицах. Тем не менее, несмотря на значительное количество исследований в области фразеологии, интерес ученых к данной теме остается неизменно высоким. Особое значение в этом контексте приобретает эмотивный компонент ФЕ, который выражает культурные особенности, заложенные в их значении.

Проанализировав 780 ФЕ, выражающих отрицательные эмоции по семантическому принципу, мы выделили восемь групп: «Горе, грусть», «Страдание», «Гнев», «Страх», «Стыд», «Презрение», «Отвращение», «Безумие». В исследуемом материале количественно доминирует семантическая группа «Горе, грусть», которая представлена 239 ФЕ (30,7%). Группа «Безумие» представлена наименьшим количеством единиц (17 ед., 2,7 %).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что эмотивность языка представляет обширную область для научных исследований различных областей знания, а также является важным компонентом для англоязычной культуры и играет важную роль в речи делая ее более красочной и насыщенной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананина Т.В. Эмоции и языковая картина мира / Т.В. Ананина // Журнал: Вестник КАСУ. – 2006. – №2. – Издательство: Казахстанско-Американский свободный университет. – С. 92–96.
2. Бессонова О.Л. Отражение представлений о социальных ролях в картине мира носителей неблизкородственных языков / О.Л. Бессонова // Педагогика: история, перспективы. – 2020. – Том 3. – № 4. – С. 71–83. – doi.org/10.17748/2686-9969-2020-3-4-71-83 (дата обращения: 25.09.2024).
3. Илинская А.С. Знаковая типология языковых единиц, репрезентирующих эмоции в английском языке / А.С. Илинская // Ползуновский вестник: Сб. статей, Барнаул: АлтГТУ, 2006. – С. 98–105.
4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 752 с.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка : учебное пособие для институтов и факультетов иностранного языка / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1996 – 381 с.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
7. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре / В.А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
8. Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц: учеб. пособие / А. М. Мелерович. – Ярославль: Ярославск. гос. пед. ин-т, 1979. – 79 с.
9. Облецова Е.В. Репрезентация эмоционального концепта «passion» в английской языковой картине мира: дис. ... канд. фил. наук / Е.В. Облецова. – Иркутск., 2020. – 166 с.

10. Погосова К.О. Концепты эмоций в английской и русской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.О. Погосова, Владикавказ, 2007. – 22 с.
11. Подлесова О.А. Концепты эмоциональных состояний в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Подлесова. – Самара, 2009. – 26 с.
12. Серебренников Б.А. Картина мира в жизнедеятельности человека // Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1998. – 216 с.
13. Силинская Н.П. Концепты отрицательных эмоций в английской фразеологической картине мира: дис. канд. филол. наук / Н.П. Силинская, СПб, 2008. – 214 с.
14. Трофимова Е.В. Культурные коды во фразеологизмах, обозначающих отрицательные эмоции, в английском языке / Е.В. Трофимова // Филологические исследования Далековского университета. Язык и литература в контексте культуры и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. – Вып. 4. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2018. – С. 70–79.
15. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций : монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
16. Wierzbicka A. "Sadness" and "anger" in Russian: The non-universality of the so-called «basic human emotions» / A. Wierzbicka // Speaking of Emotions: Conceptualization and Expression. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. – Pp. 3–28.
17. Ortony A., Clore G., Collins A. The Cognitive Structure of Emotion. New York: Cambridge University Press, 1998 – 207 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин // Издат-во: Рус. яз., 1984 – 945 с.
19. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge.: Cambridge university press, 1998. – 504 p.
20. Collins Cobuild Dictionary of Idioms. – London.: HarperCollins Publishers Ltd., 1997. – 494 p.
21. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary / A.S. Hornby. – Oxford University Press, 1995. – 1428 p.

REFERENCES

1. Ananina T.V. (2006). Emotsii i yazykovaya kartina mira [Emotions and the linguistic picture of the world] in Zhurnal: Vestnik KASU [Journal: Bulletin of the KASU], V. 2, pp. 92–96 (In Russian).
2. Bessonova O.L. (2020). Otrazheniye predstavleniy o sotsial'nykh rolyakh v kartine mira nositeley neblizkorodstvennykh yazykov [Reflection of ideas about social roles in the picture of the world of speakers of unrelated languages] in Pedagogika: istoriya, perspektivy [Pedagogy: history, prospects], vol. 3 (4), pp. 71–83. – doi.org/10.17748/2686-9969-2020-3-4-71-83. (In Russian).
3. Ilinskaya A.S. (2006). Znakovaya tipologiya yazykovykh yedinit, reprezentiruyushchikh emotsii v angliyskom yazyke [Sign typology of linguistic units representing emotions in the English language] in Polzunovskiy vestnik [Polzunovsky bulletin], Barnaul, pp. 98–105. (In Russian).
4. Il'in Ye.P. (2001). Emotsii i chuvstva [Emotions and feelings]. (752 p.). Sankt-Peterburg: Piter. (In Russian).
5. Kunin A.V. (1996). Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka [Course of phraseology of the modern English language] (381 p.). Moscow: Vysshaya shkola (In Russian).
6. Maslova V.A. (2001). Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. (208 p.). Moscow: Akademiya (In Russian).
7. Maslova V.A. (2007). Homo lingualis v kul'ture [Homo lingualis in culture]. (320 p.). Moscow: Gnosis. (In Russian).
8. Melerovich A.M. (1979). Problema semanticheskogo analiza frazeologicheskikh yedinit: ucheb. posobiye [The problem of semantic analysis of phraseological units: textbook. the manual]. (79 p.). Yaroslavl: Yaroslavl. gos. ped. in-t. (In Russian).
9. Obletsova E.V. (2020). Reprezentatsiya emotsional'nogo kontsepta «rassion» v angliyskoy yazykovoy kartine mira [Representation of the emotional concept of "rassion" in the English language picture of the world]. (166 p.). Irkutsk. (In Russian).
10. Pogosova K. O. (2007). Kontsepty emotsiy v angliyskoy i russkoy yazykovykh kartinakh mira [Concepts of emotions in English and Russian language pictures of the world]. (22 p.). Vladikavkaz. (In Russian).
11. Podlesova O.A. (2009). Kontsepty emotsional'nykh sostoyaniy v lingvokognitivnom i lingvokul'turnom aspektakh (na materiale angliyskogo yazyka) [Concepts of emotional states in linguocognitive and linguocultural aspects (based on the material of the English language)]. (26 p.). Samara. (In Russian).

12. Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S., Postovalova V.I. (1998). Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka [The picture of the world in human life]. (216 p.). Moscow: Nauka. (In Russian).
13. Silinskaya N.P. (2008). Kontsepty otritsatel'nykh emotsiy v angliyskoy frazeologicheskoy kartine mira [Concepts of negative emotions in the English phraseological picture of the world]. (214 p.). St. Petersburg. (In Russian).
14. Trofimova E.V. (2018). Kul'turnyye kody vo frazeologizmakh, oboznachayushchikh otritsatel'nyye emotsii, v angliyskom yazyke [Cultural codes in phraseological units denoting negative emotions in the English language] in Filologicheskkiye issledovaniya Dalevskogo universiteta. YAzyk i literatura v kontekste kul'tury i mezhkul'turnoy kommunikatsii [Philological studies of the Dalevsky University. Language and literature in the context of culture and intercultural communication: collection of scientific tr], 4. Lugansk: Izd-vo LNU im. V. Dalya, pp. 70–79 (In Russian).
15. Shakhovsky V.I. (2008). Lingvisticheskaya teoriya emotsiy [Linguistic theory of emotions: Monograph]. (416 p.). Moscow: Gnosis. (In Russian).
16. Wierzbicka A. (1998). "Sadness" and "anger" in Russian: The non-universality of the so-called «basic human emotions». Speaking of Emotions: Conceptualization and Expression. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 3–28. (In English).
17. Ortony A., Clore G., Collins A. (1998). The Cognitive Structure of Emotion. (207 p.). New York: Cambridge University Press. (In English).

Поступила в редакцию 18.11.2024 г.

SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING NEGATIVE EMOTIONS IN THE ENGLISH-SPEAKING WORLDVIEW

E.V. Trofimova, E.A. Afonskaya

This study focuses on analyzing semantic features of phraseological units expressing negative emotions in the English linguistic worldview. The relevance of the research is determined by the anthropocentric orientation of modern linguistic studies and the interest in exploring the language-based interpretation of emotions. The empirical corpus incorporates 780 phraseological units representing emotions such as sorrow, suffering, anger, fear, shame, contempt, disgust, and madness. The primary aim is to analyze the semantic features of these units and classify them. In accordance with the goals and objectives set, the main theoretical approaches to the study of emotions conceptualization have been studied. The phraseological units with different component structure expressing human emotions and feelings have been analyzed. Semantic features of the units under study have been described. The use of methods of phraseological identification and phraseological description made it possible to present the empirical corpus in the form of classification including a number of semantic groups. As a result, eight semantic groups have been identified, with “Sorrow and Sadness” being the most prevalent (239 units, 30.7%) and “Madness” the least represented (17 units, 2.1%). The research highlights the importance of phraseological units as reflections of emotional and cultural perceptions of the world, enriching the understanding of the English linguistic worldview.

Key words: phraseological unit, negative emotions, emotivity, linguistic worldview, semantics.

Трофимова Елена Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Доцент кафедры английской филологии.

ORCID 0009-0007-8845-1162.

E-mail: e.trofimova2023@mail.ru.

Афонская Елена Александровна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Студентка.

ORCID 0009-0007-4172-1305.

E-mail: elenafonskaya@yandex.ru.

Trofimova Elena Vladimirovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.
Associate Professor of English Philology
Department.

ORCID 0009-0007-8845-1162.

E-mail: e.trofimova2023@mail.ru.

Afonskaya Elena Alexandrovna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.
Student.

ORCID 0009-0007-4172-1305.

E-mail: elenafonskaya@yandex.ru.

Научная статья

УДК 821.133.1

DOI: 10.5281/zenodo.14284385

**MORS CERTA В СОНЕТЕ ПЬЕРА ДЕ РОНСАРА
«JE N'AI PLUS QUE LES OS...»**

© 2024 Д.М. Храбскова¹, И.В. Томичева²

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

ORCID¹: 0000-0002-2700-3661

ORCID²: 0000-0002-2230-0384

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена исследованию особенностей сонета Пьера де Ронсара «Je n'ai plus que les os...», входящего в цикл его «Последних стихов». В эпоху Возрождения использование сонета в итальянском стиле закрепилось за французскими поэтами, такими как Пьер де Ронсар. За три недели до смерти, в декабре 1585 года, Ронсар, далекий от присущего ему прославления женщины, пишет свои последние стихи. Название сонета «Je n'ai plus que les os...» с самого начала указывает на отказ поэта от мирской суеты и даже от поэзии. Стихотворение кажется поэту кульминационным. Сонет представляет собой своего рода песнопение, объявляющее дистанцию между поэтом и поэзией. Но это также последняя дань уважения поэзии, которая, очевидно, является не праздником тела, а скорее праздником духа, призывом к трансцендентности и, возможно, способом приблизиться к Богу. Сонет отражает отношение поэта к приближению собственной смерти. В результате проведенного анализа выделены два основных концепта – смерти и примирения с ней, ставшего возможным благодаря дружеской поддержке.

Ключевые слова: Пьер де Ронсар, сонет, XVI век, Пляяда, барокко, старость, дружба, мизансцена, смерть.

Для цитирования: Храбскова Д.М., Томичева И.В. Mors certa в сонете Пьера де Ронсара «Je n'ai plus que les os...» / Д.М. Храбскова, И.В. Томичева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 115–123. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14284385>.

Введение. Пьер де Ронсар – один из величайших поэтов XVI века. Придворный поэт короля Карла удостоился «титула» поэта принцев или принца поэтов. Ронсар оказал значительное влияние на французскую и европейскую поэзию в целом на все последующие столетия.

«Последние стихи» Ронсара представляют собой бурлящее эмоциями произведение, написанное незадолго до смерти поэта. В сонете «Je n'ai plus que les os...» из цикла «Последних стихов» 1585 года Ронсар с невероятной тоской говорит о собственной немощной старости и неминуемом приближении конца жизни.

Старость – это финальный период жизни человека. Всего за несколько столетий ее восприятие претерпело глубочайшие изменения. Отношение к старости является неотъемлемым вопросом изучения в литературе и философии, постепенно «старость» становится обычным этапом человеческой жизни, новым отношением к самому себе.

Неоценимый вклад в изучение данного вопроса внесли отечественные и зарубежные мыслители. Среди них стоит назвать Ф. Бэкона, Вольтера, И. Канта, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, С. Кьеркегора, А. Камю, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра,

М. Хайдеггера, А. Швейцера, И.А. Ильина, В.В. Розанова, С.Л. Франка, Н.Ф. Федорова, П.А. Сорокина.

С древних времен человечество интересовал этот период жизни. Старость, как правило, высоко ценилась, сам факт достижения этого возраста считался удачей, если не привилегией. Традиционная дихотомия между старостью, мудростью и опытом, с одной стороны, старостью, упадком и смертью – с другой, также присутствует. В целом размышления на эту тему разделились и иногда находятся в явной оппозиции. У одних старость не вызывает восхищения, другие считают ее наградой. Действительно, старость – это время снижения физической и интеллектуальной работоспособности, приближения смерти. В стариках восхищает не сама старость, а мудрость, энергия и красота, которые многие из них сохраняют, несмотря на свой солидный возраст. Пьер Корнель подчеркивает мудрость и способность пожилых людей сдерживать себя: *La colère du vieil Horace supposait le malheur de Rome, au lieu que le jeune Horace ne se met en colère que contre une femme qui pleure et qui crie* [15, с. 103].

Для Ронсара, как и для Эпикура, речь идет о жизненном кредо: жить не в изобилии и излишествах, а в умеренности, заботясь о качестве собственной жизни [9]. Цицерон указывает: старик должен заботиться о том, чтобы его разум не ослабевал, продолжая заниматься интеллектуальной деятельностью, писать речи и трактаты, упражнять свою память [8]. Сенека советует спокойно и стойко ожидать своей смерти и той новой счастливой жизни, которую она принесет [6]. Позже Монтень и Ницше будут настаивать на сохранении ясности ума, крайне необходимой в этот период жизни [3].

В эпоху Возрождения, период потрясений и сомнений, в гуманистической литературе появляется большое количество работ, посвященных старости, представление о которой практически накладывается на представление о смерти. Изображение старости балансирует между двумя противоречивыми позициями: с одной стороны, уважение к мудрости, приобретаемой с возрастом, а с другой – неприятие ужасающей и высмеиваемой дряхлости [4]. Отсюда вытекает двусмысленность, колеблющаяся между восхищением и презрением по отношению к периоду жизни, описываемому как божественное наказание. Это осуждение старости объясняет враждебное отношение, часто широко распространенное, с которым сталкивались старики, особенно женщины, в конце эпохи Возрождения. Жадность, ревность, злословие – пороки, чаще всего приписываемые пожилым людям в этот исторический период.

Старость и смерть – часто повторяющаяся тема в творчестве поэта Ронсара [11]. Чаще всего это лирические размышления о течении времени или об отношениях между красотой и смертью, как, например, в «Ode à Cassandre». Однако в сонете «Je n'ai plus que les os...» Ронсар раскрывает эту тему с новой точки зрения. Это прощальное стихотворение дает одновременно реалистичное и барочное представление о смерти, характерное для того времени. Поэт ставит себя лицом к лицу со смертью, постепенно переходя от изображения страданий к принятию неизбежного конца. В конце своей жизни Пьер де Ронсар, обессиленный болезнью, мучимый ужасной бессонницей, решает с трогательной простотой написать эпитафию самому себе.

Материалы и методы исследования. Эмпирическим материалом послужил сонет французского поэта Пера де Ронсара «Je n'ai plus que les os...». Постигание смысла поэтического произведения часто проходит через понимание особенностей его лексико-семантической организации. Выявление специфики используемых автором средств – фонетических, словообразовательных, лексических, синтаксических – определило выбор методов исследования. Был проведен анализ звуковой организации

стиха, лексико-семантический и семантико-стилистический анализ, а также анализ изобразительно-выразительных средств языка сонета.

Основная часть. Сонет «*Je n'ai plus que les os...*» имеет структуру ABBA ABBA CCD EED и написан правильным александрийским стихом.

В своем сонете Пьер де Ронсар изображает себя на смертном одре – *me consolant au lit et me baisant la face*. Поэт создает трагическую и патетическую мизансцену собственной смерти. Он подчеркивает трагический и неизбежный характер человеческой судьбы: *je m'en vais le premier vous préparer la place*. Фатальность смерти обозначена, в частности, через преимущественно отрицательную форму предложений: *je n'ai plus que les os, je n'ose, je ne tremble, ne me sauraient guérir, ne remporte*. Ощущение беспомощности усиливается причастиями прошедшего времени и инфинитивами, передающими апатию поэта: *décharné, dénérvé, démusclé, dépulpé, ne me sauraient guérir, dépouillé, mouillé, endormis, vous préparer la place*. Стоит отметить употребление Ронсаром в сонете субстантивных причастий прошедшего времени, что является новшеством Плеяды. Поэты Плеяды прежде всего стремились обогатить французский язык, создавая новые слова с использованием уже существующих корней. Причастие прошедшего времени позволяет выразить фатальность свершившегося факта.

Кроме того, образ поэта чаще находится в позиции объектного дополнения, чем субъектного: *ne me sauraient guérir, leur métier m'a trompé; quel ami me voyant; me consolant au lit et me baisant la face*.

Даже врачи, представленные божественными фигурами Аполлона и его сына Асклепия, бессильны перед лицом смерти:

*Apollon et son fils, deux grands maîtres ensemble
Ne me sauraient guérir, leur métier m'a trompé.*

Начало второй строфы также отсылает к греческой мифологии, ведь Аполлон — это также бог — покровитель поэтов. Во втором полустишии пятой строки читается восхищение поэта в перифразе: *deux grands maîtres ensemble*.

Трагическое измерение подчеркнуто патетическим регистром, призванным вызвать жалость и сострадание: *sans pardon, tremble, un œil triste et mouillé, consolant, baisant la face, chers compagnons, mes chers amis*.

Последние стихи Ронсара представляются своего рода торжественной церемонией прощания. Мы наблюдаем многократное повторение *adieu*: *adieu, plaisant soleil; adieu, chers compagnons, adieu, mes chers amis* – так поэт прощается с материальным миром. Смерть лишает его возможности любоваться миром, лишает общества верных друзей. Лексика, относящаяся к понятию дружбы, подчеркивает торжественный характер дискурса:

*Quel ami me voyant en ce point dépouillé
Ne remporte au logis un œil triste et mouillé
Me consolant au lit et me baisant la face
En essuyant mes yeux par la mort endormis?
Adieu, chers compagnons, adieu, mes chers amis.*

Торжественность проводов усиливается преимущественно бинарным равномерным ритмом александрийского стиха.

Перед взором читателя предстает яркое изображение смерти. Поражает описание увядания человеческого тела. В эпоху Возрождения зарождается живой интерес к анатомии человеческого тела. Этот интерес находит свое отражение в сонете «*Je n'ai plus que les os...*», в котором тело человека находится в центре внимания.

Прежде всего, стоит отметить лексику, относящуюся к описанию физических характеристик человеческого тела»: *les os; squelette; mes bras; œil; mon corps; la face; mes yeux;*». Через описание умирания физического тела проявляется реальное материальное видение смерти. Точный и подробный медицинский лексикон описывает этот процесс: *décharné, dénervé, démusclé, dépulpé; étoupé*. Использование прилагательных придает смерти реалистичный характер, подводит к восприятию ее с чисто материалистической точки зрения. Человек – это прежде всего тело, состоящее из материи. О душе не упоминается. Физические ощущения преобладают над чувствами. Даже чувство страха выражается через телесные ощущения: *que de peur je ne tremble*.

Описание физического угасания человека выделяется почти навязчивым использованием префикса *dé-*, отражая акцент на постепенной гибели телесной оболочки поэта: *décharné, dénervé, démusclé, dépulpé, désassemble, dépouillé*.

В сонете Пьера де Ронсара «*Je n'ai plus que les os...*» преобладает эстетика барокко, художественного течения конца XVI – начала XVII веков, характеризующегося интересом к темам метаморфоз, смерти, иллюзий, а также обилием деталей.

Автор описывает метаморфозы собственного тела через жуткие детали его умирания. Тему иллюзии подчеркивает использование глагола *semble* в рифме, создающей впечатление мерцания: *ensemble, désassemble*. Тема смерти главенствует: еще живой поэт видит себя уже мертвым: *je n'ai plus que les os, un squelette je semble; que le trait de la mort sans pardon a frappé*. Использование времени *passé composé*, моста между прошлым и настоящим, между жизнью и смертью, подчеркивает, что смерть уже приступила к своей работе. Поэт находится между двумя мирами, являя собой подобие живого мертвеца.

Осознавая неотвратимое приближение смерти, автор переживает разные чувства. Читатель может наблюдать переход поэта от скорби к смирению со своей участью в конечном итоге.

Скорое приближение смерти вызывает у поэта скорбь и меланхолию. В четвертой строке сонета явно читается страх: *Je n'ose voir mes bras que de peur je ne tremble*. Кроме того, аллитерация [*p*], [*t*], [*d*] и [*k*] позволяет Ронсару воспроизвести физические эффекты страха, дрожь или стук зубов: *plus que; squelette; Décharné, dénervé, démusclé, dépulpé / Que le trait de la mort sans pardon a frappé; que de peur je ne tremble; deux grands maîtres; leur métier m'a trompé; Adieu, plaisant Soleil, mon œil est étoupé / Mon corps s'en va descendre où tout se désassemble; quel; en ce point dépouillé; remporte; triste; consolant; par la mort endormis; adieu, chers compagnons, adieu; le premier vous préparer la place*.

Тоска косвенно проявляется через описание прогрессирующей потери зрения и перифраз, представляющих ад: *Adieu, plaisant Soleil, mon œil est étoupé / Mon corps s'en va descendre où tout se désassemble*. Перед лицом смерти поэт впадает в меланхолию. Она просматривается в основном через более приглушенное звучание. Преобладают звуки [*an*] и [*on*]: *semble; sans pardon; tremble; Apollon et son fils, deux grands maîtres ensemble; trompé; plaisant; mon œil; mon corps s'en va descendre où tout se désassemble; me voyant en ce point; ne remporte; me consolant; me baisant; en essuyant; endormis; compagnons; je m'en vais*.

В мизансцене собственной смерти, которую рисует Ронсар в сонете «*Je n'ai plus que les os...*», чувство тревоги усиливается многими драматическими эффектами:

- хиазмом: *je n'ai plus que les os, un squelette je semble;*

- кумуляцией: *décharné, dénervé, démusclé, dépulpé*;
- анафорой *que*, живопишущей тревожный стук: *plus que les os; que le trait de la mort sans pardon a frappe; que de peur je ne tremble*;
- персонификацией смерти, придающей ей еще более реальный характер: *que le trait de la mort sans pardon a frappé*;
- многочисленными гиперболами, подчеркивающими не контролируемое поэтом умирание тела: *je n'ai plus que les os, un squelette je semble; que le trait de la mort sans pardon a frappé; mon corps s'en va descendre où tout se désassemble; en ce point dépouillé*;
- употреблением времени *présent* для акцента на непосредственной близости смерти: *je n'ai; je n'ose; mon œil est étouffé; mon corps s'en va; je m'en vais*;
- звучанием троичного ритма (3/3/3/3) во второй строке и переноса в пятой-шестой и девятой-одиннадцатой строках, создающих впечатление нарастания темпа.

Мы наблюдаем примирение Ронсара со смертью. В последнем терцете создается впечатление, что поэт окончательно принимает свою смерть. Страх перед приближением смерти Ронсар сглаживает использованием эвфемизма, сравнивая ее со сном: *En essuyant mes yeux par la mort endormis*. Его самообладание передается через размеренный ритм тринадцатой строки: *Adieu, chers compagnons, adieu, mes chers amis* (2/4//2/4).

Строка *Adieu, plaisant soleil* прекрасно передает чувства поэта, отражая его страх и боль при полной ясности мышления. Тем не менее, лиризм Ронсара не чрезмерен: во всем сонете встречается только два восклицательных знака. Два аспекта определяют его отношение к смерти в смысле земного и небесного утешения: дружба и вера в бессмертие души. Если Аполлон не может изменить судьбу человека, то люди тем более не способны на это. Однако дружба, выходящая за рамки человеческого восприятия, способна придать жизни смысл. Несмотря на неотвратимость немощности физического тела, для Ронсара поддержка друзей сродни чувству любовного осмоса. Помощь, верность, поддержка, утешение, нежность – присущие человеку качества, делающие его более великим, даже бесконечно великим в паскалевском смысле этого слова. Для утешения у поэта есть поддержка друзей, и вера в спасение души. В словах *Essuyant mes yeux par la Mort endormis* он дарит ту самую нежность, которая, несмотря ни на что, сопровождается искренней скорбью, все уходит *un œil triste et mouillé*. Образ братского содружества доминирует и делает прощание достойным. Парадокс человека, бесконечно ничтожного в своей смертности, и бесконечно величественного в своей вере в дружбу, доведен в сонете до пароксизма. Это победа над смертью: отказываясь от жалоб и погружения в причитания, поэт избегает нарциссического самолюбования. В последней строке читается обещание о том, что в загробной жизни друзья вновь воссоединятся. Таким образом, окончание сонета имеет несколько ироничный оттенок.

Поэт утешается мыслями о друзьях, крепкие узы и близость с которыми помогает Ронсару оставаться спокойным перед лицом смерти.

Смирившись с мучительным угасанием собственного тела, умиранием материи, из которой оно состоит, поэт принимает свою участь как стоик. Вспомним, что в античной философии принятие конечности существования — одна из важных составляющих учения стоицизма.

Наконец, Ронсар утешает себя упоминанием духовной концепции жизни после смерти: *Je m'en vais le premier vous préparer la place*. Однако тут читается двусмысленность, поскольку остается неясным, относится ли *la place* к небесам или месту расположения могилы.

Заключение. «Je n'ai plus que les os...» – вступительный сонет короткого сборника, опубликованного друзьями Пьера де Ронсара сразу после смерти. Сонет представляет читателю поразительную картину физического угасания поэта. В нем воспевается утешительная ценность дружбы. Сонет организован в стиле античных авторов как трогательная прощальная церемония, раскрывающая стоическое восприятие человеческой судьбы.

Ронсар представляет практически клинический анализ умирания собственного организма. Он страдает как эстет, в четвертой строке сонета показано его нежелание видеть собственное отражение. Начало сонета знаменует болезненное осознание поэтом своей физической немощи. Настойчивое повторение префикса *dé-* свидетельствует о его одержимости этим.

Отсутствие в сонете описания физической боли представляет стоическую скромность Ронсара.

Ронсар использует средства эстетики барокко, которой свойственно акцентирование на мрачных деталях, наблюдение за метаморфозами живых существ, особенно в момент смерти.

В седьмой строке сонета встречаются *soleil* и *œil*, напоминающие об отсутствии возможности для поэта больше видеть мир вокруг себя. К глухоте, приведшей прежде активного Ронсара в бездну одиночества, добавляется подступающая слепота. Смерть лишает его дающих эстетические эмоции зрительных ощущений, которые очень важны для артиста. Меланхолия поэта выражена доминирующими звуками [an] и [on]. Наблюдение за самоуничижением противопоставляется теплоте присутствия друзей. Торжественность церемонии прощания с земным подчеркивается бинарным ритмом. Подобно античным стоикам, поэт предвосхищает собственную смерть. Ритм 2/4/2/4 на три строки подчеркивает достоинство и самообладание поэта в последние мгновения жизни. Эпикурейская философия, пытлиное видение мира, отраженные в сонете, отсылают к античности, к представлению о том, что мир состоит из атомов, распадающихся с приходом смерти.

Смирное принятие смерти автором сонета видится в преуменьшении поэтом значения смерти. Читатель не видит никаких следов страха поэта перед ней. Использование глагола *endormir* наводит соответствие с классическим представлением о смерти, сравнивая ее с вечным сном. Ронсар уходит с миром. Концовка сонета указывает на христианскую веру поэта в бессмертие души.

Сочинение Ронсара демонстрирует благородный образ поэта, стремящегося освободиться от уз немощного тела. Он стремится быть сущностью, открытой для дружбы – чувства, которое поэт воспевает с невероятной силой и трепетом. Ронсар подходит к теме *tempus fugit*, как и в своих знаменитых стихах «Cueillez les roses de la vie». Мы встречаем размышления о старости и смерти, призванные побудить читателя наслаждаться своей жизнью и молодостью, пока на то еще есть время.

Выводы. В своем прощальном сонете «Je n'ai plus que les os...», относящемся к его «Последним стихам», Ронсар с тоской и тревогой говорит о собственной смерти, которую предвосхищает, чтобы, наконец, смириться с ее неотвратимостью. Мы находим напоминание – *emento mori*. Не стоит забывать о том, что человек смертен. Поэт рассматривает смерть как вполне естественную часть жизни. Это неумолимый конец, которого никому не избежать. Однако в сонете есть аллюзия на величие человека в паскалевском смысле: он может преодолеть смерть, воскреснув через чувства, веру и дружбу. При этом поэзия обретает глубочайший смысл, поскольку выполняет свою основную функцию – очищения человека, освобождение

от зла посредством слов. Кроме своей катарсической функции поэзия также помогает сохранить память о людях, о близких людях, в частности.

Сонет отражает различные течения той эпохи: интерес к анатомии в целом, человеческого тела в частности, гуманизм, отмеченный ссылками на античность, особенности эстетики барокко. Данный сонет – в высшей степени произведение поэзии барокко. Он является необычным для творчества поэта Ронсара. Впоследствии сонет вдохновит многих поэтов, таких как Бодлер («Une charogne»), Вийон («Ballade des pendus») или Жан-Батист Шассинье («Mortel Sonnet»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виппер Ю.Б. Поэзия Плеяды / Ю.Б. Виппер. – М. : Наука, 1976. – 432 с.
2. Лиханова Т.В. Перевод и интерпретация поэзии Пьера де Ронсара в русской литературе / Т. В.Лиханова. – М. : Издательство МГУ, 2008. – 96 с.
3. Монтень М. «Опыты» мудреца / М. Монтень. – М. : ОлмаМедиаГрупп / Просвещение, 2010. – 304 с.
4. Рыбакова Н.А. О духовно-эстетическом образе старости / Н.А. Рыбакова // Изв. Сарат. ун-та Нов. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2009. – № 3. – С. 47–53
5. Самотовинский Д.В. Мир ещё не состарился, подойдя к своему концу: перспектива будущего в поэзии Пьера де Ронсара до и после 1562 года / Д.В. Самотовинский // Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 3. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/mir-eschyo-nesostarilsya-podoyduya-k-svoemu-kontsu-perspektiva-buduschego-v-poezii-piera-de-ronsara-do-i-posle-1562-goda> (дата обращения: 27.06.2024).
6. Сенека Луций Анней. Совершенство духа. Мысли и афоризмы / Луций Анней Сенека. – М. : Эксмо-Пресс, 2022. – 160 с.
7. Симонов К.М. Стихи, поэмы, вольные переводы / К.М. Симонов. – М. : Советский писатель. 1962. – 424 с.
8. Цицерон Марк Туллий. Мысли и высказывания / Марк Туллий Цицерон. – М. : ОлмаМедиаГрупп / Просвещение, 2011. – 304 с.
9. Эпикур. Главные мысли / Эпикур. – М. : АСТ, 2022. – 224 с.
10. Berry A. (ed.), Garros P. Chant nuptial / A. Berry, P. Garros. – ToulouseEdouard Privat, 1953. – P. 84.
11. Bertaux D. Le récit de vie / D. Bertaux. – Malakoff : Armand Colin, 2016. – 128 p.
12. Care T. Ronsard as Apollo: Myth, Poetry and Experience in a Renaissance Sonnet-Cycle / T. Care // Yale French Studies. – 1972. – Vol. 4. – P. 79.
13. Castor G. La poétique de la Pléiade / G. Castor. – Paris : Honoré Champion, 1998. – P. 68-70.
14. Céard J., Ménager D., Simonin M. (ed.). Bibliothèque de la Pléiade // Œuvres complètes / J. Céard, D. Ménager, M. Simonin. – Paris : Gallimard, 1994. – 927 p.
15. Corneille P. Horace / P. Corneille. – Oxford : Blackwell, 1938. – 103 p.
16. Dupont D. Les Jardins qui sentent la sauvage: Ronsard et la poétique du paysage / D. Dupont. – Genève : Droz, 2000. – P. 61-62.
17. Duval E. Ronsard's Conflation of Cassical Texts / E. Duval // Classical and Modern Literature. – 1981. – Vol. 1. – P. 255–266.
18. Langer U. Invention, death and self-definitions in the poetry of Pierre de Ronsard / U. Saratoga. – Saratoga : Anna Libra, 1986. – P. 11.
19. Laumonier P. (ed.), Ronsard P. Elegie d' Anthoine Chasteigner // Œuvres complètes / P. Laumonier (ed), P. Ronsard. – Paris : Société des Textes Français Modernes, 2015. – 532 p.
20. Weber H. La creation poétique au XVIe siècle / H. Weber. – Paris : Nizet, 1956. – P. 124–126.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

21. Ronsard P. Je n'ai plus que les os... – Режим доступа: <http://www.geudensherman.wordpress.com/2011/04/20/ronsard-je-nai-plus-que-les-os/> (дата обращения: 27.06.2024).

REFERENCES

1. Vipper Ju.B. (1976). Pojezija Plejady [Pleiadian poetry]. M.: Nauka. (In Russian).

2. Lihanova T.V. (2008). *Perevod i interpretacija poezii P'era de Ronsara v russkoj literature*. [Translation and interpretation of Pierre de Ronsard's poetry in Russian literature]. M.: Izdatel'stvo MGU. (In Russian).
3. Monten' Mishel'. (2010). "Opyty" mudreca [The "Experiments" of a wise man]. M.: OlmaMediaGrupp/Prosveshhenie. (In Russian).
4. Rybakova N.A. (2009). O duhovno-jesteticheskom obraze starosti [On the spiritual and aesthetic image of old age]. In *Izv. Sarat. un-ta Nov. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika* [Proceedings of Saratov University. Series. Psychology, Pedagogy]. №3, pp. 47-53. (In Russian).
5. Samotovinskij D.V. (2020). Mir eshho ne sostarilsja, podojdja k svoemu koncu: perspektiva budushhego v poezii P'era de Ronsara do i posle 1562 goda [The world has not yet grown old, coming to its end: a perspective on the future in Pierre de Ronsard's poetry before and after 1562]. In *Vestnik IvGU. Serija: Gumanitarnye nauki* [Vestnik IvSU. Series: Humanities]. 2020. №3. <http://cyberleninka.ru/article/n/mir-eschyo-ne-sostarilsya-podoydya-k-svoemu-kontsu-perspektiva-buduschhego-v-poezii-piera-de-ronsara-do-i-posle-1562-goda> (In Russian).
6. Seneka Lucij Annej. (2022). *Sovershenstvo duha. Mysli i aforizmy* [Perfection of the spirit. Thoughts and aphorisms.]. M.: Jeksmo-Pres. (In Russian).
7. Simonov K. M. (1962). *Stihi, pojemy, vol'nye perevody* [Poems, poems, free translations]. M.: Sovetskij pisatel'. (In Russian).
8. Ciceron Mark Tullij. (2011). *Mysli i vyskazyvanija* [Thoughts and sayings]. M.: OlmaMediaGrupp/Prosveshhenie. (In Russian).
9. Jepikur. (2022). *Glavnye mysli* [Main thoughts]. M.: AST. (In Russian).
10. Berry A. (ed.), Garros P. (1953). *Chant nuptial* [Wedding song]. Toulouse: Edouard Privat. (In French).
11. Bertaux D. (2016). *Le récit de vie* [The life story]. Malakoff: Armand Colin. (In French).
12. Care T. (1972). *Ronsard as Apollo: Myth, Poetry and Experience in a Renaissance Sonnet-Cycle*. In *Yale French Studies*. Vol. 4, p. 79. (In English).
13. Castor G. (1998). *La poétique de la Pléiade* [The poetics of the Pléiade]. Paris: Honoré Champion. (In French).
14. Céard J., Ménager D., Simonin M. (ed.). (1994). *Bibliothèque de la Pléiade* [The Pléiade Library]. In *Œuvres complètes*. Paris: Gallimard. P. 68–70. (In French).
15. Corneille Pierre. (1938). *Horace* [Horace]. Oxford: Blackwell (In French).
16. Dupont D. (2000). *Les Jardins qui sentent la sauvage: Ronsard et la poétique du paysage* [Gardens that smell wild: Ronsard and the poetics of landscape]. Genève: Droz. (In French).
17. Duval E. *Ronsard's Conflation of Classical Texts*. (1981). In *Classical and Modern Literature*. Vol. 1, p. 255–266. (In English).
18. Langer U. (1986). *Invention, death and self-definitions in the poetry of Pierre de Ronsard*. Saratoga: Anna Libra. P. 11. (In English).
19. Laumonier P. (ed.), Ronsard P. (2015). *Elegie d' Anthoine Chasteigner* [Elegy by Anthoine Chasteigner]. In *Œuvres complètes*. Paris: Société des Textes Français Modernes. (In French).
20. Weber H. (1956). *La création poétique au XVIe siècle* [Poetic creation in the 16th century]. Paris: Nizet. Pp.124-126. (In French).

Поступила в редакцию 01.09.2024 г.

**MORS CERTA IN SONNET
«JE N'AI PLUS QUE LES OS...» BY PIERRE DE RONSARD**

D.M. Khrabskova, I.V. Tomicheva

The article deals with peculiarities of the sonnet "Je n'ai plus que les os..." by Pierre de Ronsard, included in the cycle of "Last Poems". In the Renaissance period, the use of the sonnet in the Italian style became entrenched by French poets such as Pierre de Ronsard. Three weeks before his death, in December 1585, Ronsard, far from his inherent glorification of women, wrote his last poems. The title of the sonnet "Je n'ai plus que les os..." from the very beginning indicates the poet's rejection of worldly vanity and even of poetry. The poem seems to be the artistic climax to the poet. The sonnet is a kind of chant declaring the distance between the poet and poetry. But it is also the final homage to poetry, which is obviously not a celebration of the body but rather a celebration of the spirit, a call to transcendence and perhaps a way of approaching God. The sonnet

reflects the poet's attitude to the approach of his own death. The analysis highlights two main concepts - death and reconciliation with it, made possible due to friendly support.

Key words: Pierre de Ronsard, sonnet, sixteenth century, Pleiades, baroque, old age, friendship, mise-en-scene, death.

Храбскова Данута Михайловна.

Кандидат филологических наук.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

Доцент, заведующий кафедрой романской и классической филологии Института филологии.

ORCID 0000-0002-2700-3661.

E-mail: danuta-simf@yandex.ru.

Томичева Ирина Валентиновна.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

Старший преподаватель кафедры романской и классической филологии Института филологии.

ORCID 0000-0002-2230-0384.

E-mail: ptitchca@rambler.ru.

Khrabskova Danuta Mihajlovna.

Candidate of Philology.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Associate Professor, Head of Department of Romance and Classical Philology, Institute of Philology.

ORCID 0000-0002-2700-3661.

E-mail: danuta-simf@yandex.ru.

Tomicheva Irina Valentinovna.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation.

Senior lecturer at Department of Romance and Classical Philology, Institute of Philology.

ORCID 0000-0002-2230-0384.

E-mail: ptitchca@rambler.ru.

Научная статья

УДК 81'373.61: 811.112.2+811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.14284944

КОНСТРУКЦИИ С НЕМЕЦКИМИ И РУССКИМИ ПРЕФИКСАЛЬНЫМИ ИНХОАТИВНЫМИ ЛОКАТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ СО ЗНАЧЕНИЕМ УДАЛЕНИЯ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

© 2024 А.Э. Исаева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID: 0009-0004-8762-834X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В данной статье исследуются семантические и структурные особенности конструкций с инхоативными глаголами удаления в немецком и русском языках. Конструкции с инхоативными глаголами удаления имеют сходства и различия в немецком и русском языках и их использование зависит от контекста и целей коммуникации. В контексте немецкого языка, обращается внимание на то, что конструкции с инхоативными глаголами удаления часто используются для выражения начала действия или процесса удаления, а также могут использоваться для передачи эмоционального оттенка или акцента на процесс удаления. В русском языке конструкции с инхоативными глаголами удаления также используются для выражения начала действия или процесса удаления, однако они могут иметь более широкий спектр значений, включая выражение намерения или приказа. В результате исследования выделены основные конструкции с инхоативными глаголами удаления, а также их структурные, семантические и функциональные особенности.

Ключевые слова: глаголы удаления, семантическая структура, формула толкования, семантический актанта, исходная/конечная точка.

Для цитирования: Исаева А.Э. Конструкции с немецкими и русскими префиксальными инхоативными локативными глаголами со значением удаления: семантическая характеристика / А.Э. Исаева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 124–135. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14284944>.

Введение. Данная работа является результатом сопоставительного исследования конструкций с локативными инхоативными (начинательные) глаголами удаления (далее – ЛИГУ) в немецком и русском языках, то есть глаголами, описанными формулами толкования «X начинает не быть в месте У» и «X начинает быть в месте Z» [8, с. 195], субъектом в конструкциях, рассматриваемого типа, выступает лицо, транспортное средство, редко предмет искусственного происхождения, например: нем. *abfahren* ‘*einen Ort fahrend verlassen, weg-, davonfahren* ‘покидать какое-л. место, уезжая’, рус. *опасть* ‘удалиться откуда-л. сверху вниз, отделившись, оторвавшись от стебля, ветвей и пр. (о листьях, лепестках, плодах и т.д.)’:

(1) *Morgen um elf fährt sie ab, zwei Tage nach Prag, dann nach Wien.* Она уезжает завтра в одиннадцать, на два дня в Прагу, потом в Вену.

(2) *Не успели опасть листья с деревьев – Максим Васильевич «отправился» вслед за Людмилой Савельевной.*

Актуальность данной работы состоит в рассмотрении семантики префиксных глаголов в составе конструкции, где большую роль в раскрытии семантики удаления играют семантические актанты и предлоги, дополняющие направление движения (удаление), выраженное префиксными глаголами. Конструкции с ЛИГУ недостаточно изучены, в частности, в сопоставительном аспекте.

Цель работы заключается в изучении структуры и семантики префиксных ЛИГУ в немецком и русском языках.

Материалом исследования послужила выборка префиксных глаголов из толковых словарей немецкого [34] и русского [31] языков. Текстовые примеры были выбраны из Национального корпуса русского языка [30] и Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [33]. В немецком языке установлено 211 инхоативных глаголов, рассмотренных в 598 текстовых примерах, в русском языке – 203 глагола, рассмотренных в 601 примерах.

1. Конструкции глаголов с префиксами являются важной частью грамматики немецкого и русского языков. Они вызывают живой интерес лингвистов и позволяют выразить различные значения и оттенки действия, в том числе и значение удаления. В данной статье уделено основное внимание анализу семантике префиксных ЛИГУ, анализу набора семантических актантов и комбинаций префикса с предлогами в конструкциях с ЛИГУ.

Проблемами глагольной префиксации занимались большое количество отечественных [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 11; 13; 14; 15 и др.] и зарубежных лингвистов [17; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 28; 29].

Н.В. Крушевский выделяет в производных приставочных глаголах два центра, которые образуют единое значение – глагольную основу, формирующую основное значение, и префикс, который добавляет оттенок значения [9, с. 152]. О.И. Дмитриева в этой связи пишет, что префиксальный глагол может рассматриваться в качестве внутренней синтагмы, которая состоит из двух структурных компонентов: производящей основы и словообразующего форманта и связанная с двумя понятийными рядами одновременно: по семантике префикса и по семантике мотивирующего глагола [4, с. 80].

Мнения лингвистов разделяются в отношении дефиниции понятия «префикс»: 1) инициальный глагольный элемент, который образует вместе с корнем новое значение и, зачастую, противоположное и оставляет за собой название «префикс» [18, с. 123], 2) синтаксически свободный компонент глагольного композита обозначается как «отделяемый префикс», «префиксоид», «глагольная частица», «преверб» [27, с. 173], «полупрефикс», «композиционная частица», «добавочный глагольный элемент» [20, с. 245].

В данной работе в немецком языке описываются два вида словообразовательных элементов – собственно префиксы (отделяемые и неотделяемые) и предложно-наречные компоненты (fort-, weg-, herab-, herunter-, hinaus-), и те, и другие вслед за Доналиез [18, с. 123] обозначаются как префиксы, а в русском языке – приставки.

В работе исследуются также предлоги, используемые в рассматриваемых конструкциях для обозначения направления от исходной точки или к конечной точке движения. Ю.С. Степанов называет предлог долгой и прерывистой морфемой вместе с окончанием как функционально целостную, аналитическую падежную форму [13, с. 44]. Б.Д. Садирова рассматривает предлог как «такой элемент речи аналитического типа, который получает собственное значение только в сочетании с полнозначными

словами» [12, с. 16]. Е. Курилович считает сочетание предлога с глагольным префиксом «единой предложно-аффиксальной морфемой» [10, с. 187].

2. Сопоставительный анализ конструкций с префиксными ЛИГУ в немецком и русском языках проводился на основе текстовых примеров. В немецкоязычном и русскоязычном материале был установлен субъект (Суб), исходная точка (ИТ), конечная точка (КТ), инструмент (Инстр) (с помощью чего выполняется удаление). Полный набор семантических актантов представлен структурой: Суб–ИТ–КТ–Инстр, например:

(3) *Я должен был выехать из тундры в посёлок на лыжах, а затем произнести финальный монолог.*

В примере (3) указаны Суб – я, ИТ – из тундры, КТ – в посёлок, Инстр – на лыжах.

Однако актантная структура не всегда является полной и отсутствующие семантические актанты будут обозначены знаком «ø», см. пример (4).

Всего было выявлено 15 конструкций актантной структуры с ЛИГУ, из которых в немецком языке представлены 14 структур, а в русском языке – 15. Наиболее частотной в обоих языках является актантная структура: Суб-ИТø-КТø-Инстрø (нем. – 237, рус. – 147), а также в русскоязычном материале наиболее частотными являются два типа: Суб-ИТø-КТ-Инстрø (134 примера) и Суб-ИТ-КТø-Инстрø (110 примеров), например:

(4) *Die schweren Maschinen donnern ab.* – Тяжёлые машины уезжают с грохотом.

(5) *He успел ещё дым осесть от танковых выстрелов, как начался крутой «разбор полётов».*

Пример (4) является демонстрацией самой частотной конструкции в немецком и русском языках Суб-ИТø-КТø-Инстрø, в которой эксплицитно выражен только Суб *die Maschine* ‘машина’, а в примере (5) Суб является *дым*.

Наименьшую частотность проявляет актантная структура немецкого языка Субø-ИТ-КТø-Инстр и русского языка – Суб-ИТ-КТ-Инстр, например:

(6) [...] *daß Allah ihm endlich Gelegenheit bot, das geliebte Mädchen aus dem Hause der eigensinnigen Eltern zu entführen, [...].* – [...] что Аллах предоставил ему наконец случай похитить любимую девушку из дома своенравных родителей, [...].

(7) *Наконец мне пришло в голову броситься в воду со скалы, чтобы глубже нырнуть за счёт инерции прыжка.*

Из примера (6) установлен набор семантических актантов с наименьшей частотностью в немецком языке Субø-ИТ-КТø-Инстр. Пример (7) демонстрирует неполную актантную структуру Суб-ИТ-КТ-Инстрø, которая является малочисленной в материале русского языка.

3. Всего в материале работы выявлено 28 префиксов в немецком языке, а также 14 приставок в русском языке, участвующих в образовании ЛИГУ. В материале отмечены 4 типа ЛИГУ направления удаления: 1) «удаление от чего-л./ удаление от ИТ» в немецком языке выражено глаголами с префиксами *ab-*, *ent-*, *weg-*, *hinaus-* и *hin-*, в русском языке – приставками *от-/ото-*, *со-*, например, немецкий глагол *fahren* в сочетании с префиксом *ab-* имеет значение ‘einen Ort fahrend verlassen. *weg-*, *davonfahren* ‘покидать какое-л. место, уезжая’, а русский глагол *бежать* с приставкой *от-* означает ‘удалиться откуда-л. ускоренным движением, быстро перебирая ногами, на некоторое, обычно небольшое расстояние’; 2) «удаление изнутри наружу» в немецком языке выражают глаголы с префиксами *aus-*, *heraus-*, *hinaus-* (*auslaufen* ‘den Hafen verlassen ‘выходить из порта’), в русском языке данное значение соответствует ЛИГУ с приставками *вы-*, *у-*, *со-/с-* (*выбежать* ‘удалиться откуда-л., от кого-, чего-л.,

перемещаясь энергично скорыми движениями, быстро перебирая ногами’); 3) «удаления сверху вниз» представлено в немецком языке глаголами с префиксами *ab-*, *herunter-*, *hinunter-*, *herab-*, *nieder-* (*herabsteigen* ‘*heruntersteigen* ‘спускаться’), в русском языке – приставками *с-/со-*, *пере-* (*свалиться* ‘двигаться откуда-л., с чего-л. сверху вниз, перестав удерживаться где-л. или потеряв опору’); 4) «удаление в другое место/удаление к КТ» представлено ЛИГУ с префиксами *ver-*, *davon-*, *herüber-* (*verlagern sich* ‘*sich von einer Stelle an eine andere bewegen* ‘переместиться с одного места на другое’) и приставками *у-*, *рас-*, *раз-*, *пере-*, *ото-*, *обо-* в русском языке (*разойтись* ‘удалиться откуда-л., покидая свое место нахождения шагом, направляясь в разные стороны или по разным местам (о нескольких или многих субъектах)’).

При анализе немецких текстовых примеров (598 примера) было выявлено 20 типов комбинаций, которые включали в себя префикс и предлог. Наиболее частотными предлогами выступили *aus*, *von*, *zu*, выражающие направительную семантику глагола и относящиеся к семантическим актантам ИТ и/или КТ. Наиболее частотными префиксами являются немецкие префиксы *ab-*, *aus-*, *ent-*, *ver-*, *weg-*, *fort-*, *herab-*, *herunter-* и *hinaus-*. Стоит отметить, что конструкции с ЛИГУ в немецком и русском языках по большей части имеют синонимичное значение как среди префиксов, так и среди предлогов. Удаление выражают приставки *с-*, *из-*, *от-*, *у-*, *вы-*, *раз-*, *рас-* и предлоги, связанные с ИТ – *с*, *из*, *от*, с КТ – *на*, *в*, *за*, *к*. Глаголы с префиксом *ent-* не могут иметь предложного управления, они управляют родительным падежом без предлога. При анализе текстового материала русского языка (601 пример) было установлено 33 конструкции с участием префикса и предлога. Самыми частотными конструкциями выявлены префикс *вы-* и предлог, а также префикс *от-* и предлог.

Таблица 1. Семантика префиксов и предлогов в конструкциях с ЛИГУ в немецком и русском языках

№	Значение ЛИГУ	Префиксы		Предлоги			
				ИТ		КТ	
		нем.яз.	рус.яз.	нем.яз.	рус.яз.	нем.яз.	рус.яз.
1	Удаление от чего-л.	weg-	у-, от-	von, aus	от	–	в, на
		fort-		aus		zu	
2	Удаление изнутри наружу	aus-	вы-	aus	с, из	nach, in	на, в, за
		hinaus-		zu		auf, zu	
3	Удаление сверху вниз	ab-	от-, у-, с(о)-	aus, von	от, из, с	–	на, в
		herab-		von		из, с(о)	
		herunter-		–	–	–	
4	Удаление в другое место	ver-	у-, раз-, рас-	–	–	um, unter	по, в

3.1. ЛИГУ со значением ‘удаление от чего-л.’ в немецком языке демонстрирует наибольшую частотность с префиксами *weg-*, *fort-*, *heraus-*, *herab-*, *herunter-* и *hinaus-*.

Наиболее продуктивным в данной группе является префикс *weg-*, для которого характерным является направленность действия из ИТ [6, с. 95] в сочетании с предлогами *von*, *aus*, например:

(8) *Als ich von Paris wegflog, stand ich noch unter dem Einfluß eines literarischen Orients.* – Когда я улетаю из Парижа, я все еще находился под влиянием литературного Востока.

В примере (8) актантная структура представлена ролями Суб – *ich* и ИТ – *Paris*.

(9) *Auch wenn er mittlerweile in Beelitz lebt, habe er nie aus seiner Heimat weggehen wollen, sagt er.* – Несмотря на то, что сейчас он живёт в Белице, он говорит, что никогда не хотел покинуть родину.

Префиксальный глагол примера (9) демонстрирует значение ‘fortgehen ‘уходить, покинуть’’, однако из контекста можно установить, что Суб покидает ИТ на длительный срок. В актантной структуре данного примера выражен Суб *er* ‘он’ и ИТ *die Heimat* ‘родина’.

Значение ‘удаления, устранения чего-л.’ выражается через продуктивный префикс *fort-*, который является вторым по продуктивности в данной группе. В сочетании с предлогами *aus* (ИТ) или *zu* (КТ) предложения с префиксальными глаголами получают маркированность движения.

(10) *Als sich Maja sich wieder einmal heimlich zum vereisten Wasserfall fortbegibt, um dort der in ihrer Einsamkeit geborenen Traurigkeit zu frönen, folgt ihr Dr. Engström heimlich.* – Когда Майя снова тайно идёт к замёрзшему водопаду, чтобы предаться печали, порождённой её одиночеством, доктор Энгстрем тайно следует за ней.

В примере (10) Суб – *Maja*, предлог, указывающий на КТ *zu* и КТ – *der Wasserfall*. Данный пример усложнён дополнительным признаком удаления – *тайно*.

(11) *Aus den Spätkonzerten rennen immer ein paar Hörer fort, die den letzten Zug bekommen wollen.* – С поздних концертов всегда убегают немногие слушатели, которые хотят успеть на последний поезд.

В данном примере представлена ИТ *das Konzert* и удаление предлогом *aus*. Семантическую структуру составляют актанты Суб–ИТ–КТø–Инстрø.

В русском языке ЛИГУ со значением «удаление от чего-л.» представляют глаголы с приставками *у-*, *от-* и предлоги ИТ *от*, КТ *в*, *на*.

(12) *Na всю жизнь запомнилась концовка «Лесного царя», отчаянные попытки отца ускакать от Лесного царя, зовущего его сына в лесное царство: ...*

Актантная структура данного примера включает роли Суб *отец* и ИТ, которая выражена мифическим существом – *Лесной царь*. Указателем ИТ служит предлог *от*.

(13) *Abbat Mattei ne успел еще отбыть в Рим, а шустрый русский был уже на полпути к завершению работы.*

В примере (13) актантная структура предложения представлена: Суб–ИТø–КТ–Инстрø, где Суб – *Abbat Mattei*, а КТ – *Рим*. Экспликатором КТ является предлог *в*.

3.2. Вторыми по частотности в обоих языках являются конструкции с ЛИГУ со значением «удаление изнутри наружу», которая включает глаголы в немецком языке с отделяемым префиксом *aus-* и предлогами: *aus*, *nach*, *in*. Предлог *aus* указывает на ИТ, а предлоги *nach* и *in* – на КТ. На основе данных из словаря словообразовательных элементов немецкого языка [32, с.59] было установлено, что префикс *aus-* в сочетании с глаголом имеет значение направленности действия изнутри наружу. В русском языке ЛИГУ данной группы представлены глаголами с приставкой *вы-* и предлогами ИТ *с*, *из* и КТ – *на*, *в*, *за*.

(14) *Der Vogel ist aus dem Käfig ausgekommen.* – Птица вылетела из клетки.

Пример (14) содержит неполный набор семантических актантов: Суб–ИТ–КТø–Инстрø. Предлог *aus* указывает на закрытое пространство (*der Käfig* ‘клетка’), из которого совершается удаление.

(15) *Er ist seinen Freunden, von Hause, nach Amerika ausgerückt.* – Он уехал от своих друзей, из дома в Америку.

В примере (15) выражены ИТ и КТ в актантной структуре, что характеризуется низкой частотностью. Для экспликации ИТ служит предлог *von*, а для указания на КТ –

nach, таким образом формулу семантических актантов можно представить как Суб–ИТ–КТ–Инстрø.

Специфическими показателями того, что пространство в немецком языке входит в сферу субъекта, являются сложные приставки с *hin-* и *her-* в качестве предложно-наречного компонента (типа *herab-*, *herunter-*, *hinaus-*). Так, префикс *heraus-* имеет «значение направленности движения изнутри наружу», а сложный префикс *hinaus-* толкуется как «движение наружу от говорящего; удаление, движение вдаль» [16, с.212].

Данную специфику показывают грамматические конструкции – *hinaus-+durch*, *hinaus-+auf*, *hinaus-+zu*.

(16) *So wenig wie mir Flügel wachsen und ich durch dieses Fenster hinausfliegen werde.* – Скорее у меня вырастут крылья и я вылечу в это окно.

В данном примере находит репрезентацию семантическая структура конструкции Суб–ИТ–КТø–Инстрø, где Суб – *ich* ‘я’, ИТ – *das Fenster* ‘окно’. Однако, из контекста можно установить, что *das Fenster* является промежуточной точкой, поскольку Суб совершает действие изнутри наружу.

(17) *Ich will hinauslaufen auf den Hof und die Neuigkeit meinem Freund mitteilen.* – Хочу выбежать во двор и поделиться новостью со своим другом.

В примере (17) набор семантических актантов можно представить, как Суб–ИТø–КТ–Инстрø, где Суб – *ich*, а КТ – *der Hof* ‘двор’.

Наиболее частотная комбинация в русском языке была установлена с приставкой *вы-* и предлогом, где предлогами ИТ были выявлены: *из*, *с*. Приставка *вы-*, как немецкий префикс *aus-* имеет схожее значение «удаление изнутри наружу».

(18) *Никто никому не назначает встреч – все, как приедут, норвят побыстрее выбежать из вагонов и покинуть станцию.*

В примере (18) иллюстрируется конструкция Суб–ИТ–КТø–Инстрø, где значение приставки усиливается предлогом. В данном примере Суб – *все*, а ИТ – закрытое пространство – *вагон*.

(19) *Они летели так низко над аэродромом, что даже не могли выброситься с парашютами...*

Примечательным в примере (19) является наличие Инстр – *парашют*, однако наличие ИТ можно установить только из контекста, она не выражена. Суб также покидает закрытое пространство изнутри наружу. Набор семантических актантов дополняется Инстр и представлен Суб–ИТø–КТø–Инстр.

Следующие конструкции характеризуются указанием на КТ: *вы-+на*, *вы-+в*, *вы-+за*, см.пример:

(20) *Это как вывалиться на сцену из-за кулисы.*

Данный пример иллюстрирует ИТ – *кулиса* посредством предлога *из-за* и КТ – *сцена* через предлог *на*, однако отсутствует Суб.

(21) *Если вы собираетесь выехать за пределы очерченного региона, необходимо честно об этом предупредить.*

Пример (21) чётко демонстрирует значение префикса, усиливаясь предлогом *за*. Данный пример содержит актанты Суб *вы*, ИТ *очередной регион*, КТ *за пределы*.

3.3. Следующую по частности группу «удаление сверху вниз» представляют в немецком языке глаголы с префиксом *ab-*, который выражает отдаление от известной точки, как на значительное, так и незначительное расстояние и предлогами: *zu*, *aus*, *von*, где предлоги указывают на ИТ. В русском языке данные ЛИГУ представлены приставками *от-*, *у-*, *с(о)-* и предлогами ИТ *от*, *из*, *с* и КТ – *на*, *в*, *к*.

(22) *Abends bin ich zu Hause abgehauen, morgens mit dem ersten Zug zurück.* ‘Вечером я убежал из дома, а утром вернулся первым же поездом.’

(23) *Von ihm soll man sich bei einem Brand aus dem Fenster abseilen.* – Из него следует спуститься в окно в случае пожара.

Так, в валентностной структуре примера (22) конструкции *ab-+zu* ИТ служит закрытое пространство – *das Haus* ‘дом’. Набор семантических актантов в данном примере является неполным и может быть представлен, как Суб–ИТ–КТø–Инстрø. Однако данная конструкция стала самой малочисленной в семантической группе со значением «удаление сверху вниз». В примере (23) находит отображение конструкция *ab-+aus* и значение глагола с данной приставкой «движение сверху вниз». В качестве Суб выступает безличное местоимение *man*, а ИТ – *das Fenster*.

Следующая конструкция со значением удаления – *ab-+von*.

(24) *Heutzutage kann man sich doch von Familie und Beruf einfach abseilen.* – В настоящее время можно просто уйти из семьи и с работы.

В примере (24) предлог *von* указывает на абстрактные понятия *die Familie* ‘семья’, *der Beruf* ‘профессия’, однако в данном случае они обозначают ИТ и в примере Суб выражен безличным местоимением *man*. Актантная структура примера (24) представлена Суб–ИТ–КТø–Инстрø.

Грамматическая конструкция с префиксом *herab-* в сочетании с предлогом *von* эксплицирует ИТ, а предлог *zu* – КТ.

(25) *Er stieg vom Berg herab und betete vor jeder freistehenden Fläche.* – Он спускался с горы и молился перед каждой отдельно стоящей площадью.

(26) *Sie steigt herab zu mir, aus dem Bild, nimmt mich in die Arme.* – Она спускается ко мне с картины, берет меня на руки.

Примеры (25) и (26) имеют разный набор семантических актантов: так, в примере (25) есть Суб – *er* и ИТ – *der Berg* ‘гора’. В примере (26) Суб – *sie*, ИТ – *der Bild* ‘картина’, а КТ выражена местоимением *ich*.

Префикс *herunter-* имеет в своём окружении только предлог *von*, указывающий на ИТ, например:

(27) *Mit allerlei Instrumenten habe dieser Arzt [...] seine Patienten malträtiert und gefoltert, bis er sich selbst[...] von einem Turm herunterstürzte.* – Этот врач [...] жестоко обращался со своими пациентами и пытал их, пока [...] не бросился с башни.

Комбинация *herunter-+von* в примере (27) выражает значение «удаление сверху вниз» и имеет актантную структуру Суб–ИТ–КТø–Инстрø.

Группу «удаление сверху вниз» в русском языке представляют конструкции с префиксом *от-* и предлогами ИТ – *от, из, с* и КТ – *на, в*.

(28) *Она поняла, что ей нужно всего лишь отлучиться ненадолго с рабочего места.*

Характерно, что в примере (28) ЛИГУ предполагает, что Суб удаляется ненадолго, на небольшое расстояние с тем, чтобы возвратиться. Актантная структура данного примера выражена Суб – *она* и ИТ – *рабочее место*.

(29) *Говорит, догадался откатиться в кювет и спасся, а Дима не успел.*

Пример (29) имеет указание КТ – *кювет*, остальные роли не заполнены.

Грамматическая конструкция *у-* и предлог представляет ИТ двумя предлогами – *из, от*, КТ – *на, в*.

(30) *Но он сразу ставит условие, что должен улететь из Америки двенадцатого.*

В примере (30) значение удаления репрезентуется префиксом и усиливается предлогом *из*. Набор семантических актантов является не полным: Суб–ИТ–КТø–Инстрø.

(31) *До сих пор во мне, стоит только вспомнить, закипает эта бессмысленная одержимость, азарт удрать в эту морскую опасную распахнутость.*

В примере (31) КТ выражен стилистически окрашенным образным понятием *морская распахнутость* вместо нейтрального *морское путешествие* и Суб не выражен.

Одной из самых многочисленных глагольных конструкций префикса и предлога стала группа префикса *с-* и предлогов, определяющих КТ – *на, к, в* и ИТ – *из, с (со)*.

(32) *Напрягая все силы, мог сдвинуться к краю тахты, свалиться на пол.*

Конструкция в примере (32) *с-+на* обозначает удаление на небольшое расстояние. В наборе семантических актантов присутствует только указание КТ *к краю тахты*.

(33) *Он попытался было слезть с помоста, но я всё-таки уговорил его прыгнуть.*

(34) *Этот талантливый парень в 16 лет решает сбежать из дому, не желая, чтобы его делили разведенные родители.*

Примеры (33) и (34) имеют одинаковую актантную структуру: Суб–ИТ–КТø–Инстрø., где в примере (33) Суб – *он*, ИТ – *помост*, а в примере (34) Суб – *парень*, ИТ – *дом*.

3.4. Группу «удаление в другое место» составляют грамматические конструкции ЛИГУ с префиксом *ver-* в немецком языке. Примечательным является то, что предлоги *im* и *unter* в составе с грамматической конструкцией указывают только на КТ. В русском языке в данную группу вошли конструкции с приставками *у-, раз-, рас-* и предлогами КТ *по, в*.

(35) *Beim Konzert habe er sich "mit einem Zwinkern" um die Ecke verdrückt und sei "aufgepäppelt" zurückgekommen.* ‘На концерте он ускользнул за угол «подмигнув» и вернулся «посвежевшим».’

(36) *Womöglich wird sich ein Teil des Verkehrs sogar unter die Erde verlagern.* – Возможно, часть транспорта переместится даже под землю.

Экспликатором КТ в примере (35) служит предлог *um*, а Суб – *er* ‘он’, а в примере (36) указанием на КТ является предлог *unter* и Суб – *die Erde* ‘земля’. Данные примеры имеют неполный набор семантических актантов и могут быть представлен, как Суб–ИТø–КТ–Инстрø.

В русском языке, как и в немецком, префиксальные ЛИГУ в сочетании с предлогами выражают ситуацию, в которой указана только КТ.

(37) *Он прогнал их через всю деревню, потом, уже ничего не разбирая, кинулся на толпу баб и девок, – те с визгом и воем рассыпались по сторонам.*

(38) *Либо вы становитесь хорошими друзьями и понимаете, что вы одна команда, либо все это заканчивается, муж и жена начинают раздражать друг друга, и тогда, конечно, надо разбежаться в разные стороны.*

Примеры (37) и (38) эксплицируют разнонаправленное движение поскольку приставки *раз-/рас-* могут указывать на разделение чего-либо на части. В данных примерах выражены только КТ – *по сторонам* (37) и *в разные стороны* (38).

Выводы. 1) При описании конструкций с ЛИГУ установлен набор семантических актантов, включающий Суб–ИТ–КТ–Инстр в материале работы отмечены 14 типов актантных структур в немецком языке и 15 типов в русском языке. Наиболее частотной в обоих языках является конструкция, включающая только семантический актант Суб. В русском языке частотны также актантные структуры, содержащие Суб и ИТ и Суб и

КТ. Наименьшую частотность проявляет конструкция немецкого языка Суб \emptyset -ИТ-КТ \emptyset -Инстр и русского языка – Суб-ИТ-КТ-Инстр \emptyset .

2) В исследуемом материале установлены 28 префиксов в немецком языке и 14 приставок в русском языке, с помощью которых образуется ЛИГУ. Наиболее продуктивными в немецком языке являются ЛИГУ с префиксами *ab-*, *aus-*, *weg-*, *fort-*, в русском языке с приставками *от-*, *вы-*, *у-*, *с-*. Наименьшую продуктивность в немецком языке проявляют ЛИГУ с префиксами *zer-*, *hinab-*, а в русском языке префиксы *на-* и *об-*.

3) В немецком и русском языках отмечено соответствие префиксов: глаголы с префикс *ab-* часто соответствуют в русском языке глаголам с приставками *от-*, *у-*; префикс *aus-* – *вы-*; глаголы с префиксами *ent-* и *ver-* – *у-* и *раз-*, *рас-* соответственно; глаголы с префиксами *fort-* и *weg-* соответствует в русском языке ЛИГУ с префиксами *у-*, *от-*; префиксы *herab-* и *herunter-* – *с(о)*, а префикс *hinaus-* соответствует русской приставке *вы-*. Соответствия предлогов, указывающие на ИТ *aus* – *из*, *von* – *от* и на КТ – *in* – *в*, *nach* – *в* (по указанию направления движения)’, *zu* – *к*, *unter* – *вниз*.

4) В исследуемых языках существуют комбинации префикс+предлог, указывающие на: 1) ИТ: нем. *aus*+*aus*, *ab*+*aus*, *weg*+*aus*, рус. *вы*+*с*, *от-*, *у-*, *с(о)*+*от*; 2) на КТ: нем. *aus*+*nach*, *hinaus*+*auf*, *fort*+*zu*, рус. *вы*+*в*, *от-*, *у-*, *с(о)*+*в*, *от*, *у-*, *раз-*, *рас*+*к*.

5) Наиболее частотными в обоих языках являются ЛИГУ со значением «удаление от чего-л.», «удаление изнутри наружу» и «удаление сверху вниз».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Н.С. Авилова. – АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1976. – С. 259–315.
2. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 23–39.
3. Вострова Ю.А., Филь Ю.В. Корпусное исследование русских глагольных префиксов (на материале глаголов с префиксом пред- / Вострова Ю.А., Филь Ю.В. // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2020. – С. 126-135.
4. Дмитриева О.И. Развитие идей Н.В. Крушевского в области префиксального глагольного словообразования / О.И. Дмитриева // Николай Крушевский: научное наследие и современность: материалы Междунар. Науч. конф. «Бодуэновские чтения». – Казань: Новое знание, 2002. – С. 79–83.
5. Жилюк С.А., Пономарева Т.В. Сочетаемость немецких префиксов и полупрефиксов с заимствованными основами в немецком языке / Жилюк С.А., Пономарева Т.В. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2019. – С. 202-210.
6. Зализняк А.А. Многозначность в языке и ее представления / А.А. Зализняк. – Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2002. – 66 с.
7. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996. – С. 90–141.
8. Калиущенко В.Д. Немецкие отыменные глаголы: синхрония, диахрония, типология : монография / В.Д. Калиущенко – Донецк : ДонНУ, 2019. – Том 17. – 250 с.
9. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке / Н.В. Крушевский // Избранные работы по языкознанию / Сост. Ф.М. Березин; Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наследие, 1998. – С. 152.
10. Курилович Е. Проблема классификации падежей / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – Биробиджан: Тривиум, 2000. – С. 186–205.
11. Русская грамматика. В 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т.1. – 783 с.; Т.2. Синтаксис. – 714 с.
12. Садирова Б.Д. Сопоставительный анализ предлогов, выражающих временные отношения в таджикском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20; Российско-таджикский славян. ун-т. / Б.Д. Садирова. – Душанбе, 2014. – 24 с.
13. Степанов Ю.С. Время / Ю.С. Степанов // Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 171–188.

14. Тихонов А.Н. Префиксальные видовые пары (приставка от-) / А.Н. Тихонов // Материалы XXIV науч. конф. профессорско-преподавательского состава Самарк. ГУ им. Навои (18-22 апреля 1967 г.) Сер. филол. наук. Вып.6. – Самарканд, 1968.
15. Улуханов И.С. Словообразование. Морфология. Лексикология / И.С. Улуханов. – М.: Логос, 2012. – С. 82–135.
16. Шамне Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурном освещении / Н.Л. Шамне. – Волгоград, 2000. – 392 с.
17. Barz I. Die Wortbildung als Möglichkeit der Wortschatzerweiterung / I. Barz // Lexikologie. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008. – Ss. 1664–1676.
18. Donalies E. Die Wortbildung des Deutschen. Ein Überblick. 2., überarb. Aufl. – Tübingen: Gunter Narr, 2005. – 192 S.
19. Eisenberg P. Wer hat Angst vor den be-Verben? / P. Eisenberg // W.P. Klein, I. Paul (Ed.): Sprachliche Aufmerksamkeit : Glossen und Marginalien zur Sprache der Gegenwart / hrsg. von Wolf Peter Klein... – Heidelberg : Winter, 1993. – S. 49–54.
20. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. Band 1. 3., durchgeseh. Aufl. – Stuttgart: J.B. Metzler, 2006. – 534 S.
21. Fillmore Ch.-J. Grammatical Construction Theory and the familiar dichotomies / Ch.-J. Fillmore // Language processing in social context, ed. by R. Dietrich & C.F. Graumann. – Amsterdam: North-Holland/Elsevier, 1989. – Pp. 17-38.
22. Günther H. Das System der Verben mit BE- in der deutschen Sprache der Gegenwart. Ein Beitrag zur Struktur des Lexikons der deutschen Grammatik. – Tübingen: Niemeyer, 1974 (Linguistische Arbeiten 23). – 279 S.
23. Henzen W. Deutsche Wortbildung. – Tübingen: Niemeyer, 1965. – 306 S.
24. Kaliušenko V. D. Typologie denominaler Verben. – Tübingen : Niemeyer, 2000 (Linguistische Arbeiten 419). – 253 S.
25. Kühnhold I., Wellmann H. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Eine Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache Forschungsstelle Innsbruck. Erster Hauptteil: Das Verb. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1973. – 536 S.
26. Leisi E. Der Wortinhalt: Seine Structur im Deutschen und Englischen / E. Leisi. – Heidelberg : Quelle&Meier, 1971. – 141 S.
27. Polenz P. Wortbildung / P. Polenz // H.P. Althaus u.a.: Lexikon der Germanischen Linguistik. 2. vollst. neu bearb. u. erw. Aufl. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – Ss. 169-180.
28. Schmidt G. Deutsche Verbalzusammensetzungen aus weg/her/hin und Verben der Fortbewegung und ihre russischen Entsprechungen. – Impressum Leipzig : Karl-Marx-Universität, 1989. – 130 S.
29. Weber G. Untersuchungen zur Mentalen Repräsentation von Bewegungsverben: Merkmale, Dimension und Vorstellungsbilder. – IV, Anh., Braunsch, Techn. Univ., Diss., 1983. – 129 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

30. Национальный корпус русского языка. – Режим доступ: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.11.2023)
31. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1988. – 752 с.
32. ССЭНЯ: Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. / Под рук. М.Д. Степановой. – М. : Рус. яз., 2000. – 536 с.
33. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Режим доступ: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 31.10. 2023).
34. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden. Band 1-6. Unter Leitung von Günter Drosdowski. – Mannheim, Wien, Zürich : Bibliographisches Institut, 1976-1981. – 2992 S.

REFERENCES

1. Avilova N.S. (1976) Vid glagola i semantika glagol'nogo slova. [The type of verb and the semantics of the verb word] AN SSSR. In-t rus. yaz. (pp. 259–315) M. (In Russian).
2. Apresyan Yu.D. (2006) Yazy'kovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya [Language picture of the world and system lexicography] in Yazy'ki slavyanskix kul'tur [Languages of Slavic cultures]. (pp. 23–39) Moskva (In Russian).
3. Vostrova Yu.A., Fil' Yu.V. (2020) Korpusnoe issledovanie russkix glagol'ny'x prefiksov (na materiale glagolov s prefiksom pred- [Corpus study of Russian verbal prefixes (based on the material of verbs with the

prefix pre-]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University]. (pp. 126–135) Tomsk (In Russian).

4. Dmitrieva O.I. (2002) Razvitie idej N.V. Krushevskogo v oblasti prefiksalnogo glagol'nogo slovoobrazovaniya [The development of N.V. Krushevsky's ideas in the field of prefixed verbal word formation]. Nikolaj Krushevskij: nauchnoe nasledie i sovremennost': materialy` Mezhdunar. Nauch.konf. «Bodue`novskie chteniya» [Nikolai Krushevsky: Scientific heritage and modernity: proceedings of the International Scientific conf. "Baudouin Readings"]. (pp. 79–83) Kazan` (In Russian).

5. Zhilyuk S.A., Ponomareva T.V. (2019) Sochetaemost` nemeckix prefiksov i poluprefiksov s zaimstvovanny`mi osnovami v nemeckom yazy`ke [Compatibility of German prefixes and semi-prefixes with borrowed bases in the German language]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachesvskogo [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachesvsky]. (pp. 202–210) Nizhnij Novgorod (In Russian).

6. Zaliznyak A.A. (2002) Mnogoznachnost` v yazy`ke i ee predstavleniya [Polysemy in language and its representations]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M. (In Russian).

7. Zemskaya E.A. (1996) Aktivny`e processy` sovremennogo slovoпроизводства [Active processes of modern word production]. Russkij yazy`k koncza XX stoletiya (1985–1995) [Russian language of the late twentieth century (1985–1995)]. (pp. 90–141) M. (In Russian).

8. Kaliushhenko V.D. (2019) Nemeckie oty`menny`e glagoly`: sinxroniya, diaxroniya, tipologiya [German nominative verbs: synchrony, diachrony, typology]. Tom 17. Doneczk. (In Russian).

9. Krushevskij N.V. (1998) Ocherk nauki o yazy`ke [An essay on the science of language]. Izbranny`e raboty` po yazy`koznaniyu [Selected works on linguistics]. M. (In Russian).

10. Kurilovich E. (2000) Problema klassifikacii padezhej [The problem of case classification] in Ocherki po lingvistike [Essays on linguistics]. (pp. 186–205) Birobidzhan (In Russian).

11. Russkaya grammatika [Russian Grammar] (1980). V 2 t. M. T.1.; T.2. Sintaksis (In Russian).

12. Sadirova B.D. (2014) Sopostavitel`ny`j analiz predlogov, vy`razhayushhix vremenny`e otnosheniya v tadzhikskom i anglijskom yazy`kax [Comparative analysis of prepositions expressing temporal relations in the Tajik and English languages]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Dushanbe. (In Russian).

13. Stepanov Yu.S. (1997) Vremya [Time] in Konstanty`: slovar` russkoj kul`tury`: opy`t issledovaniya [Constants: Dictionary of Russian Culture: research experience]. (pp. 171–188) M. (In Russian).

14. Tihonov A.N. (1968) Prefiksally`e vidovy`e pary` (pristavka ot-) [Prefixed species pairs (prefix ot-)]. Materialy` XXIV nauch. konf. professorsko-prepodavatel`skogo sostava Samark. GU im. Navoi (18–22 aprelya 1967 g.) [Materials of the XXIV scientific conference of the faculty of Samarkand. GU im. Navoi (April 18–22, 1967)] Ser. filol. nauk. Vy`p.6. Samarkand. (In Russian).

15. Uluhanov I.S. (2012) Slovoobrazovanie. Morfonologiya. Leksikologiya. [Word formation. Morphology. Lexicology] (pp. 82–135) M. (In Russian).

16. Shamne N.L. (2000) Semantika nemeckix glagolov dvizheniya i ix russkix e`kvivalentov v lingvokul`turnom osveshhenii [Semantics of German verbs of movement and their Russian equivalents in linguocultural coverage]. Volgograd (In Russian).

17. Barz I. (2008) The word formation as a way of vocabulary extension. Lexicology. An international Handbook on the nature and structure of words and vocabularies. Vol. 2, Berlin, NY, (pp. 1664–1676) (In German).

18. Donalies E. (2005) The word formation of the German. An overview. 2d, rev. ed. Tübingen. (In German).

19. Eisenberg P. (1993) Who is afraid of the be-verbs? Linguistic attention. Glosses and marginalia to the language of the present. (pp. 49–54) Heidelberg. (In German).

20. Eisenberg P. (2006) Outlines of the German grammar, Vol. 1, The word. 3^d. rev. ed. Stuttgart, J.B. Metzler. (In German).

21. Fillmore Ch.-J. (1989) Grammatical Construction Theory and the familiar dichotomies. Language processing in social context. (pp. 17–38). Amsterdam.

22. Günther H. (1974) The system of verbs with BE- in the German language of the present. A contribution to the structure of the lexicon of German grammar. Tübingen, (Linguistische Arbeiten 23). (In German).

23. Henzen W. (1965) German word formation. Tübingen. (In German).

24. Kaliuščenko V.D. (2000) Typology of denominational verbs. Tübingen. (In German).

25. Kühnhold I., Wellmann, H. (1973) German word formation. Types and tendencies in contemporary language. Eine Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache Forschungsstelle Innsbruck. Erster Hauptteil: Das Verb. Düsseldorf. (In German).

26. Leisi E. (1971) The content of the word: Its structure in German and English. 4., durchges. u. erw.Aufl., Heidelberg. (In German).

27. Polenz P. (1980) Word formation. Lexicon of Germanic linguistics. 2nd , compl. rev. and ext. ed. (pp. 169–180) Tübingen. (In German).
28. Schmidt G. (1989) German verbal compositions from weg/her/hin and verbs of locomotion and their Russian equivalents. Impressum Leipzig. (In German).
29. Weber G. (1983) Investigations on the mental representation of movement verbs: features, dimension and images of imagination. IV, Anh., Braunsch, Techn. Univ., Diss. (In German).

Поступила в редакцию 20.09.2024 г.

CONSTRUCTIONS WITH GERMAN AND RUSSIAN PREFIXED INHOATIVE LOCATIVE VERBS WITH THE MEANING OF LEAVING: SEMANTIC CHARACTERISTICS

A.E. Isaeva

This article examines the semantic and structural features of constructions with inhoative verbs of leaving in German and Russian. The main idea of the article is that constructions with inhoative verbs of leaving have similarities and differences in German and Russian and their use depends on the context and goals of communication. In the context of the German language attention is drawn to the fact that constructions with inhoative leaving verbs are often used to express the beginning of an action or process of leaving and can also be used to convey an emotional connotation or emphasis on the leaving process. In Russian constructions with inhoative leaving verbs are also used to express the beginning of an action or the process of leaving, however, they can have a wider range of meanings including the expression of intention or command. As a result of the work, the main constructions with inhoative leaving verbs, as well as their structural and semantic features, are highlighted. In the context of the leaving process affecting the effective perception and transmission of information about the process itself.

Keywords: leaving verbs, semantic structure, interpretation formula, semantic actant, starting/ending point.

Исаева Анна Эдуардовна.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», Российская Федерация, г. Донецк.

Старший преподаватель кафедры германской филологии.

ORCID 0009-0004-8762-834X.

E-mail: ann-isayeva@mail.ru.

Isaeva Anna Eduardovna.

Donetsk State University, The Russian Federation, Donetsk.

Senior lecturer at the Department of German Philology.

ORCID 0009-0004-8762-834X.

E-mail: ann-isayeva@mail.ru.

Научная статья
УДК: 81'373.46
DOI: 10.5281/zenodo.14285211

ЯЗЫКОВАЯ ДИНАМИКА РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА)

© 2024 Чэнь Сяюй

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID: 0009-0002-3019-0397

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье на материале экономических терминов из публицистических текстов рассматриваются происхождение и особенности формирования экономической терминологии, причины появления новых значений слов и неологизмов, связанных не только с социально-экономическим развитием, но и с семантическим потенциалом, новой словообразовательной парадигмой и устойчивостью фокуса внимания на лексическом значении. В экономической терминосистеме преобладают заимствования, хотя в XXI веке наблюдается тенденция к уменьшению их количества в русском языке. В работе особое внимание уделяется терминам-неологизмам в публицистических текстах электронных СМИ начала XXI века («Коммерсантъ», «Ведомости», «ТВЦ», «Seldon», «News», «Вести», «Finversia», «Forklog», «SoyaNews» и т.д.). Исследование проводилось с использованием метода компонентного анализа, метода семантического анализа, статистического метода, описательного метода (контекстного анализа).

Ключевые слова: языковая динамика, экономическая терминология, семантический потенциал, словообразовательная парадигма, метафоризация, контаминация, неологизмы, публицистический текст.

Для цитирования: Чэнь Сяюй. Языковая динамика русской экономической терминосистемы (на материале электронных СМИ конца XX – начала XXI века) / Сяюй Чэнь // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 136–146. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14285211>.

Введение. Актуальность данной работы определяется постоянными и быстрыми изменениями в экономической терминосистеме, включающими появление как собственно неологизмов, так и новых словообразовательных средств. Такие изменения связаны с социальными процессами в обществе и психологической деятельностью носителей языка.

Целью работы является выявление семантических и словообразовательных особенностей экономических терминов, определение причин изменений экономической терминосистемы на основе анализа публицистических текстов электронных СМИ конца XX – начала XXI века.

Задачи были поставлены на основе целей:

- 1) Проанализировать языковые особенности экономических терминов в публицистических текстах в конце XX – начале XXI века.
- 2) Определить факторы, влияющие на формирование экономических терминов.
- 3) Проследить частотность использования экономических терминов в начале XXI века.

Новизна статьи заключается в анализе неологизмов в сфере экономики, в особенности новых экономических слов, встречающихся в публицистических текстах 2010-2020-х гг. в их связи с социальными, лингвистическими, психологическими и когнитивными процессами.

Как известно, язык представляет собой подвижную и проницаемую систему, являясь той сферой, где происходят значительные изменения, и экономическая терминосистема, в свою очередь, является одной из наиболее динамично развивающихся терминосистем русского языка. Русская экономическая терминология в её современном состоянии представляет собой значительный по численности единиц и постоянно количественно растущий пласт лексики [6, с. 54–62]. Причины языковых изменений стали одной из проблем, постоянно привлекающих внимание ученых. В XX веке многие языковеды, прежде всего советские, в частности под влиянием идей Н.Я. Марра, выдвигали разные теории о том, что изменения в языке прямо связаны с изменениями в экономике и политике.

Е.Д. Поливанов считал теорию марристов крайне упрощенной и предложил концепцию, согласно которой социально-экономический фактор влияет на языковые изменения косвенно, а не прямо [1, с. 247].

Хотя в целом гипотеза о том, что изменения в языке непосредственно вызваны изменениями в экономике и политике, не была достаточно обоснованной, применение ее к анализу динамики русской экономической терминосистемы представляется оправданным. Изменения словарного состава обусловлены рядом значительных событий конца XX – начала XXI века: глобализация экономики, переход экономической системы и распад СССР в конце XX века, экономический кризис 2008–2012 годов, пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 году. Однако не только социально-экономические факторы прямо влияют на язык. Например, в эпоху пандемии коронавируса особенно ясным стало влияние на языковые процессы в сфере лексики психологического фактора. Еще В.И. Даль писал, что «словесная речь человека видимая и осязаемая связь. Звено между душой и телом» [5, с. 9]. Смыслообразование является результатом взаимодействия познавательной деятельности и опыта социальной жизни человека. Кроме этого, можно отметить тот факт, что в 2010–2020 годах в сфере экономики языковая динамика связана с семантическим потенциалом экономических терминов и новой словообразовательной парадигмой.

Материалы и методы исследования. Материалами для настоящей работы послужили публицистические тексты электронных СМИ («Коммерсантъ», «Ведомости», «ТВЦ», «News», «Вести», «Finversia», «Integral-Russia» «SoyaNews») и терминологические словари. В работе использованы следующие методы: метод компонентного анализа, метод семантического анализа, статистический метод (для анализа частотности употребления терминов), описательный метод (контекстный анализ).

Основная часть. Анализ происхождения экономических терминов, взятых из «Современного экономического словаря» под общей редакцией профессора Б.А. Райзберга, показывает, что среди них преобладают заимствования. Во втором издании того же словаря преобладают термины на базе латинского языка. Это связано с тем, что латынь рассматривалась как международный язык науки и учености на протяжении Средневековья и эпохи Возрождения [3, с. 208]. Шестое издание этого же словаря (2012 г.) характеризуется преимущественно заимствованиями из английского языка, отсутствием устаревших слов и появлением новых терминов, что связано с тем,

что с конца XX века начались изменения мировой экономической системы. Это повлияло на тот факт, что английский язык стал языком мировой науки.

Терминология характеризуется системностью, которой в некотором смысле противоречат такие лингвистические явления, как полисемия, синонимия, метафоризация номинаций и эмоциональный компонент значения [12, с. 12–40]. Но экономика как наука отличается от естественных наук тесной связью с политической и социальной деятельностью общества. Экономическая теория, по существу, решает проблему необходимости сочетания ограниченных ресурсов и неограниченных потребностей. К последним относятся физиологические потребности, потребности в безопасности, социальные потребности, потребность в уважении и потребности в самореализации, по мнению А. Маслоу [2, с. 16–24]. В связи с этим в какой-то степени языковая динамика в экономической терминосистеме прямо взаимосвязана с политикой и обществом.

В конце XX века на первых съездах народных депутатов появление слова "рынок" символизировало становления новой модели экономики и очередной попытки России встать на путь европейского развития [4, с. 163]. Переход России к рыночной экономике и ее интеграция в мировую экономику способствовали заимствованию терминов, особенно англицизмов. Наряду с этим наблюдается возрождение устаревших слов, связанных с экономикой капитализма, появление большого числа рыночных терминов. В начале XXI века экономический кризис и пандемия коронавируса повлияли на изменения в семантике терминов и на увеличение числа неологизмов, что особенно проявилось в коронавирусный период. В количественном отношении эти процессы сравнимы с динамикой языковой системы, характерной для эпохи Перестройки во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов, затронувшей в том числе сферу экономики.

В 2008 году вследствие несостоятельности ипотечной системы многие страны подверглись мировому экономическому кризису, который продолжался четыре года, что повлияло на увеличение частотности употребления некоторых терминов. Например, аккредитив стал основной формой расчетов в импортной и экспортной торговле. В связи с этим во время кризиса данный термин стал использоваться с высокой частотностью. Слово *аккредитив* происходит из латинского языка и используется преимущественно в международной торговле. В текстах газеты «Коммерсантъ» с 2010 по 2012 год данный термин появляется 18 раз, а с 2013 по 2020 год только 10 раз. Кроме того, значения слов также могли меняться. Аккредитивы раньше обозначали документы с постфинансированием и дисконтированием, а сегодня аккредитивы – это документы, которые исполняются путем платежа с денежным покрытием в исполняющем банке.

В 2020 году началась пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, которая вывела мировую экономику из-под контроля и нарушила привычный порядок жизни. Внезапность данного события способствовала тому, что русскому языку пришлось мгновенно отреагировать на это. Появились неодериваты пандемийной тематики в процессе словотворчества. Номинативные процессы неологизации данной эпохи, особенно контаминация, морфологическое словообразование и семантическая деривация, оказались сконцентрированными вокруг таких слов-понятий, как ковид, корона (вирус), самоизоляция (карантин, локдаун) [9, с. 17].

Согласно определению экономики, которое дает Б.А. Райзберг, «экономика – это хозяйство, наука о хозяйстве и хозяйствовании и отношения между людьми в процессе хозяйствования» [10, с. 7], которая связана с деятельностью людей, поэтому в языке

психологическое и эмоциональное выражение стало ясным. Функционирование языка опирается на психологические механизмы. Н.В. Крушевский сформулировал основной принцип развития языка в виде закона «соответствия мира слов миру мыслей» [5, с. 8]. В период пандемии коронавируса наряду с социальным фактором психологический фактор влиял на значение слов. Например, одна из сем лексемы "ковид" – сема "психическое расстройство" [8, с. 328]. Это подтверждает то, что в языке отражаются «паника» и «истерия» людей, вызванные пандемией. Наряду с использованием метафоры неологизмы, образованные на основе слов *корона* (коронавирус) и *ковид*, выражают страх и панику. Например, *пока в мире, что ни день, то новое сражение с вирусом, в Китае люди приходят в себя после корона-войны* [24]. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 рассматривается как война, за которой скрываются паника и отвращение. С помощью познания как ментальной деятельности на основе получения соответствующей языковой информации формируются значения слов.

С другой стороны, Ч. Филлмор считает, что лексическое значение слова передает определенную сцену или ситуацию, которые соотносятся с фокусом внимания на отдельных элементах фрейма [5, с. 75]. В период пандемии коронавируса лексическое значение отсылало к деятельности, действию человека или определенному явлению в рамках фрейма «коронавирус», что влияло на семантические отношения сложного слова. Это подтверждается представленными ниже примерами:

В Беларуси заработал проект «Ковидономика», который мониторит ситуацию с отечественной экономикой во время кризиса, вызванного пандемией COVID-19, и пытается дать ответы на вызовы [29]. В контексте слово *ковидономика* обозначает экономику в период коронавируса. Внимание читателей фокусируется здесь на экономическом явлении в рамках фрейма «коронавирус». *Ковид* от слова COVID-19 имеет тождественное значение со словом *коронавирус* и содержит указание на время (период коронавируса). Вторая часть слова отсылает к слову *экономика*. Внимание акцентируется больше на значении слова *ковид*, чем на значении слова *экономика*. Таким образом, между двумя составляющими разнотипными элементами существует не только обстоятельственные, но и атрибутивно-качественные отношения. Первая часть слова – *ковид*, определяя вторую часть, становится семантической доминантой сложного слова *ковидономика*.

Во втором примере внимание акцентируется на ценных бумагах в рамках фрейма «коронавирус». *По подсчетам BNP Paribas, инвесторы по всему миру вложили в так называемые коронабонды уже более \$150 миллиардов* [16]. Термин *коронавирус* относится к медицинской терминологии, а слово *бонды* используется в сфере экономики. Внимание на значение слова *коронавирус* снова больше, чем внимание на значение слова *бонды*. В данном неологизме термин *коронавирус* также является семантической доминантой.

Эти примеры показывают, что образование термина связано с тем, какой стимул значения сложных слов с первой частью *корона-*, *ковид-* получает большее внимание. Тот факт, что экономические неологизмы, которые были частотными в эпоху пандемии коронавируса, использовались только в 2020–2021 годах, говорит о том, что угасание стимула *коронавирус* ослабляет фокус внимания на слова с соответствующими значениями и приводит в дальнейшем к ограничению использования данных слов.

Развитие языка – это процесс непрерывного обновления и изменения словарного состава: появление новых слов, исчезновение старых слов, «возрождение» определенных слов.

Как известно, важнейшим способом пополнения экономической терминосистемы является заимствование. Анализ происхождения экономических терминов позволяет сделать вывод, что в целом преобладают слова, появившиеся в результате прямого заимствования, а также термины, образованные с помощью контаминации и деривации, постоянно расширяются.

Анализ неологизмов в сфере экономики на материале публицистических текстов 2010-2020-х гг. показал, что возникновение данных терминов происходит преимущественно путем контаминации, что подтверждается следующими примерами.

Любое предприятие может следовать этой стратегии и стать сильной ИИ-компанией <...> Создайте несколько сложных ИИ-активов, которые в целом согласуются с последовательной стратегией [22]. ИИ – аббревиатура, обозначающая «искусственный интеллект», связана с технологиями. ИИ-компания обозначает компанию, созданную и функционирующую на основе технологии искусственного интеллекта. Путем контаминации объединяется две части не связанных друг с другом слов, в результате чего получается новое слово.

В следующем примере семантическая контаминация придает слову *корона* ироническую окраску: *Часть государств хотят, чтобы еврозона предприняла смелые шаги и пришла к выпуску совместного долга для финансирования издержек кризиса, так называемых «коронаоблигаций»* [30]. Корона (коронавирус) обозначает новый вирус, появившийся в 2020 году и относящийся к медицине. Коронаоблигации – ценные бумаги в период пандемии коронавируса. Само слово *корона* имеет переносное значение, которое ассоциируется с царской властью и правительством, и тем самым выступает символом власти.

В следующем примере неологизмы по преимуществу образованы путем сложения словообразовательных моделей междисциплинарных терминов: *Из главных значимых событий 2016 года, которые должны повлиять на биорынок в связи с принятием закона, – ожидаемые контролируемая биоимпортеров, запрет на хождение иностранных маркировок, не предназначенных для внутреннего биорынка Российской Федерации наряду с предписаниями по обязательной маркировке такой продукции, прекращение хождения нелегитимных в Российской Федерации «органических» сертификатов третьих стран и завершение работы «вчерную» западных биосертификаторов, не зарегистрировавших свою коммерческую деятельность в Российской Федерации, но, тем не менее, ее осуществляющих* [31]. Первая часть сложных слов в данном примере связана с использованием экологичных технологий. Слово *биорынок* обозначает торговую деятельность, связанную с экологичными технологиями. Под словами *биоимпортер* и *биосертификатор* подразумеваются лица, занимающиеся бизнесом в рамках экономических технологий.

Таким образом, взаимосвязь между разными науками способствует тому, что появляются слова, образованные путем контаминации терминов из разных профессиональных сфер. Контаминация, являющаяся активной словообразовательной моделью, позволяет внести ясность в понимании новых терминов.

В экономических словарях БЭС [15] и СЭС [26] закрепляются словосочетания и слова на основе существительных, наряду с которыми включены некоторые типичные глаголы и прилагательные. В экономической терминосистеме встречаются простые и сложные слова, словосочетания и аббревиатуры. По статистике лексических единиц в СЭС словосочетания занимают 80,65%, а отдельные слова только 19,35%.

В текстах газеты часто встречаются словосочетания с прилагательными, которые преимущественно являются производными: *В утвержденном бюджете на 2024 года*

размер дефицита был на 14,6% больше — 659 млн руб. В проекте главного финансового документа говорится, что источниками погашения дефицита станут **бюджетные кредиты и остатки средств** [19]. Словарный состав русской экономической терминосистемы пополняется новыми производными словами. Экономическая терминология характеризуется наличием производных терминов и терминологических сочетаний с производными словами.

Кроме того, в публицистических текстах можно встретить аббревиатуры, обозначающие названия различных сообществ, объединений, организаций, международных соглашений и правил. Полные формы данных терминов, образованные из трех или более слов, обладают сложными структурами. Языковая экономия аббревиатур проявляется в упрощении данных сложных форм. Например: *В 2003 году была запущена торговая платформа Taobao, которая должна была составить конкуренцию eBay, тогдашнему лидеру в секторе С2С-торговли в Китае* [28], где С2С как одна из основных моделей торговли сохраняет форму английского написания. По мнению директора «Викома» Виктора Ступина, *покупатели алюминия на условиях EXW (Ex Works – за воротами фабрики) оплачивают поставку на 30-40% дороже себестоимости, по ценам, привязанным к Лондонской бирже металлов (LME)* [14]. EXW является термином Инкотермс (Правила ICC Incoterms) и также сохраняет форму английского написания. *Российские индекс РТС снизился на 3,9%, индекс ММВБ – на 3%, откатившись к значениям четырехмесячной давности* [17]. РТС – Российская фондовая биржа, а ММВБ – Московская межбанковская валютная биржа.

Хотя на семантическом и словообразовательном уровнях некоторые особенности экономической терминологии отражают глобальный характер использования терминов, сохраняются и особенности, характерные для конкретной культуры и языка. Лексика языка рассматривается как зеркало культуры, национального менталитета, картины мира [12, с. 19]. Для экономических терминов естественно, что многие из них являются интернационализмами, которые представлены не только в русском, но также и в других языках, поэтому они должны избегать существенных семантических различий, которые могут возникать в процессе освоения экономическими терминосистемами разных языков терминов близкого происхождения.

В настоящее время под влиянием активного использования в обществе средств массовой информации, детерминологизации и междисциплинарных исследований нарушаются требования отсутствия полисемии, синонимии, метафоризации номинаций и эмоционального компонента в значении при формировании терминов.

За последние годы в результате детерминологизации употребление экономической терминологии расширилось, что больше не ограничивается рамками одной специальности и конкретных речевых жанров. Сравним разные значения слова *интернета* в следующих примерах: *Много внимания в этом году мы уделили новой трассе М11, покрыв ее полностью голосовым сервисом и высокоскоростным мобильным интернетом* [32]. В этом предложении слово «интернет», используемое в научно-технической сфере, обозначает сеть, которая соединяет глобальные данные с помощью линий связи и используется в научно-технической сфере. *В нынешний предновогодний сезон (с 1 ноября по 17 декабря) американцы уже потратили на покупки через интернет \$27,5 млрд, что на 12% больше, чем за аналогичный период прошлого года, сообщает в понедельник Reuters со ссылкой на данные исследовательской компании comScore* [20]. В этом фрагменте «интернет» рассматривается как площадка, где предоставляется информация и разные услуги, поэтому используется в сфере экономики. В данных двух примерах семантический

нюанс заключается в том, что в научно-технической сфере слово *интернет* имеет значение *сети* и *данных*, а в сфере экономики данное слово ассоциируется со словами *площадка* и *услуги*.

Использование термина *интернет* может быть не ограничено терминосистемой и может характеризоваться отсутствием семантической коррелятивности между использованием в терминологической сфере и разговорной речи. *Я в полном Интернете!* Здесь использование слова *интернет*, обозначающее восторг и восхищение, характерно для разговорной речи [7, с. 54].

Итак, слово *интернет* не только подвергается частичной детерминологизации, но и приобретает междисциплинарные особенности в употреблении. В то же время отраженная этими примерами полисемия в известной степени показывает нарушение однозначности терминов.

При анализе терминов в публицистических текстах можно увидеть, что метафоризация стала основным средством семантического словообразования и расширения значения слов. Рассмотрим это на примере выражения *черный лебедь*. До открытия Австралии в сознании человека существовали только белые лебеди, однако голландская экспедиция обнаружила в Западной Австралии популяцию черных лебедей. На основе данной истории американский ученый Нассим Талеб предложил концепцию «черных лебедей» для описания того или иного экономического явления или события, которое характеризуется аномалией, огромной силой воздействия, и является труднопрогнозируемым [11, с. 14]. В экономике под *черными лебедями* понимаются непредсказуемые события, которые влекут негативные последствия для экономики: *Похоже, однако, что пандемия коронавируса, ставшая классическим «черным лебедем» <...> может нанести мощный удар, в том числе, и по банковской отрасли* [13]. В данном контексте кризис периода пандемии рассматривается как типичное событие «черный лебедь». Появление и распространение коронавируса было труднопрогнозируемым и оказало огромное влияние на общество и экономику. Приведенный пример показывает, что свойства кризиса периода пандемии соответствуют потенциальным свойствам актуального субъекта метафоры «черный лебедь», т.е. свойство денотата совпадает со свойством объекта «черный лебедь», потенциальными семантами которого выступают «низкая вероятность», «труднопрогнозируемость».

Кроме того, среди слов, обозначающих исчезнувшие экономические явления, одни слова «угасают», а другие получают новые переносные значения. Например, слово *бартер* может выступать в качестве обменного условия и не являться настоящим товарообменом: *Впрочем, такой «бартер» для правящей коалиции оказался неприемлемым* [18].

В следующем примере термин *бартер* используется с оттенком иронии и обозначает незаконные средства: *Как установило следствие, «бартера» не получилось – сырье в итоге закупалось в другом месте, а оформлялось задним числом как полученное от заказчика* [21].

Кроме того, распространение новой экономической модели, в частности в сфере электронной коммерции, также приводит к появлению новых значений у старых слов путем метафоризации общеупотребительной лексики. Рассмотрим это на примере слова *корзина*, которая может обозначать изделие для переноски чего-то: *Послушай. Она была почти наполнена, но сын забрал у мамы эту очень тяжелую корзину чудес* [23], может употребляться в значении набора товаров и услуг: *Переработчики по всему миру уже сейчас меняют корзину закупаемых сортов, отдавая предпочтение малосернистому*

сырью [25], а может использоваться для хранения товаров, которые покупатель готовится приобрести при оформлении заказа в интернет-магазине: *В интернет-магазине ввести его значение RFB2020 в поле Промокод в корзине на этапе заказа* [27].

Эти примеры свидетельствуют, что образование переносных значений слов происходит в случае, когда существует соотнесение свойства денотата с потенциальной семьей слова, т.е. потенциальные функции “хранения”, “собираания” объекта «корзина» дают возможности для описания нового явления или предмета.

Заключение. Формирование экономической терминологии является динамичным процессом. Экономическая терминология конца XX века характеризуется большим количеством заимствованной из английского языка лексики и «возвращаемых» слов, а экономическая терминология начала XXI века отличается высокой продуктивностью, метафоризацией как одной из разновидностей семантического способа образования терминов. Кроме экстралингвистических факторов, которые влияют на изменение и появление новых экономических терминов, можно выделить следующие:

1. Высокая продуктивность слов, которая зависит от простой словообразовательной парадигмы и стремления к экономии в использовании языковых средств.

2. Семантический потенциал экономических терминов, на основе которого складывается новое значение старого слова.

3. Высокая частотность в экономической терминосистеме таких способов словообразования, как деривация и контаминация.

Таким образом, в экономической сфере пополнение словарного состава связано с семантическим потенциалом и словообразовательной парадигмой под влиянием социальных изменений в обществе и психологической деятельности человека. Лексические парадигмы, словообразовательная и семантическая деривация способствуют возникновению новых языковых единиц за короткое время, но в то же время использование этих единиц обусловлено случайностью и внезапностью событий, поэтому оно ограничено временными рамками. Характер изменений в экономической терминологии имеет прогрессивную направленность, то есть в них проявляются тенденции к ее дальнейшему развитию. Русская экономическая терминология, формируясь на национальной основе, постоянно пополняется иноязычными заимствованиями, которые органично входят в ее состав, постепенно приобретая при этом признаки, присущие собственно русской лексике. Таким образом, терминология живет по общезыковым законам, согласно которым богатство языка заключается в том, что он, заимствуя необходимое чужое слово, адаптирует и использует его как собственное, приспособляя к своим парадигмам. В связи с этим в XXI веке наблюдается тенденция уменьшения количества заимствований в русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В.М. Советское языкознание 20-50-х годов / В.М. Алпатов // История лингвистических учений. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 247–266.
2. Басовский Л.Е. Экономическая теория / Л.Е. Басовский. – М.: ИНФРА-М., 2015. – С. 16–24.
3. История лингвистических учений. Средневековая Европа / под. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. – Ленинград: Наука. Ленинградское отд-ние, 1985. – С. 208–242.
4. Китайгородская М.В. Современная экономическая терминология / М.В. Китайгородская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.:1996. – С. 162–236.
5. Коннова М.Н. Введение в когнитивную лингвистику / М.Н. Коннова. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. – 313 с.
6. Корнеева А.Ю. Активные процессы в русской экономической терминологии последних десятилетий / А.Ю. Корнеева // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2008. – № 5. – С. 54–62.

7. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка / Е.В. Маринова. — М.: Флинта: наука, 2012. — 288 с.
8. Маринова Е.В. «Ковид»-лексика как микросистема и особенности ее состава (семантико-структурный аспект процесса номинации) / Е.В. Маринова // Русский язык коронавирусной эпохи. — СПб.: ИЛИ РАН, 2021. — С. 322–337.
9. Приемьшева М.Н. Ковидный лексикон русского языка: тенденции динамики лексико-семантической системы в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 / М.Н. Приемьшева // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. — СПб.: ИЛИ РАН, 2021. — С. 16–51.
10. Райзберг Б.А. Курс экономики / Б.А. Райзберг. — М.: ИНФРА-М. 2014. — 684 с.
11. Талев Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н.Н. Талев. М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2020. — 736 с.
12. Berger O. История изучения термина: основные теоретические понятия терминоведения / O. Berger // Синтаксические термины в русском и чешском языках : сопоставительный аспект (на материале выбранных терминов). — Izdanije prvoje. — Brno: Masaryk University Press, 2021. — pp. 12–40.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Андрей Загорский. Уоррен Баффет распродает активы / З. Андрей // Коммерсантъ, — 2020. — 24 мая [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4355691?query=%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BB%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D1%8C> (дата обращения 20 июня 2024).
14. Антонов Сергей. «Русал» прокомментировал претензии «Викома» / С. Антонов // Коммерсантъ. — 2010. — 02 июн. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1379510?ysclid=lzgrc1hjr5601721208> (дата обращения 20 июня 2024).
15. Борисов А.Б. Большой экономический словарь / Б.А. Борисов. — М.: Книжный мир, 2009. — 860 с.
16. Вирусные инвестиции: кто зарабатывает на коронабондах? // Вести. — 2020. — 04 июн. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.vesti.ru/finance/article/2417505?ysclid=lzgow6hs3d619768133> (дата обращения 13 апреля 2024).
17. Гайдаев Виталий. Мировые рынки накрыла вторая волна / В. Гайдаев // Коммерсантъ. — 2020. — 21 сент. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4501251?query=%D0%A0%D0%A2%D0%A1> (дата обращения 20 июня 2024).
18. Двали Георгий. Грузинские политики не поделили Евразию / Г. Двали // Коммерсантъ. — 2013. — 06 февр. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2121663?ysclid=lzgsawx5ir633489103> (дата обращения 20 мая 2024).
19. Дефицит бюджета Челябинска в 2025 году превысит 562 млн рублей // Коммерсантъ. — 2024. — 20 нояб. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7312311> (дата обращения 20 нояб. 2024)
20. Дмитриенко Дмитрий. Предрождественские продажи через интернет выросли в США на 12% / Д. Дмитриенко // Ведомости. — 2010. — 20 дек. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2010/12/20/comscore_predrozhdvestvenskie_prodzhi_cherez_internet (дата обращения 20 мая 2024).
21. Иванов Сергей. Бизнесмен попал в изоляцию / С. Иванов // Коммерсантъ. — 2012. — 18 дек. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2092900?ysclid=lzgsf8i9us202934143> (дата обращения 20 мая 2024).
22. Искусственный интеллект на пороге вашей компании: советы по внедрению в рабочий процесс // Integral-russia. ru. — 2020. — 09 дек. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://integral-russia.ru/2020/12/09/23165/?ysclid=lyiq65xf6768836353> (дата обращения 20 июня 2024).
23. Лиза Голикова о Феде и Варе // Коммерсантъ. — 2010. — 24 дек. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1558815?ysclid=lzgs10fvay58580248> (дата обращения 20 мая 2024).
24. Макарова Елена. В Италии за сутки скончалось рекордное число заболевших COVID-19 / Е. Макарова // ТВЦ. — 2020. — 28 мар. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.tvc.ru/news/show/id/180891?ysclid=lzgmrtzhnm940841575> (дата обращения 20 июня 2024).
25. Матвеева Ольга. Взлет перед падением / О. Матвеева // Коммерсантъ. — 2019. — 24 дек. <https://www.kommersant.ru/doc/4198506?ysclid=lzgsqm8x8y630254159> (дата обращения 20 мая 2024).

26. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг., Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 512 с.
27. Скидка в «Кант» // Коммерсантъ. – 2019. – 12 сент. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4089444?ysclid=lgzstd07mw238006017> (дата обращения 20 мая 2024).
28. Сарханянц Кирилл. Джек Ма уперся в великую китайскую стену / К. Сарханянц // Коммерсантъ. – 2020. – 26 дек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4635638?ysclid=lgzr9814ab619133064> (дата обращения 20 июня 2024).
29. Такой безработицы не было 20 лет. Как сработает ковидономика во время коронакризиса? // News. – 2020. – 25 апр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/228450854> (дата обращения 20 июня 2024).
30. Экономика еврозоны продолжает страдать от пандемии // Finversia. – 2020. 03 апр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finversia.ru/publication/ekonomika-evrozony-prodolzhaet-stradat-ot-pandemii-72895> (дата обращения 20 июня 2024).
31. «Био» с русским характером // SoyaNews. – 2015. – 29дек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soyanews.info/interview/218322/> (дата обращения 20 июня 2024).
32. «На первый план уже давно вышел клиентский опыт» // Коммерсантъ. – 2020. – 17 дек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4613835?query=%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82> (дата обращения 20 мая 2024).

REFERENCES

1. Alpatov V.M. (2005). Sovetskoe iazykoznanie 20-50-h godov [Soviet linguistics of the 20-50s] in istoriia lingvističeskikh učenij [History of linguistic doctrines] (p. 247). Moscow: Languages of Slavic Culture (In Russian).
2. Basovskiy L.E. (2015). Ekonomičeskaia teoriia [Economic theory] (pp.16–24). Moscow: INFRA-M (In Russian).
3. Istoriia lingvističeskikh učenij. Srednevekovaia Evropa [History of linguistic doctrines. Medieval Europe] (1985). (p. 208). In A.V. Desnitskaya, S.D. Katsnelson (Ed.). Leningrad: Science. Leningrad Branch. (In Russian)
4. Kitaigorodskaya M.V. (1996). Sovremennaja ekonomičeskaia terminologija [Modern economic terminology] in E.A. Zemskaya (Rep. ed.), Russkii iazyk konca XX stolenii (1985–1995) [Russian language of the late 20th century (1985–1995)] (p.163). Moscow (In Russian).
5. Konnova M.N. (2012). Vvedenie v kognitivnuiu lingvistiku [Introduction to cognitive linguistics]. Kaliningrad: Publishing house of the Immanuel Kant Baltic Federal University (In Russian).
6. Korneeva A.Y. (2008). Aktivnye processy v russkoj ekonomičeskoj terminologii poslednih desiatiletij [Active processes in Russian economic terminology of last decades] in Bulletin of RUDN, series Education issues: languages and specialty. 5, pp. 54–62 (In Russian).
7. Marinova E.V. (2012). Inoiazyčnaia leksika sovremennogo russkogo iazyka [Foreign vocabulary of the modern Russian language] (p. 54). Moscow: FIInta: science. (In Russian).
8. Marinova E.V. (2021). Kovid-leksika kak mikrosistema i osobnosti ee sostava (semantiko-strukturnyj aspekt processa nominacii [“Covid” vocabulary as a microsystem and features of its composition (semantic and structural aspect of the nomination process)]. in Russkij iazyk koronavirusnoj epohi [Russian language of the coronavirus era] by L.P. Krysin, O.V., N.A. Nikolina (Reviewers), (p. 328). Saint Petersburg: Institute of Languages of the Russian Academy of Sciences (In Russian).
9. Priemysheva M.N. (2021). Kovidnyj leksikon russkogo iazyka: tendencii dinamiki leksiko-semantičeskoj sistemy v period pandemii koronavirusnoj infekcii COVID-19 [Covid lexicon of the Russian language: trends in the dynamics of the lexical-semantic system during the COVID-19 CoronavirusInfection Pandemic]. in Russkij iazyk koronavirusnoj epohi [Russian language of the coronavirus era] (p. 17). Saint Petersburg: Institute of Languages of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)
10. Raizberg B.A. (2014). Kurs ekonomiki [Course in Economics]. Moscow: INFRA-M. (In Russian)
11. Taleb N.N. (2020). Černyj lebedi. Pod znakom nepredskazuemosti. [The black swan. The Impact of the Highly Improbable]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Atticus. (In Russian)
12. Berger O. (2021). Istoriia izučeniia termina: osnovnye teoretičeskie poniatia terminovedeniia [History of the study of the term: basic theoretical concepts of terminology] in Sintaksičeskie terminy v russkom i češskom iazykah: sopostavitel'nyj aspekt (na materiale vybrannyh terminov) [Syntactic terms in Russian and Czech: comparative aspect (based on selected terms)] (pp. 12–40). Izdaniye pervoje Brno: Masaryk University Press.

Поступила в редакцию 16.08.2024 г.

LANGUAGE DYNAMICS OF RUSSIAN ECONOMIC TERMINOLOGY SYSTEM (BASED ON ELECTRONIC MEDIA OF THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES)

Chen Xiaoyu

The article addresses the origin and formation of Russian economic terminology. The reasons for the emergence of new meanings of words and neologisms associated not only with socio-economic development, but also with semantic potential, as well as with a new word-formation paradigm, and the stability of the focus on the lexical meaning, are considered on the material of the economic terms from publicistic texts. It has been observed that borrowings prevail in the economic terminology system, although in the 21st century they tend to decrease in number in the Russian language. A special attention has been paid to neological terms in the texts of electronic media of the early 21st century, such as Kommersant, Vedomosti, TVC, Seldon, News, Vesti, Finversia, Forklog, SoyaNews, etc. The methods of componential analysis, semantic analysis, statistical method, descriptive analysis, as well as contextual analysis have been applied.

Key words: language dynamics, economic terminology, semantic potential, word-formation paradigm, metaphorization, contamination, neologisms, publicistic text.

Чэнь Сяююй.

Санкт-Петербургский государственный университет.

Аспирант, кафедра русского языка.

ORCID: 0009-0002-3019-0397.

E-mail: st106496@student.spbu.ru.

Chen Xiaoyu.

Saint Petersburg State University.

Postgraduate student, Department of Russian language.

ORCID: 0009-0002-3019-0397.

E-mail: st106496@student.spbu.ru.

ПСИХОЛОГИЯ

Обзорная статья

УДК 159.9.01:159.9.07

DOI: 10.5281/zenodo.14286833

ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФЕНОМЕНА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ¹⁰

©2024 *Е.Г. Максименко¹, А.В. Гордеева², С.А. Вильдгрубе³, Н.П. Андрюшкова⁴, С.В. Набатова⁵, Е.В. Чуканов⁶*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID¹: 0000-0003-0622-6871.

ORCID²: 0000-0003-1720-0466.

ORCID³: 0009-0006-2901-6120.

ORCID⁴: 0000-0001-7531-1098.

ORCID⁵: 0009-0004-7114-1481.

ORCID⁶: 0009-0003-0237-767X.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Интерес к проблеме психологического благополучия обусловлен социальным запросом к качеству жизни человека, анализу субъективной потребности быть удовлетворенным, ощущений наполненности жизни смыслами и ценностями, их влиянию на функционирование личности в сферах здоровья, образования, деятельности и др. В статье представлен обзор исследований психологического благополучия в историческом аспекте, отмечается цикличность изменений смысловых категорий психологического благополучия различных эпох, начиная с античности. Авторы предположили возможную связь между культурой, системой ценностей государства и психологическим благополучием отдельного гражданина. Ориентация общественной культуры на человека и общество в качестве высших ценностей формирует цели создания комфортных условий жизни и деятельности людей. Акцентируется, что психологическое благополучие возникает в процессе их достижения. Переживания неблагополучия в большей степени связаны с утратой самооценности, значимости своей личности для общества, социальной депривацией. Обзор научных исследований показал, что психологическое благополучие можно считать индикатором развития общества и государства, отражающим стремление граждан к саморазвитию, потребность в служении Родине, семье, детям.

Ключевые слова: психологическое благополучие, счастье, самоактуализация, совладание, адаптация, депривация, психологическое здоровье.

Для цитирования: Обзор отечественных и зарубежных исследований феномена психологического благополучия / Е.Г. Максименко, А.В. Гордеева, С.А. Вильдгрубе, Н.П. Андрюшкова, С.В. Набатова, Е.В. Чуканов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 147-177. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14286833/>

Введение. Со времен античности благополучие человека связывали с переживанием удовольствия от жизни, от деятельности с ощущением счастья [14].

¹⁰ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта Российской Федерацией в лице Минобрнауки России (Соглашение № 075-15-2024-526).

Согласно Демокриту, счастливая жизнь зависит не столько от удачной судьбы, сколько от внутреннего состояния человека. Счастливая жизнь – та, которой человек доволен [66, с. 62]. В философском словаре [72, с. 667] понятие «счастье» рассматривается в аспекте морального сознания, обозначающее состояние удовлетворенности условиями быта, полнотой и осмысленностью жизни, осуществлению своего человеческого предназначения. Благополучие и счастье не только характеристика эмоционально-чувственного состояния человека, но и образ, представление об идеале, к которому человек стремится. В представлении о благополучии и счастье раскрывается характер нормативов, ценностей человека и в целом общества, некая определенная смысловая составляющая жизни. Цель благополучия определяет его содержание, но не средства. В этом проявляется моральный аспект счастья – не достижение собственного благополучия, а развитие и использование способностей человека на благо общества, в служении людям. В этом высший смысл жизни человека, смысл, дающий глубочайшее удовлетворение и внутреннее психологическое благополучие [44].

Обладание внешними материальными благами, комфортные условия жизни, способствуют счастью, но не обеспечивают его. Демокритовская субъективность ощущений счастья близка к современным концепциям счастья и психологического благополучия, однако в Древней Греции не получила широкого развития. В шестой книге диалога «Государство» Платон ставит идею блага выше истины, поскольку именно первая делает познаваемой вторую [37; 68]. Сократ, Платон и вслед за ними Аристотель утверждали объективность меры счастья. Счастье есть обладание тем, что ценнее: знаниями, материальными благами, любовью, здоровьем. Удовольствия, получаемые с избытком, могут, в конечном итоге, привести к страданиям. Тезис «Не существовать», тоже возникший у эллинов как решение проблемы страданий и болезней, провозглашался в древнегреческих трагедиях Софокла и Гомера. Смерть как избавление от страданий постепенно становилась мотивом греческой мысли, побуждающая больных и искалеченных людей лишать себя жизни [14; 79].

В средневековом христианстве человек для спасения души должен был отказаться от земных искушений ради вечного счастья. Позднее реформаторские тенденции, в частности иезуитские, провозглашают материальные блага творениями Бога, приносящими радость и удовольствие, что повлияло на изменения в ценностной сфере общества [66, с. 241]. В эпоху Возрождения счастье и благополучие настоящей жизни получило приоритетность в сравнении с жизнью вечной. Оптимистичный взгляд на жизнь отражается в искусстве, культуре, науке. Развиваются гуманизм и человекоцентричность. Однако в Новое время снова оптимизм уступает свои позиции средневековому скептицизму и пессимизму. Констатируется тезис, что удовольствия приводят к бедам и следует быть сдержанным. Ценность здоровья людей определяет правила жизни в обществе. Эпидемии, войны, материальные потери воспринимаются как наказание свыше, поэтому только строгое выполнение норм и правил поведения, продиктованные духовными наставниками, способно спасти от смерти и нищеты. Необходимо отметить и оптимистичные теории, в частности воззрения Р. Декарта, отмечавшего жизнь скорее приносящую добро и радость, чем зло. В целом, XVII в. уравнивал радость и страдания, добро и зло в жизни человека. В эпоху Просвещения философы еще более разделились по своим воззрениям. Мнение философов Гельвеция, Ламетри, Гольбаха о том, что добро превышает зло, удовольствие заглушает страдание и счастливым состоянием можно назвать то, в котором отсутствуют болезни и заботы, имело такой же вес, как и противоположное, высказанное в работах Вольтера, Фонтенела, что только очень наивный и не

ориентирующийся в мире человек может быть оптимистом [66]. Дальнейшее развитие общества пошло по пути классового разделения. Границы между социальными слоями строго соблюдались. То, что было доступно и разрешалось высшему классу, не было позволено низшему. Счастье и психологическое благополучие стали понятиями относительными. Униженное состояние низших слоев осознавалось и заботило больше просвещенных и образованных представителей высшего слоя, чем самих представителей непривилегированных масс. Забота о будущем страны и связанное с ним предоставление равноправных возможностей для реализации природных способностей каждого человека подготавливали почву для социальных изменений в обществе. Реформы не заставили себя ждать, и в XIX в. были достигнуты некоторые социальные изменения, в частности в России было отменено крепостное право. Естественность униженного состояния крестьян и рабочих была преодолена. Их право на самовыражение и самореализацию, проявление субъектной активности в деятельности получило возможность реализовываться, что позволило развиваться среднему классу. Однако психологическое благополучие народа одновременно нарушало жизнь аристократии, для которых наследуемый капитал и возможность не работать было признаком социально-психологического благополучия. Руководящие функции также постепенно передавались наемным менеджерам среднего звена. Бездеятельность развивала скуку и эгоцентризм, что не давало ощущения внутреннего психологического благополучия. Жизнь протекала однообразно, заполненная пустыми развлечениями и пессимистическим разочарованием в жизни. Произведения таких известных писателей, как И.А. Гончаров, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Д.И. Фонвизин, Н.В. Гоголь, В.Г. Короленко, Стендаль, О. де Бальзак, В. Гюго, Г. Флобер и др., отражают общую тенденцию лишнего человека, обломовщины, фамусовского общества в противопоставлении «новым людям». Анализ жизни и психологического благополучия части современников XIX в. показывает, что отсутствие материальных и бытовых проблем не делает человека счастливым. В золотом наследии художественной литературы того периода ярко отразилась потребность в поиске смысла жизни, в саморазвитии и самовыражении.

Краткий исторический экскурс показал цикличность ценностных приоритетов в аспекте психологического благополучия разных эпох. Наличие войн, гражданских конфликтов, эпидемий негативно сказывались демографически, что вызывало необходимость сбережения человеческого ресурса последующих поколений. Аскетичность в потребностях позволяла выжить, как и труд на благо общества, однако в эмоциональном плане большинству людей не приносила радости, внутреннего комфорта. Причины психологического неблагополучия, на наш взгляд, лежат во внутренних социальных проблемах сообщества, даже в условиях относительного внешнего благополучия.

Основная часть. Прогресс второй половины XX и начала XXI столетий, развитие науки и техники, медицины, образования, социального обеспечения сделали человека более свободным в принятии решений, но не повлияли на его эмоционально-чувственную сферу. Люди сегодня внешне более благополучны за счет достижений цивилизации, однако психологи констатируют рост депрессивных и суицидальных тенденций даже в самых благоприятных в социальном плане странах [7; 38; 45].

По данным Всемирной организации здравоохранения (2023) [7], около 280 млн. человек ежегодно обращаются за помощью от депрессии; в России у 68% больных констатируется тревога или депрессия [38; 59]. В факторе риска формирования депрессий наряду с гормональными проблемами выделяют социальную депривацию

вследствие изменений социально-экономической ситуации с невозможностью удовлетворения социальных и духовных потребностей личности, пессимистическое восприятие окружающего мира, чувства неуверенности, беспомощности, зачастую ненужности значимому окружению [38]. Однако пандемия в результате covid-19, в период которой обострились многие проблемы психического здоровья (аддикции, депрессии, тревожность), напротив, показала снижение уровня суицида [59]. Пандемия как глобальный кризис уравнила большинство людей в их возможностях и ограничениях; при вынужденной социальной изоляции люди продолжали учиться и работать, т.е. вести активный образ жизни в интеллектуальной сфере, при этом физически находясь в комфортных домашних условиях. Можно отметить, что те ресурсные затраты, которые человек тратит, например, на дорогу в офис и обратно, профилактику и регуляцию конфликтов в производственных коллективах, некомфортное общение в большей степени стрессируют человека и приводят к чувству эмоционального выгорания, чем физическая изоляция. Более того, мишенью психологической помощи, в частности, была определена работа с перфекционизмом [55]. Активно работающему человеку трудно было адаптироваться к новым цифровым условиям организации деятельности в начале пандемии, что не характерно для завершения изоляции. Выйти на прежний график работы после пандемии было гораздо сложнее.

Техногенная революция обусловила динамические затраты человеческих ресурсов. Примерно с середины XX в. человеческий капитал рассматривался как частная собственность, продуктивная мощь, важность которой больше, чем все другие формы благополучия [8]. Человеческий капитал – знания, умения, навыки и опыт человека – фундаментальный источник производительности труда, который определяет индивидуальное, социальное и экономическое благополучие. Накопление и развитие образовательного уровня и профессионального опыта становятся залогом благополучия человека и его семьи. Родительские инвестиции в развитие компетенций ребенка становятся нормой современного воспитания. Обеспечить баланс между доходом и потреблением домохозяйства становится все сложнее, особенно на фоне профессиональной конкуренции. Взрослому нужно учиться и работать одновременно, чтобы обеспечить необходимые потребности семьи [8, с. 127], в связи с чем занятость в профессиональной деятельности превышает восьмичасовой рабочий день, накапливается усталость и недовольство жизнью. Наиболее уязвимыми в этом процессе являются семья и детство. Роль родителей в связи с их вынужденной занятостью в формировании личности уступает свои привилегии социальным институтам. Работа с целью достижения семейного, материального, финансового благополучия парадоксально приводит к обратному результату в плане психологического благополучия. Усталость и разочарование проецируются на детей, от которых уже в раннем юношестве ожидается инвестиционная отдача. Ребенок, переживший дефицит игры и общения с родителями, получает риск развития отчуждения от мира из-за несформированного навыка дружественного общения [27; 33].

В чем же заключается психологическое благополучие современного человека? Каковы ценности и смыслы жизни? Уже несколько десятилетий подряд проблематика психологического благополучия не сходит со страниц научной литературы. Многочисленные исследования социально-психологического благополучия у лиц различных возрастных групп, профессий, уровня образования, квалификации, психосоматического статуса и невротического радикала показывают, что однозначного ответа на этот вопрос нет [28].

Работу Н. Брэдбурна «Структура психологического благополучия» [84] можно считать началом научных исследований понятия. Составными элементами структуры автор обозначает аффекты, их взаимодействие и влияние на психическое состояние индивида. При накоплении определенного эмоционального реагирования на жизненные события, отрицательного или положительного, возникает состояние, характеризующее уровень психологического благополучия, отражающий субъективное ощущение удовлетворенности жизнью.

В русле движения «Человеческий потенциал» Эсаленского института в США, основанного на концепции гуманистической психологии, психологическое благополучие изучается в качестве показателя позитивного функционирования человека как личности и субъекта деятельности. Движение опирается в том числе и на идеи К. Левина, его теории поля. В частности, отмечается, что развитие человеческого потенциала происходит посредством процесса идентификации и формирования определенных жизненных ценностей. Сензитивная групповая среда способна организовать необходимые условия для этого процесса [99]. Потенциал человека в разрезе его адаптационных возможностей активно исследуется отечественными учеными. Согласно С.Т. Посоховой, адаптационный потенциал способен систематизировать биосоциопсихические свойства и качества личности, закладывая способности развития новых программ выживания и реализации [53]. Современные исследования подтверждают выводы движения «Человеческий потенциал» о необходимости организации социально-психологических тренинговых групп экзистенциально-гуманистической направленности для развития адаптационных ресурсов, что даст рост уровню психологического благополучия [8; 50; 64].

Эмпирические исследования психологического благополучия [10; 28; 77; 78; 81 и др.] в качестве необходимой методической базы в большинстве опираются на теорию психологического благополучия американской исследовательницы К. Рифф [95; 96]. Модель К. Рифф содержит шесть компонентов: 1) самопринятие, позитивное отношение к себе и своей жизни; 2) позитивные, доверительные отношения с другими, способность и желание оказывать заботу; 3) компетентность, адаптивность; 4) цели и занятия, придающие жизни смысл; 5) личностный рост; 6) автономия. Элементы модели отражают основные сферы жизни человека, развитие его Я во взаимосвязи с окружающими значимыми людьми, причастность к развитию общества, социальную значимость, умение управлять, изменять, трансформировать. Автор уточняет, что каждый из шести компонентов может достигать разной степени выраженности, тем самым определяя его уникальную структуру и его интегральный показатель. Важным, на наш взгляд, является человекоцентричность концепции. Самопринятие, как известно, формируется при сензитивном родительском воспитании и заботе с достаточным для возраста развивающейся личности ребенка уровнем свободы, автономии.

Вслед за К. Рифф, Т.Д. Шевеленкова и П.П. Фесенко определяют психологическое благополучие как интегральный показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования, полагая, что ощущение счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью определяют степень реализованности этой направленности [78].

В современных исследованиях [17; 23; 54; 60] сохраняется особый интерес к условиям и механизмам возникновения и развития психологического благополучия на разных этапах онтогенеза. По мнению И.В. Дубровиной, основы психического здоровья, закладывающиеся в дошкольном возрасте (3–6 лет), свидетельствуют о

появлении у детей в этот период «ощущения психологического благополучия». Это подтверждается также тем, что дошкольный возраст является сензитивным для эмоционального развития, формирования чувств, переживаний, способов выражения эмоций.

Исходя из представлений культурно-исторической и деятельностной парадигмы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, М.И. Лисиной, Н.Ф. Талызиной и др. о процессе психического развития как о пути от социального к индивидуальному, в котором культурная среда является источником данного развития, а обучение – движущей силой, исследовательницы А.Г. Чувашова, И.Н. Конарева психологическое благополучие детей рассматривают как интегральную совокупность психических процессов и свойств развивающейся личности, прежде всего эмоционально-волевых, познавательных и индивидуально-личностных особенностей в соответствии с запросами культурной среды в определенный период жизни [1; 4; 6; 76].

Белорусский исследователь в области психологии образования А.В. Елупахина в качестве теоретико-методологических оснований для определения психологического благополучия ребёнка предлагает эвдемонистический подход, позволяющий рассматривать данную категорию в двух аспектах: как благополучие настоящего (результат процессов развития и определённое состояние в конкретных социальных условиях) и как прогнозируемое благополучие в будущем (потенциальные возможности возрастных достижений, условно положительный прогноз индивидуальной перспективы развития) [19].

Анализ отечественных исследований [5; 49; 54; 70; 76], касающихся развития в дошкольный возрастной периода, позволил выделить некоторые факторы, влияющие на психологическое благополучие детей:

- *состояние здоровья;*
- *состояние сферы потребностей* опосредует интеллектуальное и эмоциональное развитие ребёнка родительским (или лицами, заменяющими родителей) отношением, демонстрирующими конкретные способы опредмечивания и удовлетворения низших и высших потребностей;
- *социальный компонент образовательной среды.* Так, педагогическая направленность воспитателя и личностно ориентированное взаимодействие с воспитанниками взаимосвязано с установлением позитивных межличностных отношений как со взрослыми, так и со сверстниками [18];
- *пространственно-предметный компонент образовательной среды.* Пространственная организация, содержательная насыщенность и доступность игровой среды обеспечивают условия для возрастных психологических новообразований (развитие саморегуляции и децентрации), а также влияет на качество установления отношений, заданных социальной ситуацией развития и положительной самооценкой ребенка [18];
- *технологический компонент образовательной среды.* Содержательно-дидактическая направленность обучения педагогов и воспитателей в большей степени обуславливает негативное и нейтральное отношение детей к ним [18; 42; 49; 56].

Эмоциональная зрелость родителей влияет на благополучие дошкольников на основе таких потенциальных механизмов формирования отношений между родителями и детьми, как моделирование поведения, отзывчивое воспитание, эмоциональная доступность, эмоциональный коучинг, позитивные методы воспитания, снижение родительского стресса [58].

В исследованиях [5–6; 8; 17–19; 27; 76] можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся параметры (характеристики), позволяющие измерить уровень психического благополучия дошкольника: уровень эмоционально-волевой и познавательной сферы (А.Г. Чувашова, И.Н. Конарева); степень удовлетворения физиологических потребностей, потребностей в безопасности, в принятии и любви, в уважении и принадлежности к группе, в познании и самореализации (А.Г. Чувашова, И.Н. Конарева); характер переживания семейной микросреды (Н.П. Бондарь, А.А. Волчик, А.В. Елупахина); характер взаимоотношений в группе сверстников, статус в системе межличностных отношений (Н.П. Бондарь, А.А. Волчик, А.В. Елупахина); уровень самооценки (А.В. Елупахина); соотношение положительных, нейтральных и отрицательных эмоциональных состояний (О.И. Бадулина, О.А. Воробьева, Т.В. Гребенщикова, А.В. Елупахина, А.Д. Кошелева); степень освоения ведущей деятельности (сюжетно-ролевой игры) (А.В. Елупахина); сформированность возрастных психологических новообразований: саморегуляции в познавательной деятельности и проявление децентрации.

Психологическое благополучие как ключевой показатель гармонии младшего школьника с окружающей средой включает в себя параметры дошкольного периода, а также новые показатели, связанные с развитием сознания: оценку субъективного благополучия, оценку выраженности общей удовлетворённости жизнью, оценку качества жизни и уровня проблем экстерналиного и интерналиного [6; 11; 30].

Среди педагогов и психологов существует особый интерес к изучению психологического благополучия методом «от обратного» – через психологическое неблагополучие. В качестве признаков неблагополучия выделяют тревожность и страхи, повышенную агрессивность, нарушения поведения, буллинг в школе [71].

В процессе анализа отечественных исследований по данной теме были выделены некоторые предикторы психологического благополучия в младшем школьном возрасте.

Самооценка и уровень притязаний. Колебания самооценки, происходящие в младшем школьном возрасте (в особенности у первоклассников), могут влиять на психологическое благополучие детей. Уровень притязаний может указывать на наличие у ребёнка внутреннего конфликта на фоне несовпадения ожидания успеха и оценки реальных достижений в учебной деятельности, в отношениях с первым учителем и т.д. А в случае резкого расхождения уровней самооценки и притязаний у ребенка может возникнуть признаки психологического неблагополучия на фоне неуверенности в себе [71].

Специфика отношений к себе, миру и другим определяют успешность и здоровье ребёнка [30]. *Тип привязанности ребенка*, прежде всего к матери [там же]. *Взаимоотношения с учителем.* Так, организация внеурочной деятельности (художественно-изобразительной, спортивно-оздоровительной и пр.) является показательным примером влияния конструктивных, доброжелательных взаимоотношений между педагогом и детьми на эмоциональную составляющую психологического благополучия – дети испытывают эмоции радости, удивления, интереса в ситуациях общения и обучения [71]. *Эмоциональные перегрузки*, связанные с проявлениями раздражительности, агрессии, эмоциональной несдержанности со стороны взрослых и СМИ, оказывают значительное влияние на эмоциональное состояние младших школьников [34].

В качестве показателей (диагностических маркеров) психологического благополучия детей младшего школьного возраста можно выделить следующие [30; 34; 71]: степень удовлетворенности жизнью; наличие/отсутствие интерналиных проблем

(одиночество, тревога, социальная замкнутость); наличие/отсутствие экстернализованных проблем (гиперактивность, агрессия, антисоциальные расстройства); уровни функционирования в нескольких плоскостях (физической, эмоциональной, социальной, школьной); состояние психосоциального здоровья; общий показатель качества жизни; субъективное ощущение позитивного отношения к себе, своим достижениям, возможностям; принятие себя и своего места в системе социальных отношений, степень уверенности в себе; уровень адаптации (к школе); эмоциональная окраска образа окружающего мира.

В подростковом возрасте (11–17 лет) формирование идентичности личности посредством осознанного самопознания содержания и смысла качеств своего психического развития и особенностей, ролей и границ в социальных взаимодействиях определяет и качество психологического самочувствия. Существует множество отечественных исследований [30; 41;], посвященных факторам (как субъективным, так и объективным), влияющим на психологическое благополучие подростков, которые можно объединить в определенные группы.

Повседневный стресс отмечается во всех сферах жизнедеятельности подростков. Наиболее значимыми выделяются стрессоры, связанные со школой, целеполаганием и профессиональным самоопределением (в период ранней юности), общением со старшими, социальными страхами (например, отвержения) [9; 23].

Позитивная среда пребывания, благоприятный климат и сплоченность класса способствуют удовлетворенности подростков отношениями со сверстниками, учителями и родителями, дают возможность для самореализации и самовыражения [23; 41; 51].

Потеря уверенности в себе и своих способностях определяется исследователями как одна из главных причин снижения психологического благополучия. Происходящие с подростком психофизиологические и социальные изменения усиливают данную тенденцию [23].

Социальная поддержка со стороны друзей, семьи и учителей – это важный аспект психологического благополучия не только в подростковом возрасте, однако именно в данный возрастной период поддержка оказывает значительное влияние на формирование личности и на психоэмоциональное состояние человека. Виды социальной поддержки: эмоциональная (проявление понимания, уважения, любви), информационная (предоставление полезной информации о проблемах и возможностях их решения), инструментальная (предоставление практической помощи в решении проблем, например, помощь в учёбе или устранении конфликта), социальная (совместные занятия и времяпрепровождение) [23].

Использование цифровых устройств, социальных медиа и сети Интернет [17; 39] может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на психологическое благополучие подростков. Доступ подростков к большому количеству контента образовательного и развлекательного характера, а также возможность быстро и удобно коммуницировать создают благоприятные условия для личностного развития и успешной социализации. При этом использование Интернета влечет за собой множество рисков, среди которых можно выделить кибербуллинг, зависимость от социальных сетей и гаджетов, влияние деструктивных эталонов красоты (и как следствие – формирование неадекватного образа тела), манипуляции сознанием и искажение ценностной сферы и т.д.

Практики родительской медиации (родительский контроль и родительская поддержка). На примере цифровой медиации было установлено влияние соотношения родительского контроля и поддержки на удовлетворённость собой и субъективное

счастье их детей. Это также подтверждается значимой связью между уровнем эмоционального отклика родителей и оценкой подростками согласия в отношениях с ними [60; 80].

Анализ научных источников [4; 8; 23; 29; 35; 38; 60; 74] позволяет отметить некоторые показатели психологического благополучия подростков, которые можно использовать в качестве ориентировочных критериев диагностики: степень удовлетворенности по основным жизненным параметрам (общение, семья, жизнь в целом); уровень развития психологической культуры личности; уровень личностного, социального и профессионального самоопределения (в ранней юности); уровень развития механизмов саморегуляции и стратегий стресс-совладающего поведения; референтный источник социализации (например, активное использование интернета подростками нередко приводит к снижению психологического благополучия в случае, когда интернет становится референтным источником социализации).

Психологическое благополучие юношества содержательно связано с переживанием подросткового опыта, в задачах остается становление идентичности, продолжается процесс самосознания и формирования жизненных смыслов. В этом возрасте начинает работать потребность в профессиональной ориентации, поиск своего места в жизни [12; 21; 52; 69; 73]. Ответственную роль выполняет самооценка возможностей и способностей, на которую влияет мнение значимого окружения [43; 52]. Психологическое благополучие коррелирует с успешностью выполнения задач возраста [12; 15; 43; 74; 80]. Личностный рост, интерес и вера в себя, понимание необходимости саморазвития улучшают психологическое благополучие в юношестве [16; 20].

Зрелость условно делят на первый (22–35 лет) и второй (36–55 лет) периоды. Зрелость – наиболее продолжительный период онтогенеза, характеризующийся тенденцией к достижению наивысшего развития духовных, интеллектуальных и физических способностей человека. При этом собственно зрелость (второй период) характеризуется двигательным дефицитом, в отличие от юношеского возраста, который признан периодом биологического оптимума [31; 43; 48].

Исследованием психологического благополучия взрослых занимались Е.Е. Бочарова, Т.И. Кучина, Н.Ю. Литвинова, Е.Г. Уманская, В.А. Хриптович и др. Психологическое благополучие взрослого человека определяется как сложное социально-психологическое образование. Продуктивность самореализации человека в сферах семейных и профессиональных отношений, личностных достижений определяет и уровень психологического благополучия.

Е.Е. Бочарова выделяет эмоциональные, когнитивные и конативные компоненты психологического благополучия, акцентирует значимость системы отношений личности, установок, ценностей, сложившихся стратегий поведения [74]. Е.Г. Уманская разделяет факторы психологического благополучия, характерные для ранней зрелости: стремление к личностному росту, целеполаганию, обретение автономности взглядов и мировоззрения; для средней и поздней зрелости: поддержание личных взаимоотношений с окружающими, а также наличие общей удовлетворенности жизнью [67]. Согласно В.А. Хриптович, чем старше становится человек, тем более сбалансирована система психологического благополучия. Факторы общей адаптивности, профессиональных достижений, уровень самореализации, чувство компетентности и социальной реализации наряду со снижением амбициозных тенденций уравнивают внутриличностные позиции. Человеку для ощущения внутренней гармонии требуется меньше энергетических затрат [74].

Н.Ю. Литвинова [34; 53] обобщает предикторы психологического благополучия человека в период зрелости, выделяя следующие группы: *социальные факторы* (формальное и неформальное общение, карьера (профессиональная и социальная) и пр.); *физические факторы* (наследственность, состояние окружающей среды, физическая активность человека); *психологические факторы* (интеллектуальные и эмоциональные особенности личности, автономия, личностный рост и самопринятие).

Стоит обратить внимание на выделенный Т.И. Кучиной [31] показатель психологического благополучия – *нормативные и приоритетные ценности*. Так, в ранней зрелости (21–25 лет) у психологически благополучных мужчин и женщин ведущими и нормативными ценностями оказались самостоятельность, стимуляция, гедонизм, доброта, ценности, связанные с открытостью к изменениям, и трансцендентностью. В предпенсионный период (52–60 лет) у женщин и мужчин ведущие ценности связаны с консерватизмом и трансцендентностью, а гедонизм и стимуляция являются наименее значимыми. А психологически неблагополучных мужчин и женщин в обоих возрастных периодах можно определить по противоречивости нормативных и приоритетных ценностей.

Исследованием психологического благополучия в пожилом и старческом возрасте занимались Н.А. Булкина, Е.П. Ильин, И.Н. Козырская, А.И. Нерушай, А.А. Неустроева, Г.В. Солдатова и др. В возрастных особенностях основными факторами, оказывающими влияние на психологическое благополучие Е.П. Ильин выделяет изменения в социальном статусе, физиологические процессы угасания психических функций, физические изменения внешности, работоспособности, снижение адаптационных возможностей, выносливости, общая уязвимость к средовым влияниям [31; 46].

Анализ структуры психологического благополучия пожилых людей в рамках отечественных исследований основывается на тех же компонентах, что используются в изучении зрелости (например, модель К. Рифф). При этом можно выделить некоторые специфические особенности. Н.А. Булкина [62] отмечает, что пожилые люди отличаются от другой возрастной группы своими представлениями о счастье, удовлетворенности жизнью и благополучии. Они чаще связывают данные понятия с состоянием здоровья, материальным достатком, семейным благополучием, наличием работы или любимого дела, возможностью помогать другим и получать поддержку, а также обозначают значимость экзистенциальных ценностей.

В период старения наблюдается т.н. парадокс благополучия: несмотря на утраты во многих сферах жизни, субъективное благополучие в позднем возрасте не снижается. Следовательно, благополучие в позднем возрасте в первую очередь связано не с физическим, а с психологическим здоровьем [22]. Исследования И.Н. Козырской, А.И. Нерушай, А.А. Неустроевой [25; 46] подтверждают данный тезис, выделяя профессиональную деятельность и межличностные отношения определяющими факторами чувства удовлетворенности жизнью.

С уровнем психологического благополучия человека в позднем онтогенезе связывают такие индивидуально-личностные характеристики, как ощущение себя полезным для окружающих (Г.В. Бурменская); самооценку, осмысленность жизни, удовлетворенность результативностью жизни (А.И. Нерушай); субъективный возраст или самовосприятие собственного возраста (А.Б. Эйдельман); особенности ценностной сферы (Ю.Б. Дубовик, А.И. Нерушай); свойства темперамента (Ю.Б. Дубовик) [46; 62].

Если ориентироваться на показатели психологического благополучия в зрелом возрасте, то большинство из них не снижаются значительно в более позднем возрасте,

за исключением *цели в жизни* (этот показатель ниже в предстарческом возрасте (60–70 лет) по сравнению с поздней зрелостью и ещё ниже в старческом возрасте по сравнению с предстарческим). Отмечается, что именно этот аспект психологического благополучия является важным фактором поддержания физического и психологического здоровья в позднем возрасте [22; 25].

А.И. Нерушай приводит ряд компонентов, определяющих средний и высокий уровни психологического благополучия пожилых людей: высокая субъектность личности; самооценнность; осмысленность жизни; наличие жизненных целей; удовлетворенность процессом жизни; удовлетворённость результативностью жизни; способность к управлению жизнью; наличие интереса к жизни; положительная оценка себя; положительный фон настроения; последовательность в достижении целей; согласованность между поставленными и достигнутыми целями [46].

Также в качестве значимого показателя психологического благополучия и успешной адаптации в пожилом и старческом возрасте Е.И. Смолянская [62] отмечает *наличие чувства юмора*.

Таким образом, анализ научной литературы показал существование общих и специфических факторов и показателей психологического благополучия личности на разных стадиях онтогенеза, что позволяет значительно расширить возможности изучения данной категории. Одним из ведущих и общих для любого возраста факторов психологического благополучия отмечается здоровье человека.

Необходимо отметить, что проблема психологического благополучия носит мультидисциплинарный характер [63]. Наряду с психологами, которым принадлежит ведущая роль в исследованиях, благополучие человека изучают социологи, экономисты, политики, медицинские специалисты. Анализ исследований показывает рост депрессий, тревожных расстройств, суицидов, различных девиаций, что говорит о тенденции роста психологического неблагополучия населения [63]. Причин данного явления много. Ряд факторов носит естественный и физиологический характер, их изучают медики и физиологи. А ряд причин носит социальный характер. Наиболее значимым фактором, влияющим на психологическое благополучие и психическое здоровье людей, является ситуация военного конфликта [47].

Все факторы, которые влияют на психологическое благополучие, Г.В. Солдатова разделила на две группы: внешние (средовые) и внутренние (индивидуальные). Психическое здоровье относится именно к внутренним факторам. Причем, как отмечает ученый, взаимосвязь психологического благополучия и психического здоровья обоюдная. Однако есть основания утверждать, что психическое и физическое здоровье больше влияют на психологическое благополучие, а не наоборот.

Согласно И.В. Дубровиной, Л.С. Колмогоровой, Л.М. Митиной, психологическое здоровье – цель и критерий успешности личностного развития человека [17]. В работах И.В. Дубровиной акцентируется, что на психологическое здоровье оказывают влияние опыт жизни и переживаний человека в социальных институтах. «Взаимодействие формирующейся "внутренней среды" растущего человека с разными средами его обитания составляет содержание социальной ситуации развития и определяет его психологическое благополучие/неблагополучие», – отмечает автор [17, с. 12]. А психологическое благополучие, в свою очередь, может выступать как показатель психологического здоровья личности. Психологическое здоровье, по мнению автора, является результатом взаимовлияния трех компонентов: психического здоровья, осознания особенностей своего развития и психологической культуры личности. Именно эти компоненты в своем единстве обеспечивают психологическое здоровье,

показателем которого автор рассматривает нравственную направленность переживания своего психологического благополучия. Отмечается, что психологическое здоровье помогает человеку справиться со сложными жизненными обстоятельствами, при этом принимая во внимание не только свое благополучие, но и благополучие других людей. И.В. Дубровина настаивает, что нельзя говорить о психологическом здоровье, если человек в своих поступках ориентируется только на себя, эгоистичен, наносит урон другим людям, вредит их благополучию. Эти тенденции говорят о психологическом неблагополучии человека. И только грамотное взаимодействие обучения и воспитания помогут формировать психологическое благополучие, а значит, и психологическое здоровье личности в онтогенезе. Отметим, что в данном контексте речь идет в большей степени о нравственном аспекте психологического здоровья (особенности личности в целом), в отличие от психического здоровья (функционирование психических процессов и механизмов) [54]. В психологии термин *психическое здоровье* появился раньше термина *психологическое здоровье* [32].

Психическое здоровье И.В. Дубровина рассматривает как состояние душевного благополучия без психических болезненных явлений. Это позволяет обеспечить адекватное поведение в разных условиях окружающей действительности. Опубликовано достаточно много результатов исследований психического здоровья. Психическое здоровье рассматривается в контексте переживания комфорта и дискомфорта, внутреннего конфликта. Отмечается, что к нарушению психического здоровья детей приводят неблагоприятные условия воспитания (Н.Н. Авдеева, Е.Е. Дмитриева, М.И. Лисина, Й. Лангмейер, Е.М. Мастюкова, З. Матейчик, Э. Пиклер, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых) [32].

И.В. Дубровина, Л.С. Колмогорова, Л.М. Митина, рассматривая понятие «психологическое здоровье», отмечают влияние обучения, развития и воспитания личности на каждом возрастном этапе [54]. Под психологическим здоровьем понимают «гармонию» как некий баланс между интеллектуальными и эмоциональными составляющими, между человеком и окружающим его миром, между потребностями человека и общества. Согласимся с О.В. Лебедевой, что «использование термина "психологическое здоровье" подчеркивает неразделимость телесного и психического в человеке, необходимость и того, и другого для полноценного функционирования» [32, с. 34].

В исследовании Д.Р. Мерзляковой психологическое здоровье рассматривается во взаимосвязи с профессиональным выгоранием, в частности педагогов-предметников образовательных организаций [42]. Установлено, что учителя высокой категории мастерства имеют более высокий уровень профессионального выгорания, что проявляется в форме циничных установок к своему предмету. Учителя с более низкой квалификацией менее подвержены синдрому выгорания, им более свойственно снижение профессиональной мотивации. Психологическое здоровье диагностировалось с помощью методики А.В. Козлова [24]. Была установлена разница в ресурсах педагогов с высоким и низким профессиональными уровнями – опора на себя и собственные профессионально-творческие способности у педагогов с высоким уровнем и семья для педагогов с низким уровнем профессионального мастерства. Отметим, что интересным в данном исследовании являются условия деятельности современных педагогов – это цифровая образовательная среда, ряд факторов которой оказывали как позитивное влияние на психологическое здоровье, так и негативное.

Достаточно пристальное внимание психологи и медики уделяют проблеме психического здоровья и психологического благополучия зависимых от интернета

людей, причем рассматриваются разные виды зависимостей, начиная от компьютерных игр, интернет-общения, покупок, секса, информации и заканчивая зависимостью от чтения негативного контента (А.Е. Войскунский, А. Голдберг, В.А. Лоскутова, А.В. Котляров, С.А. Котова, М. Орзак, Г.В. Солдатова, А.В. Тончева, К. Янг и др.). Однако представлено немного работ, в которых исследуется взаимосвязь психического здоровья и психологического благополучия. Можно выделить результаты исследования А.А. Максименко, О.С. Дейнеки, И.А. Мортиковой [39–40], в котором рассматривались думскроллинг и психологическое благополучие россиян. Под думскроллингом понимается болезненная склонность пользователей к листанию новостных лент с негативной информацией. Исследование проводилось во время инфодемии, или информационной пандемии, связана с усилением различных информационных провокаций, слухов, фейков, вызванных пандемией COVID-19. Авторы установили, что феномен инфодемического думскроллинга отрицательно связан с психологическим благополучием личности. Пользователи социальных сетей, обладающие более высоким уровнем психологического благополучия, меньше неосознанно проверяют ленты на наличие плохих новостей, меньше испытывают панику при их чтении, им не так сложно оторваться от страшного видеоконтента и легче перестать читать негативный контент. У них меньше страха пропустить какую-нибудь информацию. Полученные данные, как утверждают авторы, не противоречат данным западных исследователей.

Другое исследование психического здоровья и психологического благополучия было проведено также во время пандемии COVID-19 в Индонезии среди пожилых людей [89]. Оно подтвердило результаты ряда других зарубежных исследований, где утверждалось, что изоляция и одиночество оказывают негативное влияние на психическое здоровье пожилых людей, особенно если у них нет возможностей для интернет-коммуникаций с друзьями и родственниками. В данном исследовании показатели психического здоровья оценивались на основе двух противоположных измерений. Позитивный аспект был представлен психологическим благополучием, а негативный – психологическим дистрессом. Как видим, в рассмотренных выше отечественных исследованиях показателем психологического благополучия является психическое здоровье, а не наоборот.

Факторы, влияющие на психическое здоровье, его связь с физическим здоровьем и психологическим благополучием, активно рассматриваются и обсуждаются как отечественными, так и зарубежными специалистами. Одно из направлений исследований психического здоровья и психологического благополучия лежит в области их культурной обусловленности. В работе Л.А. Шайгеровой с соавторами даны результаты обзора исследований, которые показывают, что культурные различия представлений о здоровье и психологическом благополучии оказывают влияние на результаты исследований, диагностику и подходы к психологической помощи [77;78]. Особенно остро эти проблемы стоят в мультикультурных странах.

Попытки найти составляющие точки баланса и стабильности в психологическом благополучии остаются дискуссионным вопросом социально-психологических наук. Ценным является обобщение, уточнение содержания понятия психологического благополучия как личностного ресурса, составляющими которого являются положительные отношения, вклад в благополучие других, чувство компетентности и способности осуществлять осмысленную активность, наличие персональных целей, самоуважение и оптимизм [13; 28; 36]. Такая основа толкования психологического благополучия будет перспективной в оказании поддержки и помощи в освоении

жизненных сложностей и ориентации на нахождение ресурса достижения стремления к психологическому благополучию.

Точкой отсчета для объяснения психологического благополучия можно считать эвдемонический и гедонистический подходы. Обязательным проявлением психологического благополучия эвдемонического подхода является стремление человека к личностному росту и определенное недовольство достигнутыми результатами побуждает к саморазвитию, достижение которого переживается как психологическое благополучие. Такой подход учитывает целесообразность и даже необходимость напряжения в психологическом переживании. Эвдемоническая традиция отмечает позитивное функционирование и развитие человека [95; 96]. Гедонистический подход апеллирует к удовлетворению потребностей в различных сферах жизни, напряжению, возникающему через отсрочку удовлетворения потребностей, побуждению к поисковой активности реализовать возможности личности. Гедонистическая традиция акцентирует внимание на таких конструктах как счастье, положительный аффект, удовлетворенность жизнью

Мартин Селигман, основоположник позитивной психологии и главный сподвижник движения за благополучие, предлагает свою динамическую теорию благополучия, в которую трансформировалась теория счастья. Селигман сосредотачивается на элементах благополучия, которые, по его мнению, выступают желанными строительными блоками преуспевающей жизни. Совокупность психологических личностных качеств и их развитие индивидуализирует психологическое благополучие, формирует ресурс и способствует к его увеличению. Итак, динамичность теории благополучия М. Селигмана выражается в соответствующем обогащении личностного потенциала как ресурса сохранения и приумножения преуспевающей жизни [98].

С появлением позитивной психологии интерес к факторам, которые способствуют благополучию, возрос, и исследования стремились определить показатели оптимального функционирования. Основной принцип теории позитивной ориентации заключается в том, что оптимистичный взгляд на жизнь может позволить людям быть более психологически устойчивыми. Позитивную ориентацию можно определить как тенденцию человека рассматривать себя, ситуации и жизнь с позитивной точки зрения. Самооценка, удовлетворенность жизнью и оптимизм как компоненты базовой диспозиции (далее по тексту POS), как скрытой переменной были обнаружены в кросс-культурном исследовании. POS имеет смысл как самооценочная диспозиция, служащая собственной системой оценки для размышлений о себе (т.е. самооценка), своем прошлом (т.е. удовлетворенность жизнью) и будущем (т.е. оптимизм). Было обнаружено, что POS как отдельный фактор лучше предсказывает благополучие, связан с отсутствием симптомов, является стабильной и устойчивой чертой, способствует оптимальному функционированию человека, влияя на его благополучие в целом [93].

Положительные эмоции помогают создавать социальные ресурсы, поддерживают процессы преодоления трудностей и решения проблем и улучшают физиологические реакции на стресс и негативные эмоции. Положительные эмоции также способствуют повышению жизнестойкости, что, в свою очередь, способствует появлению более позитивных чувств, стремлению развивать новые навыки и участвовать в социальных взаимодействиях. В свою очередь эти переживания способствуют возникновению дополнительных положительных эмоций. Положительные эмоции могут повышать устойчивость к стрессовым событиям, и люди, которые более устойчивы, испытывают больше положительных эмоций. Динамическая модель аффекта Дж. Заутры и ее коллег

дает дополнительную теоретическую основу для связи между устойчивостью и положительными эмоциями [102].

В большинстве ситуаций положительные и отрицательные эмоции, как правило, действуют независимо друг от друга. Например, люди могут одновременно чувствовать счастье и печаль в горько-сладких переживаниях, таких как выпускные и ностальгические воспоминания о прошлых положительных переживаниях. Однако во время стрессовых событий существует обратная связь между положительными и отрицательными эмоциями и отрицательные эмоции усиливаются быстрее, чем положительные. Важным следствием динамической модели аффекта является то, что люди могут повышать свою устойчивость к стрессу, увеличивая свои ресурсы положительных эмоций или улучшая способность регулировать свои положительные эмоции. Подтверждая эти теории, женщины с остеоартритом или фибромиалгией, которые сообщили о более высоком уровне положительных эмоций, сообщили также о более низком уровне хронической боли. Положительные эмоции предсказывают психологическое благополучие, включая повышенное счастье, снижение депрессии и большую удовлетворенность жизнью. Способность наслаждаться положительным опытом может позволить людям извлекать выгоду из позитивных событий и создавать ресурсы [90].

Психологическое благополучие во многих исследованиях изучают во взаимосвязи с эмоциональным благополучием. Аффективные переживания индивида, связанные с материнской депривацией, деструктивными внутрисемейными отношениями и социальной неудовлетворенностью в целом создают предпосылки состояний психологического неблагополучия [13].

Концепцию психологического благополучия предлагали А. Веринг и Б. Хиди, утверждая, что каждый человек имеет стабильные личностные характеристики, которые служат обеспечением такого уровня благополучия, представляющего собственный «нормальный» уровень равновесия данного человека. Запасы ресурсов способствуют решению жизненных сложностей и призваны увеличить удовлетворение и уменьшить страдания [100].

Роберт Камминз утверждает, что благополучие управляется некоторой системой психологических ресурсов (HPMood) и такое управление фактически направлено на защиту гомеостатически защищенного настроения как основного компонента благополучия. Модель гомеостаза благополучия указывает на то, что когда человек не испытывает никаких проблем, благополучие остается на установленном, привычном уровне; когда есть незначительные проблемные события, то благополучие, защищенное гомеостатической защитой, не снижается ниже установленного значения. Когда же негативное событие слишком сильное, чтобы гомеостаз мог справиться, благополучие резко падает. Следовательно, определение благополучия сосредотачивается на состоянии равновесия или баланса, на которое могут влиять жизненные события [85].

Определение благополучия как точки баланса между совокупностью ресурсов и проблемами, с которыми сталкивается личность, предлагают в своем исследовании Р. Додж, А.П. Дейли, Я. Хьютон, Л.Д. Сандерс. Идея метафоры «качели» показывает, что человек склонен постоянно возвращаться в заданную точку для ощущения благополучия. Состояние дисбаланса вызывается невозможностью человека овладеть проблемными ситуациями, пошатывающих ресурсность в столкновении с проблемами и ставящих задачу адаптироваться к проблемам. Ресурсность как способ справиться с трудностями так же важна для личностного развития, как и наличие определенных

трудностей для развития ресурсов. Отсутствие проблем приведет к стагнации и неопределенности, останавливая движение [87].

Неопределенность – это когнитивное состояние, при котором индивид не в состоянии прогнозировать наступление того или иного события, анализировать свое место и вклад в происходящее, является одной из причин не всегда обоснованного и осознанного страха. При продолжительном нахождении в состоянии неопределенности, происходит истощение внутренних ресурсов личности, снижается адаптационный потенциал. Человек испытывает сильнейший дистресс, в результате которого развивается психосоциальная дезадаптация, возникают тревожные расстройства, психосоматические заболевания, что деструктивно влияет на внешнее и внутреннее психологическое благополучие человека.

Результаты исследований демонстрируют, что осознанность является важным компонентом психологического благополучия, при анализе взаимосвязи между интолерантностью к неопределенности и психологическим благополучием. Интолерантность к неопределенности негативно влияет как на психологическое благополучие, так и на осознанность. Личность, которая воспринимает неопределенность как опасность или негативное состояние, может постоянно размышлять о том, как она может предостеречь себя от опасности, как и когда неопределенность закончится, и как можно выжить физически и психологически после нее, чтобы справиться с этим негативным опытом.

Личности с высоким уровнем толерантности к неопределенности сосредотачиваются на будущих шагах, которые они предпримут после опасности, что может помешать им сосредоточиться на настоящем. Эти результаты могут быть объяснены, принимая во внимание негативные чувства и переживания, которые являются компонентами низкого уровня толерантности к неопределенности. Исследования показывают, что люди с низким уровнем толерантности к неопределенности испытывают более широкий спектр негативных эмоциональных состояний. Более того, в дополнение к этому, негативные эмоциональные переживания препятствуют саморазвитию и социальному развитию, могут негативно сказаться на психологическом благополучии. Люди с низким уровнем толерантности к неопределенности имеют низкий уровень осознанности, что, в свою очередь, приводит к низкому уровню психологического благополучия. Чтобы справиться со своими эмоциями и достичь высокого уровня благополучия, необходимо концентрироваться на каждой эмоции и определять ее. Люди с низким уровнем толерантности к неопределенности воспринимают это переживание как опасность и пытаются избежать его. Таким образом, непроработанные эмоции в неопределенных ситуациях могут затруднить достижение людьми более высокого уровня психологического благополучия.

Осознанность может служить жизненно важным буферным механизмом для работы с каждым негативным эмоциональным состоянием, что, в свою очередь, предотвращает снижение психологического благополучия [83; 57].

Выделяются две практики, которые помогают человеку повысить уровень толерантности к неопределенности и улучшить психологическое благополучие, – благодарность и осознанность. Хотя в доступной литературе существуют убедительные доказательства того, что благодарность помогает снизить тревожность, основные аспекты этой взаимосвязи изучены в меньшей степени. Практика благодарности помогает человеку оставаться довольным текущими обстоятельствами, преодолевая страх перед неопределенностью результатов. Аналогичный эффект наблюдался и в случае практики осознанности. В последнее время наблюдается всплеск исследований,

посвященных изучению практики осознанности как психологического конструкта, но эффективность этого конструкта предстоит установить. Практики осознанности акцентируют внимание на непредвзятом осознании настоящего момента. Возможное объяснение заключается в том, что человек, чье беспокойство было вызвано осознанием непредвиденных событий, не получит пользы от практики благодарности и осознанности. Это может быть связано с тем, что практики благодарности и осознанности подчеркивают роль настоящего момента и не являются футуристическими по своей природе. Результаты также показывают, что благодарность и осознанность положительно связаны с эмоциональным, психологическим и социальным благополучием. Благодарность имеет три аспекта. Первый – это «эмоциональная черта», то есть склонность испытывать благодарность. Второй – это «эмоциональное состояние», а третий – «эмоция, указывающая на временное чувство» [88].

Психологическое благополучие коррелирует с переживанием неопределенности. Тревожность, растерянность и беспокойство индивида в среде, переживаемой как враждебной или небезопасной, снижает уверенность в собственных возможностях, прежде всего в профессиональных. Человеку приходится балансировать между реальным и идеализированным. Устойчивость в социальных, личностных и профессиональных отношениях, самореализация, творческое самовыражение, достаточная гибкость адаптивной системы благоприятно сказываются на общем психологическом благополучии [92]. Феномен психологического благополучия личности выступает частью адаптационного потенциала и отражает уровень адаптированности к тяжелым событиям жизни. Оно не только является следствием адаптации, но и, имея взаимосвязь с восприятием жизненных событий и их оценкой, способствует социально-психологической адаптации личности. Успешная адаптация предполагает развитие аутентичности, креативности и способности к глубоким межличностным отношениям.

Следует отметить структуру благополучия Н. Брэдберна в сравнении с концепцией К. Рифф (рис.1).

Рисунок 1. Структура благополучия

Накопленные эмоциональные переживания, которые в сочетании с общей удовлетворенностью жизнью равнозначны субъективным переживаниям психологического благополучия, определяют уровень последнего. Динамическое равновесие обусловлено любым событием в жизни человека, имеющим определенное для последнего значение. Однако адаптивность к переживаемым изменениям возвращает индивида в стабильное состояние. Можно предположить, что состояние

адаптационного потенциала личности связано с уровневыми показателями психологического благополучия.

Также переживание аутентичности – предполагает присутствие чувства подлинности, уместности в заданных пространственно-временных обстоятельствах, искренности бытия (А. Вуд, В.А. Бардадымов, Е.Н. Осип, С.К. Нартова-Бочавер). Дружественная домашняя среда реализует функции восстановления сил для выполнения повседневной деятельности, а также может быть фактором самореализации человека, стимулируя развитие и активность личности.

Заключение. Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить неоднородность современных теоретико-эмпирических исследований психологического благополучия. В частности, есть противоречия в описании структурно-функциональных и содержательных параметров, в понимании уровневых характеристик психологического благополучия. В проанализированных исследованиях отсутствует общепринятое определение «психологического благополучия личности». С данным термином часто соотносят такие понятия, как «психологическое здоровье», «внутренняя картина здоровья или болезни», «эмоциональный комфорт», «качество жизни», «субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью» и пр.

Анализ литературы позволил определить психологическое благополучие как субъективное положительное переживание достижений поставленных целей в деятельности и общении. Общими предикторами психологического благополучия определяется социальное чувство, его уровень развития и реализации, а также степень удовлетворения базовых потребностей человека (физиологические, в безопасности, принятии, уважении и самоактуализации). Понятие психологического благополучия и удовлетворенности личности основывается на субъективном эмоциональном отношении к содержанию и функционированию явлений и событий, их смыслообразующим компонентам и характеристикам. Духовное равновесие, физическое здоровье, внутренний комфорт и баланс в удовлетворении базовых потребностей, гармония в отношениях, социальная значимость, профессиональная реализация, наполненная радостью открытий и социально-значимыми достижениями дают человеку возможность чувствовать себя счастливым, эффективно адаптироваться к изменяющимся социальным условиям.

Список литературы

1. Авдеева Н.Н. Человеческий потенциал России: факторы риска / Н.Н. Авдеева, И.И. Ашмарин, Г.Б. Степанова // Человек. – 1997. – № 1. – С. 47–49.
2. Анциферова А.Г. Взаимодействие преподавателя и студента как фактор воздействия на личностный и профессиональный рост обучающегося / А.Г. Анциферова // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2016. – № 3. – С. 23–27.
3. Богомолов А.М. Личностный адаптационный потенциал в контексте системного анализа / А.М. Богомолов // Психологическая наука и образование. – 2008. – № 1. – С. 67–73.
4. Водяха С.А. Современные концепции психологического благополучия личности / С.А. Водяха // Педагогика и психология. – 2012. – №2 (20). – С. 132–138.
5. Вокуева А.С. О роли педагога в возникновении и разрешении конфликтов в образовательном учреждении / А.С. Вокуева, А.А. Николаева // Бюллетень науки и практики. – 2019. – 5(7). – С. 390–394. – DOI: 10.33619/2414-2948/44/50
6. Волчик А.А. Влияние семьи и группы сверстников на психологическое благополучие ребенка дошкольного возраста / А.А. Волчик // Гармонизация психофизического и социального развития детей дошкольного возраста: Материалы Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Минск, 24 апреля 2021 года / Редколлегия: О.В. Леганькова (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», 2021. – С. 73–76.

7. Воронина А.В. Оценка психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы: дис. ... канд. психол. наук / А.В. Воронина. – Томск, 2002. – 220 с.
8. Всемирная организация здравоохранения (2023). Депрессивное расстройство (Депрессия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs369/ru/> (дата обращения: 10.11.2024).
9. Вяльшина А.А. Социально-экономические факторы формирования человеческого капитала детей / А.А. Вяльшина // Народонаселение. – 2017. – № 1(75). – С. 125–134.
10. Галашева О.С. Повседневный стресс и психологическое благополучие мальчиков и девочек подросткового возраста / О.С. Галашева, Л.А. Головей // Психология человека в образовании. – 2023. – т. 5, № 4. – С. 500–511.
11. Голубев А.М. Исследование связи перфекционизма с субъективным благополучием / А.М. Голубев, М.В. Котова // Reflexio. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 27–37. – DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-27-37.
12. Грибоедова О.И. Влияние самопознания на психологическое благополучие личности / О.И. Грибоедова // Педагогика и психология образования. – 2019. – № 2. – С. 131–140.
13. Давудова А.Р. Психологические факторы, влияющие на успешность учебной деятельности студентов вуза / А.Р. Давудова. Евразийский союз ученых. – 2015. – (5-6). – С. 125–127. EDN: WZZVON.
14. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Лаэртский Диоген // Ред. А.Ф. Лосев; перевод М.Л. Гаспарова. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.
15. Днепров С.А. Факторный анализ отношения обучающихся к формированию личной конкурентоспособности на основе валюации / С.А. Днепров, Т.В. Зарева // Педагогическое образование в России. – 2020. – №2. – С. 66–76. – DOI: 10.26170/ro20-02-08
16. Добряк С.Ю. Динамика психологической адаптации курсантов на первом и втором году обучения в военном вузе: дис. ... канд. психол. наук / С.Ю. Добряк. – СПб., 2004. – 202 с.
17. Дубровина И.В. Феномен «психологическое благополучие» в контексте социальной ситуации развития / И.В. Дубровина // Вестник практической психологии образования. – 2020. – Том 17, № 3. – С. 9–21. – DOI: 10.17759/bppe.2020170301
18. Елупахина А.В. Взаимосвязь компонентов образовательной среды и показателей психологического благополучия детей старшего дошкольного возраста / А.В. Елупахина // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. – 2022. – № 2(112). – С. 69–76.
19. Елупахина А.В. Психологическое благополучие ребенка старшего дошкольного возраста: сущность и критериальные характеристики / А.В. Елупахина // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя С. Псіхалага-педагагічныя навукі: педагогіка, псіхалогія, метадыка. – 2022. – № 2(60). – С. 96–100.
20. Жигалова Е.А. Адаптация курсантов к служебной и учебной деятельности высших учебных заведений МВД России / Е.А. Жигалова // Вестник Восточносибирского института МВД России. – 2014. – № 4 (71).
21. Илькова А.П. Взаимодействие преподавателя и студента в интерактивной коммуникации / А.П. Илькова, А.С. Болгар // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – (66-4). – С. 42–46. – DOI: 10.18411/lj-10-2020-152.
22. Исследование субъективного и психологического благополучия людей позднего возраста / Ю.А. Сыченко, Г.И. Борисов, О.И. Дорогина [и др.] // Сибирский психологический журнал. – 2023. – № 90. – С. 102–123.
23. Кабанова О.М. Особенности психологического благополучия обучающихся подросткового возраста // Научные высказывания. – 2023. – № 8 (32). – С. 34–36.
24. Козлов А.В. Методика диагностики психологического здоровья / А.В. Козлов // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 6(12). – С. 110–117.
25. Козырская И.Н. Эмпирическое исследование психологического благополучия у работающих и неработающих лиц пожилого возраста / И.Н. Козырская, А.А. Неустроева // Научный потенциал. – 2024. – № 1-1(44). – С. 13–16.
26. Коновалова Н.Л. Предупреждение нарушений в развитии личности при психологическом сопровождении школьников / Н.Л. Коновалова. – СПб.: СПбГУ. – 2000. – 232 с.
27. Корепанова Ю.Н. Эмоциональное отвержение ребенка в семье как фактор, способствующий формированию общего неблагополучия личности и выступающий психологической предпосылкой криминального поведения / Ю.Н. Корепанова // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 5(41). – С. 106–110. – DOI 10.37523/SUI.2020.41.5.018.

28. Котлярова В.В. Феномен социально-психологического благополучия: подходы к исследованию / В.В. Котлярова, И.В. Мудрик, О.М. Колтунова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 8-2(83). – С. 109–112. – DOI 10.24412/2500-1000-2023-8-2-109-112.
29. Кулганов В.А. Исследование адаптационного потенциала личности у подростков и молодежи / В.А. Кулганов, Л.С. Шенберг, И.А. Короткова // Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения-2005» // Под ред. Л.А. Цветковой, Л.М. Шипицыной. – СПб., 2005. – С. 578–580.
30. Куфтяк Е.В. Привязанность к матери как предиктор психологического благополучия в младшем школьном возрасте / Е.В. Куфтяк, О.В. Магденко, Ю.А. Задорова // Образование и наука. – 2021. – Т. 23, № 7. – С. 122–146.
31. Кучина Т.И. Психологическое благополучие и ценностные ориентации женщин и мужчин ранней и средней зрелости в мире неопределенности / Т.И. Кучина // Мир науки. Педагогика и психология [Электронный ресурс]. – 2024. – Т. 12, № 1. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/81PSMN124.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).
32. Лебедева О.В. Проблема соотношения понятий «психическое здоровье» и «психологическое здоровье» в отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературе / О.В. Лебедева // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. – 2013. – №3(1). – С. 33–37.
33. Леоненко Н.О. Психологическое благополучие в юношеском возрасте у лиц с разным опытом переживаний детства / Н.О. Леоненко, Ю.А. Лобанова // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2021. – № 4. – С. 333–341. – DOI 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-41.
34. Литвинова Н.Ю. Психологическое сопровождение эмоционального благополучия детей младшего школьного возраста / Н.Ю. Литвинова, Я.П. Семенов // Ярославский психологический вестник. – 2023. – № 2(56). – С. 47–51.
35. Лункина М.В. Диагностика аутентичных и компенсаторных оснований самоуважения у подростков / М.В. Лункина, Т.О. Гордеева // Сибирский психологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 145–160.
36. Лункина М.В. Трансформация представлений о связи различных параметров самоуважения с психологическим благополучием: от уровня самоуважения к его основаниям / М.В. Лункина // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2017. – № 3. – С. 60–75.
37. Ляшко И.А. Онтогносеологический урок Платона / И.А. Ляшко // Универсум Платоновской мысли: «Пайдейя, государство, человек: антропология в Платоновской традиции»: Сборник материалов XXVII научной конференции, Санкт-Петербург, 28 июня 2019 года. – Санкт-Петербург: Межрегиональная общественная организация содействия изучению и распространению философского наследия Платона «Платоновское философское общество», 2019. – С. 16–25.
38. Мазаева Н.А. Факторы риска увеличения частоты и ранней манифестации депрессий в современной подростковой популяции / Н.А. Мазаева, Н.Е. Кравченко // Психиатрия. – 2020. – Т. 18, № 3. – С. 6–13. – DOI 10.30629/2618-6667-2020-18-3-6-13.
39. Максименко А.А. Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян / А.А. Максименко, О.С. Дейнека, И.А. Мортикова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 12. – С. 129–136. – DOI.org/10.24158/spp.2022.12.20.
40. Максименко А.А. Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян / А.А. Максименко, О.С. Дейнека, И.А. Мортикова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 12. – С. 129–136. – DOI.org/10.24158/spp.2022.12.20.
41. Малюгина К.В. Психологическое благополучие детей подросткового возраста / К.В. Малюгина // Высшее педагогическое образование в провинции: традиции и новации: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 12 мая 2023 года // Под общей редакцией О.В. Бессчетновой, П.А. Шацкова. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2023. – С. 384–388.
42. Мерзлякова Д.Р. Особенности психологического здоровья педагогов с разным уровнем профессионального мастерства в условиях цифровой трансформации образовательного процесса / Д.Р. Мерзлякова // Психолого-педагогические исследования. – 2022. – Том 14. – № 2. – С. 48–63. – doi:10.17759/psyedu.2022140204
43. Милохин Д.Б. Оценка готовности студентов вузов к реализации дистанционного обучения / Д.Б. Милохин // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 9. – С. 172–177.
44. Митрополит Иерофей (Влахос). Православная психотерапия. Святоотеческий курс врачевания души [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/oteknik/Ierofej_Vlahos/pravoslavnaja-psihoterapija-svjatootecheskij-kurs-vrachevanija-dushi/1_2 (дата обращения: 10.11.2024).

45. Нагуманова Э.Р. Особенности проявления стрессоустойчивости у депрессивной личности / Э.Р. Нагуманова // Актуальные вопросы университетской науки : Сборник научных трудов. Том Выпуск 2. – Уфа : Башкирский государственный университет. – 2016. – С. 292–296.
46. Нерушай А.И. Психологическое благополучие людей пожилого возраста / А.И. Нерушай // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2021. – № 1. – С. 128–141.
47. Нестик Т.А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований / Т.А. Нестик // Социальная психология и общество. – 2023. – Том 14. – № 4. – С. 5–22. – DOI:10.17759/sps.2023140401.
48. Никифорова С.В. Взаимосвязь показателей психологического благополучия и образа тела у женщин зрелого возраста / С.В. Никифорова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2021. – № 6. – С. 79–83.
49. Панова В.Н. Влияние преподавателя на формирование положительной мотивации к процессу обучения / В.Н. Панова // Молодой ученый. – 2019. – № 51. – С. 348–350.
50. Пашкин С.Б. Психологическое благополучие как условие успешной адаптации курсантов к повседневной деятельности / С.Б. Пашкин, А.В. Головачёв, А.С. Савинская // Военный инженер [Электронный ресурс]. – 2020. – С. 43–54. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-blagopoluchie-kak-uslovie-uspeshnoy-adaptatsii-kursantov-k-povsednevnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 08.11.2024).
51. Петрова Д.Б. Социально-психологические детерминанты психологического благополучия в подростковом возрасте / Д.Б. Петрова, С.П. Ленских // Мир науки. Педагогика и психология [Электронный ресурс]. – 2024. – Т. 12. – № 2. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/53PSMN224.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).
52. Петровская В.Г. Жизнестойкость и социально-психологическое благополучие личности в юношеском возрасте / В.Г. Петровская // Конструктивные педагогические заметки. – 2020. – № 8.1 (13). – С. 259–272.
53. Посохова С.Т. Психология адаптирующейся личности: монография / С.Т. Посохова. – СПб: РГПУ им. Герцена, 2001. – 240 с.
54. Практическая психология образования / Под ред. И.В. Дубровиной. – СПб.: ТЦ «Сфера», 2004. – 592 с.
55. Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы / О.М. Бойко, Т.И. Медведева, С.Н. Ениколопов [и др.] // Психологические исследования [Электронный ресурс]. – 2020. – Т. 13, № 70. – Режим доступа: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/196> (дата обращения: 01.11.2024).
56. Психологическое благополучие субъектов образования: сборник научных материалов / под науч. ред. доктора психологических наук, профессора Н.В. Нижегородцевой. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. – 331 с.
57. Пуговкина О.Д. Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия / О.Д. Пуговкина, З.Н. Шильникова // Современная зарубежная психология. – 2014. – № 2. – С. 18–29.
58. Роднина К.А. Влияние эмоциональной зрелости родителей на психологическое благополучие детей / К.А. Роднина // Высшее образование сегодня. – 2023. – № 5. – С. 116–120.
59. Розанов В.А. Суицидальное поведение в условиях пандемии COVID-19 / В.А. Розанов, Н.В. Семенова // Психиатрия. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 74–84. – DOI 10.30629/2618-6667-2022-20-3-74-84.
60. Руднова Н.А. Цифровая родительская медиация и ее связь с показателями психологического благополучия детей школьного возраста / Н.А. Руднова, Д.С. Корниенко, Е.Н. Волкова, О.М. Исаева // Наука телевидения. – 2023. – 19 (1). – С. 175–198.
61. Садакова О.Б. Анализ исследовательских подходов к изучению психологической репрезентации студентами образовательной среды вуза / О.Б. Садакова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – №10. – С. 83–88. – DOI: 10.24158/spp.2018.10.12
62. Смолянская Е.И. Юмор как фактор психологического благополучия людей пожилого возраста / Е.И. Смолянская // Мир науки. Педагогика и психология [Электронный ресурс]. – 2024. – Т. 12. – № 1. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/31PSMN124.pdf> (дата обращения: 28.10.2024).
63. Солдатова Г.В. Психологическое благополучие как психологический феномен / Г.В. Солдатова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – №12. – 2021. – С. 17–30.
64. Старченкова Е.А. Синдром выгорания / Е.А. Старченкова, Н.В. Водопьянова. – СПб.: Питер. – 2008. – 258 с.

65. Субъективное социально-психологическое благополучие человека как фактор выбора пищевых продуктов / М.А. Ковалева, С.В. Шмелева, С.В. Феоктистова [и др.] // *Здравоохранение Российской Федерации*. – 2024. – Т. 68, № 1. – С. 44–51. – DOI 10.47470/0044-197X-2024-68-1-44-51.
66. Татаркевич В.О. счастье и совершенстве человека / В.О. Татаркевич, пер. с польского Л.В. Коноваловой. – М. Прогресс, 1981. – 398 с.
67. Уманская Е.Г. Психологическое благополучие личности в зрелом возрасте / Е.Г. Уманская // *Стратегия развития образования для будущего России: Материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к Году педагога и наставника в Российской Федерации, Владимир, 16–17 марта 2023 года. Том Часть 1.* – Владимир: Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Владимирской области Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой, 2023. – С. 877–883.
68. Универсум Платоновской мысли: «Пайдейя, государство, человек: антропология в Платоновской традиции»: Сборник материалов XXVII научной конференции, Санкт-Петербург, 28 июня 2019 года. – Санкт-Петербург: Межрегиональная общественная организация содействия изучению и распространению философского наследия Платона «Платоновское философское общество», 2019. – 265 с.
69. Усынина Т.П. Психологическое благополучие студентов и факторы его определяющие / Т.П. Усынина, А.Д. Цветнова // *Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области*. – 2017. – № 2(1). – С. 122–124.
70. Ушакова А.В. К вопросу о взаимосвязи психологической готовности к школе и психологического благополучия детей старшего дошкольного возраста / А.В. Ушакова, О.Г. Япарова // *Наука в жизни человека*. – 2023. – № 2. – С. 141–149.
71. Федорова С.А. Внеурочная деятельность как средство поддержания психологического благополучия учащихся младшего школьного возраста / С.А. Федорова // *Начальное общее образование: вопросы развития, методического и кадрового обеспечения : материалы IV Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Иркутск, 12 ноября 2021 года / Иркутский государственный университет.* – Иркутск: Аспринт, 2021. – С. 262–267.
72. *Философский энциклопедический словарь* / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983 г. – 840 с.
73. Хайруллина Э.Р. Психология взаимоотношений между студентами и преподавателями в высшем образовании / Э.Р. Хайруллина // *Педагогический журнал*. – 2021. – №11(5). С. 636–649.
74. Хриптович В.А. Психологическое благополучие как показатель успешности социализации в юношеском возрасте / В.А. Хриптович // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки*. – 2021. – № 21-4. – С. 401–410.
75. Черняева Г.В. Психологическое благополучие как атрибутивная составляющая профессионального развития личности / Г.В. Черняева // *Психологическое благополучие современного человека: Материалы Международной заочной научно-практической конференции, Екатеринбург, 11 апреля 2018 года / Уральский государственный педагогический университет, Отв. ред. С.А. Водяха. Том 1.* – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. – С. 338–344.
76. Чувашова А.Г. Представления о психологическом благополучии детей дошкольного возраста в контексте культурно-деятельностной парадигмы / А.Г. Чувашова, И.Н. Конарева // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. – 2020. – №1. – С. 117–127.
77. Шайгерова Л.А. Культурная детерминация психического здоровья и психологического благополучия: методологические вопросы / Л.А. Шайгерова, Р.С. Шилко, Ю.П. Зинченко, А.Г. Долгих, О.В. Ваханцева // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. – 2018– №2 – С. 3–23.
78. Шевеленкова Т.Д. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) / Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко // *Психологическая диагностика*. – 2005. – №3. – С. 95–129.
79. Шевцов А. Античная антропология желаний / А. Шевцов // *Универсум Платоновской мысли: «Пайдейя, государство, человек: антропология в Платоновской традиции» : Сборник материалов XXVII научной конференции, Санкт-Петербург, 28 июня 2019 года.* – Санкт-Петербург: Межрегиональная общественная организация содействия изучению и распространению философского наследия Платона «Платоновское философское общество», 2019. – С. 143–151.
80. Шевченко Н.В. Повышение уровня самоорганизации учащихся и студентов в учебной деятельности при дистанционном обучении / Н.В. Шевченко, М.В. Постнова // *Современные проблемы науки и образования*. – 2021. – №4.– С. 43–51. – DOI: 10.17513/spno.31041.

81. Эдельман А.Б. Субъективный возраст как фактор психологического благополучия: специальность: 19.00.13 – психология развития, акмеология (психологические науки): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / А.Б. Эдельман. – М., 2022. – 25 с.
82. Ahmad S. The impact of the COVID-19 pandemic on the psychological well-being of Pakistani students / S. Ahmad // *Penza Psychological Newsletter*. – 2024. – No. 1(22). – P. 10–16.
83. Arslan Ü. et al. Relationship between intolerance of uncertainty and psychological wellbeing during the COVID-19 pandemic: The mediating role of mindfulness / Ü. Arslan et al. // *Cukurova University Faculty of Education Journal*. – 2021. – T. 50. – №. 1. – С. 379–399. – doi.org/10.14812/cufej.844268
84. Bradburn N. *The Structure of Psychological Well-Being* / N. Bradburn. Chicago: Aldine Pub. Co, 1969. – 320 p.
85. Cummins R. Subjective wellbeing, homeostatically protected mood and depression: A Synthesis / R. Cummins // *Journal of Happiness Studies*. – 2010. – 11, pp. 1–17. – doi.org/10.1007/s10902-009-9167-0
86. Diener E. Most people are happy / E. Diener, C. Diener // *Psychological Science*. – 1996. – № 7. – P. 181–185.
87. Dodge R. The Challenge of Defining / R. Dodge, AP Daly, J. Huyton & LD Sanders // *International Journal of Wellbeing*. – 2012. – 2. – pp. 222–235. – doi.org/10.5502/ijw.v2i3.4
88. Dutta T. Impact of intolerance of uncertainty on well-being during COVID-19 pandemic in India: Does practising gratitude and mindfulness help? / T. Dutta et al. // *IIMB Management Review*. – 2023. – T. 35. – №. 3. – pp. 286–297. – doi.org/10.1016/j.iimb.2023.07.004.
89. Herdian H, Suwanti S, Estria SR. Psychological wellbeing and psychological distress in the elderly during the COVID-19 Pandemic. *Consortium Psychiatricum* 2022;3(2):8896. doi: 10.17816/CP176.
90. Jennifer L. Smith & Linda Hollinger-Smith (2014): Savoring, resilience, and psychological well-being in older adults, *Aging & Mental Health*, DOI: 10.1080/13607863.2014.986647
91. King L.A., Napa C.K. What makes a life good? / L.A. King, C.K. Napa // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – Vol. 75. – pp. 156–165.
92. Koç M. et al. Investigation of the effect of intolerance of uncertainty and the effect of anger control on the relationship between forgiveness and psychological well-being through structural equation modelling / M. Koç et al. // *Sakarya University Journal of Education*. – 2016. – T. 6. – №. 3. – pp. 201–209.
93. Miriam Sang-Ah Park, Nobuhiko Goto, Alice Kennedy, Sanjana Raj, Alexander Dutton, Lauren Park & Laurent Sovet (2020): Positive orientation, job satisfaction and psychological well-being of mental health practitioners in Malaysia, *Psychology, Health & Medicine*, DOI: 10.1080/13548506.2020.1804599
94. Rettie H., Daniels J. Coping and tolerance of uncertainty: Predictors and mediators of mental health during the COVID-19 pandemic // *American Psychologist*. – 2021. – T. 76. – №. 3. – С. 427.
95. Ryff C.D., Keyes C.L.M. (1995) The structure of psychological well-being revisited / C.D. Ryff, C.L.M. Keyes // *Journal of Personality and Social Psychology*. – № 69. – pp. 719–727.
96. Ryff C.D., Keyes C.L.M. (1995) The structure of psychological well-being revisited / C.D. Ryff, C.L.M. Keyes // *Journal of Personality and Social Psychology*. – № 69. – pp. 719–727.
97. Schultz, T. 1961. Investment in Human Capital. *American Economic Review*, 51: 1-17;
98. Seligman M. *Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-being* Paperback. 2012. 368 г.
99. Stone D. *The Human Potential Movement* / Glock C.Y., Bellah R.N. (eds) *The New religious consciousness*. – University of California Press, 1976. – pp. 93–115.
100. Shah H., Marks N. *Manifesto well-being for prosperity of society*. Лондон, Великобритания: New Economy Fund. 2004. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198567523.003.0020>
101. Vasylykevych Y.Z. et al. Creativity and uncertainty tolerance as a resource for the psychological well-being of an individual / Y.Z. Vasylykevych et al. // *Revista de la Universidad del Zulia*. – 2021. – T. 12. – №. 34. – PP. 585–603. doi.org/10.46925//rdluz.34.32.
102. Zautra, A.J., Smith, B., Affleck, G., & Tennen, H. (2001). Examinations of chronic pain and affect relationships: Applications of a dynamic model of affect. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 69, 786795.

REFERENCES

1. Avdeeva N.N., Ashmarin I.I., Stepanova G.B. (1997) Chelovecheskij potencial Rossii: faktory` riska [The human potential of Russia: risk factors] in Chelovek [Human], № 1, 47–49 (In Russian).
2. Anciferova A.G. (2016) Vzaimodejstvie prepodavatelya i studenta kak faktor vozdejstviya na lichnostny`j i professional`ny`j rost obuchayushhegosya [Interaction of a teacher and a student as a factor of influence on the personal and professional growth of a student] in E`lektronny`j nauchno-metodicheskij zhurnal Maksimenko E.G., Гордеева А.В., Вильдгрубе С.А., Андрюшкова Н.П., Набатова С.В., Чуканов Е.В.

Omskogo GAU [Electronic scientific and methodological journal of Omsk State University], № 3, 23–27 (In Russian).

3. Bogomolov A.M. (2008) Lichnostny'j adaptacionny'j potencial v kontekste sistemnogo analiza [Personal adaptive potential in the context of system analysis] in *Psixologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], № 1, 67–73 (In Russian).

4. Vodyaxa S.A. (2012) Sovremennyy'e koncepcii psixologicheskogo blagopoluchiya lichnosti [Modern concepts of psychological well-being of the individual] in *Pedagogika i psixologiya* [Pedagogy and psychology]. № 2 (20), 132–138 (In Russian).

5. Vokueva A.S., Nikolaeva A.A. (2019) O roli pedagoga v vznikovenii i razreshenii konfliktov v obrazovatel'nom uchrezhdenii [On the role of a teacher in the emergence and resolution of conflicts in an educational institution] in *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and practice]. 5(7), 390–394. – DOI:10.33619/2414-2948/44/50 (In Russian).

6. Volchik A.A. (2021) Vliyanie sem'i i gruppy' sverstikov na psixologicheskoe blagopoluchie rebenk doshkol'nogo vozrasta [The influence of a family and a group of peers on the psychological well-being of a preschool child] in *Garmonizaciya psixofizicheskogo i social'nogo razvitiya detej doshkol'nogo vozrasta: Materialy' Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov i molody'x ucheny'x*, Minsk, 24 aprelya 2021 goda [Harmonization of psychophysical and social development of preschool children: Materials of the International Scientific and Practical Conference of students and young scientists, Minsk, April 24, 2021], Minsk: Uchrezhdenie obrazovaniya «Belorusskij gosudarstvenny'j pedagogicheskij universitet imeni Maksima Tanka», 73–76 (In Russian).

7. Voronina A.V. (2002) Ocenka psixologicheskogo blagopoluchiya shkol'nikov v sisteme profilakticheskoy i korrekcionnoj raboty' psixologicheskoy sluzhby' [Assessment of the psychological well-being of schoolchildren in the system of preventive and correctional work of the psychological service]: PhD thesis. Tomsk, 220 p. (In Russian).

8. Vsemirnaya organizaciya zdavooxraneniya (2023). Depressivnoe rasstrojstvo (Depressiya) [Depressive disorder (Depression)]. Retrived from: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs369/ru/>. (In Russian).

9. Vyal'shina A.A. (2017) Social'no-e'konomicheskie faktory' formirovaniya chelovecheskogo kapitala detej [Socio-economic factors of the formation of children's human capital] in *Narodonaselenie* [Population], № 1(75), 125–134 (In Russian).

10. Galasheva O.S., Golovej L.A. (2023) Povsednevny'j stress i psixologicheskoe blagopoluchie mal'chikov i devochek podrostkovogo vozrasta [Everyday stress and psychological well-being of adolescent boys and girls] in *Psixologiya cheloveka v obrazovanii* [Human psychology in education], V. 5, № 4, 500–511 (In Russian).

11. Golubev A.M., Kotova M.V. (2022) Issledovanie svyazi perfekcionizma s sub'ektivny'm blagopoluchiem [A study of the connection of perfectionism with subjective well-being] in *Reflexio*. V. 15, № 1, 27–37. – DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-27-37 (In Russian).

12. Griboedova O.I. (2019) Vliyanie samopoznaniya na psixologicheskoe blagopoluchie lichnosti [The influence of self-knowledge on the psychological well-being of a personality] in *Pedagogika i psixologiya obrazovaniya* [Pedagogy and psychology of education]. № 2, 131–140 (In Russian).

13. Davudova A.R. (2015) Psixologicheskie faktory', vliyayushhie na uspeshnost' uchebnoj deyatel'nosti studentov vuza [Psychological factors influencing the success of educational activities of university students] in *Evrazijskij soyuz ucheny'x* [Eurasian Union of Scientists]. (5-6), 125–127 (In Russian).

14. Diogen Lae'rtskij (1986) O zhizni, ucheniyax i izrecheniyax znamenity'x filosofov [On the life, teachings and sayings of famous philosophers] Edited by A.F. Losev; translated by M.L Gasparov, 571 p. (In Russian).

15. Dneprov S.A., Zareeva T.V. (2020) Faktorny'j analiz otnosheniya obuchayushhixsya k formirovaniyu lichnoj konkurentosposobnosti na osnove valyucii [Factor analysis of the attitude of students to the formation of personal competitiveness based on value] in *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. №2, 66–76. – DOI: 10.26170/po20-02-08 (In Russian).

16. Dobryak S. Yu. (2004) Dinamika psixologicheskoy adaptacii kursantov na pervom i vtorom godu obucheniya v voennom vuze [Dynamics of psychological adaptation of cadets in the first and second years of study at a military university]. PhD thesis. Sankt-Peterburg, 202 p. (In Russian).

17. Dubrovina I.V. (2020) Fenomen «psixologicheskoe blagopoluchie» v kontekste social'noj situacii razvitiya [The phenomenon of "psychological well-being" in the context of the social situation of development] in *Vestnik prakticheskoy psixologii obrazovaniya* [Bulletin of practical psychology of education]. V. 17, № 3. pp. 9–21. DOI: 10.17759/bppe.2020170301 (In Russian).

18. Elupaxina A.V. (2022) Vzaimosvyaz' komponentov obrazovatel'noj sredy' i pokazatelej psixologicheskogo blagopoluchiya detej starshego doshkol'nogo vozrasta [Interrelation of components of the educational environment and indicators of psychological well-being of older preschool children] in Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Pedagogika. Psixologiya. Filologiya [Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1. Pedagogy. Psychology. Philology]. № 2(112), pp. 69–76 (In Russian).

19. Elupaxina A.V. (2022) Psixologicheskoe blagopoluchie rebenka starshego doshkol'nogo vozrasta: sushhnost' i kriterial'ny'e xarakteristiki [Psychological well-being of a child of senior preschool age: the essence and criteria characteristics] in Vestnik Magilyoŭskaga dzyarzhaynaga ūniversite'ta imya A.A. Kulyashova. Serya C. Psixologa-pedagogichny'ya navuki: pedagogika, psixologiya, metody'ka [Vestnik Magileyskaga dzyarzhaynaga yuniversit is the name of A.A. Kulyashova. Gray C. Psychologa-pedagogical sciences: pedagogy, psychology, methodology]. № 2(60), pp. 96–100 (In Russian).

20. Zhigalova E.A. (2014) Adaptaciya kursantov k sluzhebnoj i uchebnoj deyatel'nosti vy'sshix uchebny'x zavedenij MVD Rossii [Adaptation of cadets to the official and educational activities of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia] in Vestnik Vostochnosibirskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. №4 (71). (In Russian).

21. Il'kova A.P., Bolgar A.S. (2020) Vzaimodejstvie prepodavatelya i studenta v interaktivnoj kommunikacii [Interaction of a teacher and a student in interactive communication] in Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya [Trends in the development of science and education]. 66-4, pp. 42–46. DOI: 10.18411/lj-10-2020-152 (In Russian).

22. Issledovanie sub'ektivnogo i psixologicheskogo blagopoluchiya lyudej pozdnego vozrasta (2023) [A study of the subjective and psychological well-being of people of late age] by Yu.A. Sy'chenko, G.I. Borisov, O.I. Dorogina [et al.] in Sibirskij psixologicheskij zhurnal [Siberian Psychological Journal], № 90, pp. 102–123 (In Russian).

23. Kabanova O.M. (2023) Osobennosti psixologicheskogo blagopoluchiya obuchayushhixsya podrostkovogo vozrasta [Features of psychological well-being of adolescent students] in Nauchny'e vy'skazyvaniya [Scientific statements]. №8 (32), pp. 34–36 (In Russian).

24. Kozlov A.V. (2014) Metodika diagnostiki psixologicheskogo zdorov'ya [Methods of diagnosis of psychological health] in Perspektivy' nauki i obrazovaniya [Prospects of science and education]. № 6(12), pp. 110–117. (In Russian).

25. Kozy'rskaya I.N., Neustroeva I.N. (2024) E'mpiricheskoe issledovanie psixologicheskogo blagopoluchiya u rabotayushhix i nerabotayushhix licz pozhilogo vozrasta [Empirical study of psychological well-being in working and non-working elderly people] in Nauchny'j potencial [Scientific potential]. № 1-1(44), pp. 13–16 (In Russian).

26. Konovalova N.L. (2000) Preduprezhdenie narushenij v razvitii lichnosti pri psixologicheskom soprovozhdenii shkol'nikov [Prevention of violations in the development of personality with psychological support of schoolchildren]. Sankt-Peterburg: SPbGU, 232 p. (In Russian).

27. Korepanova Yu.N. (2020) E'mocional'noe otverzhenie rebenka v sem'e kak faktor, sposobstvuyushhij formirovaniyu obshhego neblagopoluchiya lichnosti i vy'stupayushhij psixologicheskoy predposyl'koj kriminal'nogo povedeniya [Emotional rejection of a child in the family as a factor contributing to the formation of a general personality disorder and acting as a psychological prerequisite for criminal behavior] in Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute]. № 5(41), pp. 106–110. – DOI 10.37523/SUL.2020.41.5.018. (In Russian).

28. Kotlyarova V.V., Mudrik I.V., Koltunova O.M. (2023) Fenomen social'no-psixologicheskogo blagopoluchiya: podxody' k issledovaniyu [Phenomenon of socio-psychological well-being: approaches to research] in Mezhdunarodny'j zhurnal gumanitarny'x i estestvenny'x nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. № 8-2(83), pp. 109–112. – DOI 10.24412/2500-1000-2023-8-2-109-112. (In Russian).

29. Kulganov V.A., Shenberg L.S., Korotkova I.A. (2005) Issledovanie adaptacionnogo potenciala lichnosti u podrostkov i molodezhi [The study of the adaptive potential of personality in adolescents and youth] in Materialy' nauchno-prakticheskoy konferencii «Anan'evskie chteniya-2005» [Materials of the scientific and practical conference "Ananyevsky readings-2005"], Sankt-Peterburg, pp. 578–580 (In Russian).

30. Kuftyak E.V., Magdenko O.V., Zadorova Yu.A. (2021) Privyazannost' k materi kak prediktor psixologicheskogo blagopoluchiya v mladshem shkol'nom vozraste [Attachment to the mother as a predictor of psychological well-being in primary school age] in Obrazovanie i nauka [Education and Science]. V. 23, № 7, pp. 122–146 (In Russian).

31. Kuchina T.I. (2024) Psixologicheskoe blagopoluchie i cennostny'e orientacii zhenshin i muzhchin rannej i srednej vzroslosti v mire neopredelennosti [Psychological well-being and value orientations of women

and men of early and middle adulthood in a world of uncertainty] in *Mir nauki. Pedagogika i psixologiya* [The world of science. Pedagogy and psychology]. V. 12, № 1 (In Russian).

32. Lebedeva O.V. (2013) Problema sootnosheniya ponyatij «psixicheskoe zdorov'e» i «psixologicheskoe zdorov'e» v otechestvennoj i zarubezhnoj psixologo-pedagogicheskoj literature [The problem of the correlation of the concepts of "mental health" and "psychological health" in domestic and foreign psychological and pedagogical literature] in *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. №3(1), pp. 33–37 (In Russian).

33. Leonenko N.O., Lobanova Yu.A. (2021) Psixologicheskoe blagopoluchie v yunosheskom vozraste u licz s razny'm opy'tom perezhivaniy detstva [Psychological well-being in adolescence in people with different experiences of childhood] in *Gercenovskie chteniya: psixologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [Herzen readings: psychological research in education]. № 4, pp. 333–341. – DOI 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-41. – EDN BLHYCR. (In Russian).

34. Litvinova N.Yu., Semenov Ya.P. (2023) Psixologicheskoe soprovozhdenie e'mocional'nogo blagopoluchiya detej mladshego shkol'nogo vozrasta [Psychological support for the emotional well-being of children of primary school age] in *Yaroslavskij psixologicheskij vestnik* [Yaroslavl psychological Bulletin], № 2(56), pp. 47–51 (In Russian).

35. Lunkina M.V., Gordeeva T.O. (2019) Diagnostika autentichny'x i kompensatorny'x osnovanij samouvazheniya u podrostkov [Diagnostics of authentic and compensatory grounds of self-esteem in adolescents] in *Sibirskij psixologicheskij zhurnal* [Siberian Psychological Journal]. №2, pp. 145–160 (In Russian).

36. Lunkina M.V. (2017) Transformaciya predstavlenij o svyazi razlichny'x parametrov samouvazheniya s psixologicheskim blagopoluchiem: ot urovnya samouvazheniya k ego osnovaniyam [Transformation of ideas about the connection of various parameters of self-esteem with psychological well-being: from the level of self-esteem to its foundations] in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psixologiya* [Bulletin of the Moscow University. Episode 14: Psychology]. № 3, pp. 60–75 (In Russian).

37. Lyashko I.A. (2019) Ontognoseologicheskij urok Platona [Plato's Ontognoseological lesson] in *Universum Platonovskoj my'sli: «Pajdejya, gosudarstvo, chelovek: antropologiya v Platonovskoj tradicii» : Sbornik materialov XXVII nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 28 iyunya 2019 goda* [The Universe of Platonic Thought: "Paideia, the state, man: anthropology in the Platonic tradition" : Collection of materials of the XXVII scientific conference, St. Petersburg, June 28, 2019]. Sankt-Peterburg: Mezhhregional'naya obshhestvennaya organizaciya sodejstviya izucheniyu i rasprostranenyu filosofskogo naslediya Platona «Platonovskoe filosofskoe obshhestvo», pp. 16–25 (In Russian).

38. Mazaeva N.A., Kravchenko N.E. (2020) Faktory riska uvelicheniya chastoty i rannej manifestacii depressij v sovremennoj podrostkovoju populyacii [Risk factors for increasing the frequency and early manifestation of depression in the modern adolescent population] in *Psixiatriya* [Psychiatry]. V. 18, № 3, pp. 6–13. – DOI 10.30629/2618-6667-2020-18-3-6-13. (In Russian).

39. Maksimenko A.A., Dejneka O.S., Mortikova I.A. (2022) Infodemicheskij dumskrolling i psixologicheskoe blagopoluchie rossiyan [Infodemic mind-scrolling and psychological well-being of Russians] in *Obshhestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. № 12, pp. 129–136 (In Russian).

40. Maksimenko A.A., Dejneka O.S., Mortikova I.A. (2022) Infodemicheskij dumskrolling i psixologicheskoe blagopoluchie rossiyan [Infodemic mind-scrolling and psychological well-being of Russians] in *Obshhestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. № 12, pp. 129–136 (In Russian).

41. Malyugina K.V. (2023) Psixologicheskoe blagopoluchie detej podrostkovogo vozrasta [Psychological well-being of adolescent children] in *Vy'sshee pedagogicheskoe obrazovanie v provincii: tradicii i novacii : Sbornik nauchny'x statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Saratov, 12 maya 2023 goda* [Higher pedagogical education in the province: traditions and innovations: Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, May 12, 2023], Saratov, pp. 384–388 (In Russian).

42. Merzlyakova D.R. (2022) Osobennosti psixologicheskogo zdorov'ya pedagogov s razny'm urovnem professional'nogo masterstva v usloviyax cifrovoj transformacii obrazovatel'nogo processa [Features of psychological health of teachers with different levels of professional skill in the conditions of digital transformation of the educational process] in *Psixologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and pedagogical research]. V 14. № 2, pp. 48–63. doi:10.17759/psyedu.2022140204 (In Russian).

43. Miloxin D.B. (2010) Ocenka gotovnosti studentov vuzov k realizacii distancionnogo obucheniya [Assessment of the readiness of university students to implement distance learning] in *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. № 9, pp. 172–177 (In Russian).

44. Mitropolit Ierofej (Vlaxos). Pravoslavnaya psixoterapiya. Svyatootecheskij kurs vrachevaniya dushi [Metropolitan Hierotheos (Vlachos). Orthodox psychotherapy. Patristic course of healing the soul]. Retrived from: https://azbyka.ru/otechnik/Ierofej_Vlaxos/pravoslavnaja-psihoterapija-svjatootecheskij-kurs-vrachevaniya-dushi/1_2 (In Russian).

45. Nagumanova E'.R. (2016) Osobennosti proyavleniya stressoustojchivosti u depressivnoj lichnosti [Features of stress resistance in a depressive personality] in Aktual'ny'e voprosy` universitetskoj nauki : Sbornik nauchny`x trudov [Current issues of university science : A collection of scientific papers], V. 2. Ufa, pp. 292–296 (In Russian).

46. Nerushaj A.I. (2021) Psixologicheskoe blagopoluchie lyudej pozhilogo vozrasta [Psychological well-being of elderly people] in Vestnik RGGU. Seriya: Psixologiya. Pedagogika. Obrazovanie [Bulletin of the Russian State University. Series: Psychology. Pedagogy. Education]. № 1, pp. 128–141 (In Russian).

47. Nestik T.A. (2023) Vliyanie voenny`x konfliktov na psixologicheskoe sostoyanie obshhestva: perspektivny`e napravleniya issledovanij [The influence of military conflicts on the psychological state of society: promising areas of research] in Social'naya psixologiya i obshhestvo [Social psychology and society]. V. 14, № 4, pp. 5–22. DOI:10.17759/sps.2023140401 (In Russian).

48. Nikiforova S.V. (2021) Vzaimosvyaz` pokazatelej psixologicheskogo blagopoluchiya i obraza tela u zhenshin zrelogo vozrasta [Interrelation of indicators of psychological well-being and body image in mature women] in Sovremennaya nauka: aktual'ny'e problemy` teorii i praktiki. Seriya: Poznanie [Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition]. № 6, pp. 79–83 (In Russian).

49. Panova V.N. (2019) Vliyanie prepodavatelya na formirovanie polozhitel'noj motivacii k processu obucheniya [The influence of a teacher on the formation of positive motivation for the learning process] in Molodoy ucheny`j [Young scientist]. № 51, pp. 348–350 (In Russian).

50. Pashkin S.B., Golovachyov A.V., Savinskaya A.S. (2020) Psixologicheskoe blagopoluchie kak uslovie uspeshnoj adaptacii kursantov k povsednevnoj deyatelnosti [Psychological well-being as a condition for successful adaptation of cadets to daily activities] in Voenny`j inzhener [Military engineer]. Retrived from: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-blagopoluchie-kak-uslovie-uspeshnoj-adaptatsii-kursantov-k-povsednevnoj-deyatelnosti> (In Russian).

51. Petrova D.B., Lenskix S.P. (2024) Social'no-psixologicheskie determinanty` psixologicheskogo blagopoluchiya v podrostkovom vozraste [Socio-psychological determinants of psychological well-being in adolescence] in Mir nauki. Pedagogika i psixologiya [Mir nauki. Pedagogy and psychology]. V. 12, № 2 (In Russian).

52. Petrovskaya V.G. (2020) Zhiznestojkost` i social'no-psixologicheskoe blagopoluchie lichnosti v yunosheskom vozraste [Resilience and socio-psychological well-being of a person in adolescence] in Konstruktivny`e pedagogicheskie zametki [Constructive pedagogical notes]. № 8.1 (13), pp. 259–272 (In Russian).

53. Posoxova S.T (2001). Psixologiya adaptiruyushhejsya lichnosti: monografiya [Psychology of an adapting personality: a monograph]. Sankt-Peterburg: RGPU im. Gercena, 240 p. (In Russian).

54. Prakticheskaya psixologiya obrazovaniya [Practical psychology of education], edited by I.V. Dubrovina. 592 p. (In Russian).

55. Bojko O.M., Medvedeva T.I., Enikolopov S.N. (2020) Psixologicheskoe sostoyanie lyudej v period pandemii COVID-19 i misheni psixologicheskoy raboty` [The psychological state of people during the COVID-19 pandemic and the targets of psychological work] in Psixologicheskie issledovaniya [Psychological research]. V. 13, № 70 (In Russian).

56. Psixologicheskoe blagopoluchie sub`ektov obrazovaniya : sbornik nauchny`x materialov (2023) [Psychological well-being of subjects of education: a collection of scientific materials], Yaroslavl` : RIO YaGPU, 331 p. (In Russian).

57. Pugovkina O.D., Shil'nikova Z.N. (2014) Konceptiya mindfulness (osoznannost`): nespecificheskiy faktor psixologicheskogo blagopoluchiya [The concept of mindfulness: the nonspecific factor of psychological well-being] in Sovremennaya zarubezhnaya psixologiya [Modern foreign psychology]. № 2, pp. 18–29 (In Russian).

58. Rodnina K.A. (2023) Vliyanie e`mocional'noj zrelosti roditel'ej na psixologicheskoe blagopoluchie detej [The influence of emotional maturity of parents on the psychological well-being of children] in Vy`shee obrazovanie segodnya [Higher education today]. № 5. pp. 116–120 (In Russian).

59. Rozanov V.A., Semenova N.V. (2022) Suicidal'noe povedenie v usloviyax pandemii COVID-19 [Suicidal behavior in the conditions of the COVID-19 pandemic] in Psixiatriya [Psychiatry]. V. 20, № 3. pp. 74–84. – DOI 10.30629/2618-6667-2022-20-3-74-84. (In Russian).

60. Rudnova N.A., Kornienko D.S., Volkova E.N., Isaeva O.M. (2023) Cifrovaya roditel'skaya mediatsiya i ee svyaz` s pokazatelyami psixologicheskogo blagopoluchiya detej shkol'nogo vozrasta [Digital

parental mediation and its relationship with indicators of psychological well-being of school-age children] in *Nauka televideniya* [The science of television]. 19 (1), pp. 175–198. (In Russian).

61. Sadakova O.B. (2018) Analiz issledovatel'skix podxodov k izucheniyu psixologicheskoy reprezentatsii studentami obrazovatel'noj sredy` vuza [Analysis of research approaches to the study of psychological representation by students of the educational environment of the university] in *Obshhestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. №10, pp. 83–88. DOI: 10.24158/spp.2018.10.12 (In Russian).

62. Smolyanskaya E.I. (2024) Yumor kak faktor psixologicheskogo blagopoluchiya lyudej pozhilogo vozrasta [Humor as a factor of psychological well-being of elderly people] in *Mir nauki. Pedagogika i psixologiya* [The world of science. Pedagogy and psychology]. V. 12, № 1 (In Russian).

63. Soldatova G.V. (2021) Psixologicheskoe blagopoluchie kak psixologicheskij fenomen [Psychological well-being as a psychological phenomenon] in *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psixologo-pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Pskov State University. Series: Psychological and pedagogical sciences]. №12, pp. 17–30 (In Russian).

64. Starchenkova E.A., Vodop'yanova N.V. (2008) Sindrom vy`goraniya [Burnout syndrome], Sankt-Peterburg: Piter, 258 p. (In Russian).

65. Kovaleva M. A., Shmeleva S.V., Feoktistova S.V. (2024) Sub`ektivnoe social'no-psixologicheskoe blagopoluchie cheloveka kak faktor vy`bora pishhevy`x produktov [Subjective socio-psychological well-being of a person as a factor of food choice] in *Zdravooxranenie Rossijskoj Federacii* [Healthcare of the Russian Federation]. V. 68, № 1, pp. 44–51. – DOI 10.47470/0044-197X-2024-68-1-44-51. (In Russian).

66. Tatarkevich V. (1981) O schast'e i sovershenstve cheloveka [On happiness and human perfection]. M. Progress, 398 p. (In Russian).

67. Umanskaya E.G. (2023) Psixologicheskoe blagopoluchie lichnosti v zreлом vozraste [Psychological well-being of a person in adulthood] in *Strategiya razvitiya obrazovaniya dlya budushhego Rossii : Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, priurochennoj k Godu pedagoga i nastavnika v Rossijskoj Federacii, Vladimir, 16–17 marta 2023 goda. Tom Chast' 1* [Education Development Strategy for the future of Russia: Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the Year of Teacher and Mentor in the Russian Federation, Vladimir, March 16-17, 2023. Volume Part 1]. Vladimir, pp. 877–883 (In Russian).

68. Universum Platonovskoj my`sli: «Pajdejya, gosudarstvo, chelovek: antropologiya v Platonovskoj tradicii»: Sbornik materialov XXVII nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 28 iyunya 2019 goda (2019) [The Universe of Platonic thought: "Paideia, the state, man: anthropology in the Platonic tradition": Collection of materials of the XXVII scientific conference, St. Petersburg, June 28, 2019]. Sankt-Peterburg, 265 p. (In Russian).

69. Usy`nina T.P., Czvetnova A.D. (2017) Psixologicheskoe blagopoluchie studentov i faktory` ego opredelyayushhie [Psychological well-being of students and its determining factors] in *Vestnik Soveta molody`x ucheny`x i specialistov Chelyabinskoy oblasti* [Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk region]. № 2(1), pp. 122–124 (In Russian).

70. Ushakova A.V., Yaparova O.G. (2023) K voprosu o vzaimosvyazi psixologicheskoy gotovnosti k shkole i psixologicheskogo blagopoluchiya detej starshego doshkol'nogo vozrasta [On the issue of the relationship between psychological readiness for school and psychological well-being of older preschool children] in *Nauka v zhizni cheloveka* [Science in human life]. № 2, pp. 141–149 (In Russian).

71. Fedorova S.A. (2021) Vneurochnaya deyatel'nost' kak sredstvo podderzhaniya psixologicheskogo blagopoluchiya uchashhixsya mladshego shkol'nogo vozrasta [Extracurricular activities as a means of maintaining the psychological well-being of primary school age students] in *Nachal'noe obshhee obrazovanie: voprosy` razvitiya, metodicheskogo i kadrovogo obespecheniya : materialy` IV Vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, Irkutsk, 12 noyabrya 2021 goda* [Primary general education: issues of development, methodological and personnel support : materials of the IV All-Russian Scientific and methodological conference with international participation, Irkutsk, November 12, 2021]. Irkutsk: Asprint, pp. 262–267 (In Russian).

72. Filosofskij e`nciklopedicheskij slovar` (1983) [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Chief editors: L.F. Ilyichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov, 840 p. (In Russian).

73. Xajrullina E`.R. (2021) Psixologiya vzaimootnoshenij mezhdru studentami i prepodavatelyami v vy`sшем obrazovanii [Psychology of relationships between students and teachers in higher education] in *Pedagogicheskij zhurnal* [Pedagogical journal]. №11(5), pp. 636–649 (In Russian).

74. Xriptovich V.A. (2021) Psixologicheskoe blagopoluchie kak pokazatel' uspeshnosti socializacii v yunosheskom vozraste [Psychological well-being as an indicator of the success of socialization in adolescence] in *Nauchny`e trudy` Respublikanskogo instituta vy`sšej shkoly`. Istoricheskie i psixologo-pedagogicheskie*

nauki [Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and psychological and pedagogical sciences]. № 21-4, pp. 401–410 (In Russian).

75. Chernyaeva G.V. (2018) Psixologicheskoe blagopoluchie kak atributivnaya sostavlyayushhaya professional'nogo razvitiya lichnosti [Psychological well-being as an attributive component of professional personality development] in Psixologicheskoe blagopoluchie sovremennogo cheloveka: Materialy` Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ekaterinburg, 11 aprelya 2018 goda [Psychological well-being of a modern person: Materials of the International correspondence scientific and practical conference, Yekaterinburg, April 11, 2018]. Ekaterinburg, pp. 338–344 (In Russian).

76. Chuvashova A.G., Konareva I.N. (2020) Predstavleniya o psixologicheskom blagopoluchii detej doskol'nogo vozrasta v kontekste kul'turno-deyatel'nostnoj paradigmy` [Ideas about the psychological well-being of preschool children in the context of a cultural and activity paradigm] in Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psixologiya [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology]. №1 (In Russian).

77. Shajgerova L.A., Shilko R.S., Zinchenko Yu.P., Dolgix A.G., Vaxanceva O.V. (2018) Kul'turnaya determinaciya psixicheskogo zdorov'ya i psixologicheskogo blagopoluchiya: metodologicheskie voprosy [Cultural determination of mental health and psychological well-being: methodological issues] in Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psixologiya [Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology]. №2, pp. 3–23 (In Russian).

78. Shevelenkova T.D., Fesenko P.P. (2005) Psixologicheskoe blagopoluchie lichnosti (obzor osnovny`x koncepcij i metodika issledovaniya) [Psychological well-being of personality (review of basic concepts and research methodology)] in Psixologicheskaya diagnostika [Psychological diagnostics], №3, pp. 95–129. (In Russian).

79. Shevczov A. (2019) Antichnaya antropologiya zhelanij [Ancient anthropology of desires] in Universum Platonovskoj my'sli: «Pajdejya, gosudarstvo, chelovek: antropologiya v Platonovskoj tradicii» : Sbornik materialov XXVII nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 28 iyunya 2019 goda [The Universe of Platonic thought: "Paideia, state, man: anthropology in the Platonic tradition" : Collection of materials of the XXVII scientific conference, St. Petersburg, June 28, 2019]. Sankt-Peterburg, pp. 143–151 (In Russian).

80. Shevchenko N.V., Postnova M.V. (2021) Povy'shenie urovnya samoorganizacii uchashhixsya i studentov v uchebnoj deyatel'nosti pri distancionnom obuchenii [Increasing the level of self-organization of students and students in educational activities during distance learning] Sovremenny'e problemy` nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education], №4, pp. 43–51. DOI: 10.17513/spno.31041. (In Russian).

81. E`del'man A.B. (2022) Sub`ektivny`j vozrast kak faktor psixologicheskogo blagopoluchiya : special'nost` : 19.00.13 – psixologiya razvitiya, akmeologiya (psixologicheskie nauki) [Subjective age as a factor of psychological well-being: specialty: 19.00.13 – developmental psychology, acmeology (psychological sciences)], abstract of the dissertation for the degree of candidate of psychological Sciences, 25 p. (In Russian).

82. Ahmad S. (2024) The impact of the COVID-19 pandemic on the psychological well-being of Pakistani students in Penza Psychological Newsletter. No. 1(22). pp. 10–16 (In English).

83. Arslan Ü. et al. (2021) Relationship between intolerance of uncertainty and psychological wellbeing during the COVID-19 pandemic: The mediating role of mindfulness in Cukurova University Faculty of Education Journal. V. 50. №. 1. pp. 379–399. doi.org/10.14812/cufej.844268 (In English).

84. Bradburn N. (1969) The Structure of Psychological Well-Being. Chicago: Aldine Pub. Co, 320 p. (In English).

85. Cummins R. (2010) Subjective wellbeing, homeostatically protected mood and depression: A Synthesis. Journal of Happiness Studies. 11, pp. 1–17. Retrived from: doi.org/10.1007/s10902-009-9167-0 (In English).

86. Diener E., Diener C. (1996) Most people are happy in Psychological Science. № 7. pp. 181–185 (In English).

87. Dodge, R., Daly, AP, Huyton, J., & Sanders, LD (2012) The Challenge of Defining Wellbeing. International Journal of Wellbeing. 2, pp. 222–235. doi.org/10.5502/ijw.v2i3.4 (In English).

88. Dutta T. et al. (2023) Impact of intolerance of uncertainty on well-being during COVID-19 pandemic in India: Does practising gratitude and mindfulness help? in IIMB Management Review. V. 35. №. 3. pp. 286–297. doi.org/10.1016/j.iimb.2023.07.004. (In English).

89. Herdian H, Suwanti S, Estria SR. (2022) Psychological wellbeing and psychological distress in the elderly during the COVID-19 Pandemic. Consortium Psychiatricum. 3(2), pp. 88–96. doi: 10.17816/CP176 (In English).

90. Jennifer L. Smith & Linda Hollinger-Smith (2014): Savoring, resilience, and psychological well-being in older adults, Aging & Mental Health, DOI: 10.1080/13607863.2014.986647 (In English).

91. King L.A., Napa C.K. (1998) What makes a life good? in *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 75, pp. 156–165 (In English).
92. Koç M. et al. (2016) Investigation of the effect of intolerance of uncertainty and the effect of anger control on the relationship between forgiveness and psychological well-being through structural equation modelling in *Sakarya University Journal of Education*. V. 6. №. 3. pp. 201–209 (In English).
93. Miriam Sang-Ah Park, Nobuhiko Goto, Alice Kennedy, Sanjana Raj, Alexander Dutson, Lauren Park & Laurent Sovet (2020): Positive orientation, job satisfaction and psychological well-being of mental health practitioners in Malaysia, *Psychology, Health & Medicine*, DOI: 10.1080/13548506.2020.1804599 (In English).
94. Rettie H., Daniels J. (2021) Coping and tolerance of uncertainty: Predictors and mediators of mental health during the COVID-19 pandemic in *American Psychologist*. V. 76. №. 3. pp. 427 (In English).
95. Ryff C.D., Keyes C.L.M. (1995) The structure of psychological well-being revisited in *Journal of Personality and Social Psychology*. № 69. pp. 719–727 (In English).
96. Ryff C.D., Keyes C.L.M. (1995) The structure of psychological well-being revisited in *Journal of Personality and Social Psychology*. № 69. pp. 719–727 (In English).
97. Schultz T. (1961). Investment in Human Capital. *American Economic Review*, 51, pp. 1–17 (In English).
98. Seligman M. (2012) *Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-being* Paperback. 368 p. (In English).
99. Stone D. (1976) *The Human Potential Movement in The New religious consciousness*. University of California Press, pp. 93–115 (In English)
100. Shah H., Marks N. (2004) *Manifesto well-being for prosperity of society*. London, Velikobritaniya: New Economy Fund. doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198567523.003.0020 (In English).
101. Vasylykevych Y. Z. et al. (2021) Creativity and uncertainty tolerance as a resource for the psychological well-being of an individual in *Revista de la Universidad del Zulia*. V. 12. № 34, pp. 585–603 doi.org/10.46925/rdluz.34.32 (In English).
102. Zautra A.J., Smith B., Affleck G., & Tennen H. (2001). Examinations of chronic pain and affect relationships: Applications of a dynamic model of affect. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 69, 786795 (In English).

Поступила в редакцию 12.11.2024 г.

REVIEW OF DOMESTIC AND FOREIGN STUDIES OF PHENOMENON OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING

E.G. Maksimenko, A.V. Gordeeva, S.A. Wildgrube, N.P. Andryushkova, S.V. Nabatova, E.V. Chukanov

Interest in the problem of psychological well-being is accounted for by the social demand for the quality of human life, the analysis of the subjective need to be satisfied, the feeling of awareness of life filled with meanings and values, their influence on the individual's functioning in the areas of health, education, activity, etc. The article presents an overview of studies of psychological well-being in the historical aspect. The cyclical nature of changes in the semantic categories of psychological well-being in different eras, beginning with antiquity has been pointed out. The inference about a possible connection between culture, the state value system, and an individual citizen's psychological well-being has been made. The orientation of public culture to a person and society as the highest values shapes the goals of creating comfortable conditions for people to live and work. It is emphasized that psychological well-being arises in the process of achieving them. Experiences of ill-being are largely associated with the loss of self-worth, the significance of a personality for society, and social deprivation. The review of scientific research has shown that psychological well-being can be considered an indicator of the society and the state development, reflecting the citizens' striving for self-development, the need to serve the Motherland, family, and children.

Key words: psychological well-being, happiness, self-actualization, control, adaptation, deprivation, psychological health.

Максименко Елена Георгиевна.

Доктор психологических наук.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Профессор кафедры общей психологии.

Maksimenko Elena Georgievna.

Doctor of Psychology.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Professor of General Psychology Department.

ORCID 0000-0003-0622-6871.

E-mail: e.maksimenko.dongu@mail.ru.

Гордеева Алла Валериановна.

Кандидат психологических наук.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Заведующий кафедрой общей психологии.

ORCID 0000-0003-1720-0466.

E-mail: a.valer@mail.ru.

Вильдгрубе Светлана Александровна.

Кандидат психологических наук.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Заведующий кафедрой клинической
психологии.

ORCID 0009-0006-2901-6120.

E-mail: S.Vildgrube@mail.ru.

Андрюшкова Надежда Петровна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Старший преподаватель кафедры общей
психологии.

ORCID 0000-0001-7531-1098.

E-mail: andruchkova@rambler.ru.

Набатова Софья Вадимовна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Старший преподаватель кафедры общей
психологии.

ORCID 0009-0004-7114-1481.

E-mail: Sofya.nabatova@yandex.ru.

Чуканов Евгений Валерьевич.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Старший преподаватель кафедры общей
психологии.

ORCID 0009-0003-0237-767X.

E-mail: e.v.chukanov@mail.ru.

ORCID 0000-0003-0622-6871.

E-mail: e.maksimenko.dongu@mail.ru.

Gordeeva Alla Valerianovna.

Candidate of Psychology.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Head of General Psychology Department.

ORCID 0000-0003-1720-0466.

E-mail: a.valer@mail.ru.

Vildgrube Svetlana Aleksandrovna.

Candidate of Psychology.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Head of Clinical Psychology Department.

ORCID 0009-0006-2901-6120.

E-mail: S.Vildgrube@mail.ru.

Andryushkova Nadezhda Petrovna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Senior Lecturer of General Psychology
Department.

ORCID 0000-0001-7531-1098.

E-mail: andruchkova@rambler.ru.

Nabatova Sofya Vadimovna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Senior Lecturer of General Psychology
Department.

ORCID 0009-0004-7114-1481.

E-mail: Sofya.nabatova@yandex.ru.

Chukanov Evgeniy Valerievich.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Senior Lecturer of General Psychology
Department.

ORCID 0009-0003-0237-767X.

E-mail: e.v.chukanov@mail.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакommunikации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректурa статей авторам не высылается.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объём текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления.** В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится

(название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т. А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T. A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приёма статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:**

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. **Поля зеркальные:** верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пушица и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,*

И всюду он гусар.

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования. Ключевые слова:** (это словосочетание – полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья

УДК 81:112

DOI:

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2024 *Т.А. Дьякова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

ORCID 0000-0002-8440-7806.

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена

необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалья, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 202X. – № X. – С. XX-XX. – <https://doi.org/>

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (10 кегль без абзачного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников – список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источников приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала – работы на русском языке, затем – на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник даётся в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ,

принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М.Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. – 1965. – № 2. – С. 59-68.

2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.

3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.

4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. – Воронеж, 2019. – 324 с.

5. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).

6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – Вып. 1 (43). – С. 20-31. – <http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31>.

8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращённого слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. – 2023. – Т. 21. № 1. – С. 79–96. – <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов / О. Ипатова // Ольгердово копье: романы. – Минск: Беллитфонд, 2002. – С. 3–299.

10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. – 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) даётся список **References**, в котором используется формат АРА с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате АРА. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после неё. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V.I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznanii. Drevneiranskie iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)

2. Berezovich, E.L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)

3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. *Indogermanische Forschungen*, 98, 177–185. <http://doi.org/10.1515/9783110243390.177> (In Italian)
4. Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German).
5. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
6. Harvalík, M. (2004). Synchronní a diachronní aspekty české onymie [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
7. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205. (In French).
8. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
9. Lysova, E. V. (2002). *Ornithonimiiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
10. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. *Romance Philology*, 56 (1), 41–50. <http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495> (In English).
11. Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.
12. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). *Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g.* [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

- Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:
 - название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
 - через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по левому краю, без абзаца),
 - через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

Diakova Tatiana Alekseevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

10. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонГУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

.

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2024. – № 5

На русском и английском языках

Технический редактор: Д.И. Борозенец